

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№167/5-6 (5038)
МАЙ – ИЮНЬ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

**Великая
Отечественная
война:**

**80-летие
Победы**

9 770757 223144

4 191898 007502

50167

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

МАЙ СВЯЩЕННЫЙ

битвы за Днепр и Кавказ, за Москву и Берлин...

Особое место займут мемуары Елены Таракановой, фронтовой «милосердной сестрички», вынесшей с поля боя 102 раненых, самой дважды раненой. Елена Филипповна, уроженка Красной поляны Ворошиловградской области, вела записи на протяжении почти всей войны – с ваящим риском для себя: изготовление таких свидетельств было категорически запрещено в Красной армии.

Расскажем мы и о немалой роли Церкви в дни войны, о священнослужителях-патриотах. И конечно, в нашем Победном выпуске мы вспомним героев Великой Отечественной – героев известных, а еще больше неизвестных.

С 80-летием Великой Победы, дорогие читатели!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№167/5–6(5038)
МАЙ – ИЮНЬ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
и ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cr@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

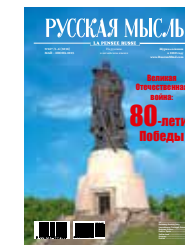
ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:
Памятник Воину-освободителю
в Трептов-парке в Берлине

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

historyrussia.org, foma.ru, wikireading.ru,
en.wikipedia.org, zvezdaweekly.ru; фото: wikimedia.org,
wikipedia/commons, commons.wikimedia.org

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ОДНА НА ВСЕХ
ПОБЕДА

Память о Великой Отечественной войне живет в каждом из нас.

ИНТЕРВЬЮ

12 ДРАНГ НАХ ОСТЕН
НЕ СОСТОЯЛСЯ

Михаил Мягков: «Даже после прихода Гитлера к власти можно было предотвратить наихудший сценарий – стоило только прислушаться к предложению СССР».

ИСТОРИЯ

20 СТАЛИНГРАД

Юрий Бондарев о войне и о трудном пути к Великой Победе.

26 НАКАНУНЕ
ВОЙНЫ

Политическое руководство СССР понимало, что военное столкновение с фашистской Германией неизбежно.

30 ИЛЛЮЗИИ
«УРАЛЬСКОГО
ФРОНТА»

Конечные цели Гитлера в войне против СССР и сегодня остаются загадкой.

34 НАВЕКИ
СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ
КРЕМЛЕВЦЫ...

Этот курсантский полк существовал всего два месяца, трижды падал в окружение, но ни разу не оставил позиций без приказа.

40 ЛЕНД-ЛИЗ:
ЭФФЕКТИВНАЯ
ПОМОЩЬ СОЮЗНИКА

Помощь, которую получил по ленд-лизу Советский Союз, сыграла немалую роль в борьбе советского народа против фашистской агрессии.

48 НЕИЗВЕСТНЫЕ
СТРАНИЦЫ ОПЕРАЦИИ
«ЭВРИКА»

Рассказывает сын личного радиста Сталина.

52 ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
БЕРЛИНА

В ночь на 1 мая над куполом поверженного Рейхстага взвилось Знамя Победы.

56 «ЛЮБА + САША»:
ПЕРВАЯ СВАДЬБА
ПОБЕДЫ

Вместо загса они расписались на стене Рейхстага.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ62 ГЕРОИ
БЕССМЕРТНЫ

Они боролись во имя любви к своей стране на земле, в небе и на море.

МЕМУАРЫ

70 ЕСЛИ РАНИЛИ
ДРУГА

Записки фронтовой медсестры.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК78 СЛОВОМ И МЕЧОМ:
ПОДВИГ ЦЕРКВИ
В ГОДЫ ВОЙНЫ

Представители Церкви сполна разделяли со своим народом все тяготы и ужасы войны.

82 БОГ ПРОСТИЛ
И ПОМОГ

В годы Великой Отечественной войны на помощь народу и разведке пришла Православная Церковь.

88 НИКТО НЕ ЗАБЫТ
МИЛОСЕРДНЫМ
БОГОМ

Вечная память всем ветеранам и героям Великой Отечественной войны и всем невинно убиенным жертвам.

ЛИТЕРАТУРА

92 ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ПОЭТОВ

Их молодость прошла на фронте, и тех, кто выжил, тема войны не отпускала до конца жизни.

94 ПИСАТЕЛИ-
ФРОНТОВИКИ

У всех, кто прошел войну, кто выжил смерти вопреки, душа будет кровоточить до конца жизни.

ОЧЕРК

100 ИМЯ ВЕРЫ

История идет вперед, но с оглядкой назад: имя Веры вернули время и память.

КУЛЬТУРА

104 ПОИСК
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Борис Неменский о войне и творчестве, о России и ее будущем.

В МИРЕ КИНО

110 ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕ-
СТВЕННАЯ ВОЙНА
В СОВЕТСКОМ КИНО

Фильмы, рассказавшие правду о войне.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ОДНА НА ВСЕХ ПОБЕДА

Память о Великой Отечественной войне живет в каждом из нас

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Празднование Дня Победы на улице Горького в Москве. 9 мая 1945

Человеческий мозг, если верить научным журналам, может запомнить 2,5 петабайта (2500 терабайт или 2,5 млн гигабайт) информации. Я не слишком в эту статистику верю, однако понимаю, что это очень и очень много. Во всяком случае такое количество данных

не содержат даже крупнейшие библиотеки мира. Проблема лишь в том, что записывается нашим разумом практически все, но воспроизводится лишь частично. Правда, психологи утверждают, будто человек «переваривает» огромный объем информации. Помнит все,

с чем когда-либо сталкивался в жизни: запахи, звуки, ситуации, цифры и, конечно, людей с их именами, фамилиями, адресами, телефонами... В общем, получается, что мы знаем гораздо больше, чем даже сами подозреваем об этом. Ученые утверждают, что под гипнозом человек

все это способен воспроизводить. Так ли это?

«Прошлого уже нет, а будущее еще не наступило», – утверждал Святой Августин, прозванный также Блаженным. Епископ и богослов раннего христианства, он

Одни народы помнят каждой клеточкой индивидуума, к ним принадлежащего, давний трагический исход из далеких родных земель, ставших смертоносными по воле врагов-захватчиков. Другие – былое и периодически возникающее, как сказочный мираж, имперское величие могучих пращуров. А кто-то – карикатурно амбициозный и несоразмерно важный – вообще, не имеет вразумительного родового прошлого, кроме болот, тумана и утлых хижин среди рассыпанных камней на скудном берегу, но все равно на что-то претендует в противоречивом современном мире. Срабатывает подобным образом генетический код нации? Возможно. Но никто не способен, несмотря на призывы древних восточных мудрецов, «существовать в этом мире, не принадлежа ему». Время в пространстве памяти не имеет единиц измерения. И вот парадокс (с недавних пор знаю по себе): далекое позавчерашнее лучше вспоминается, чем близкое вчерашнее, вроде бы совсем недавнее. Впрочем, и то, и другое ныне все равно уже не достать.

Мы, россияне, прошли на протяжении последнего столетия немалый путь от Гулага до Гугла и, нельзя не признать, многому – по разным причинам и поводам – так и не научились. Впрочем, мы осознали главное: необходимо помнить свое прошлое – хотя бы для того, чтобы оно не повторилось впредь. Именно поэтому память о Великой Отечественной войне живет в каждом из нас.

«История – это ложь, с которой все согласны», – утверждал Вольтер. Он заблуждался, самовлюбленный французский мудрец. Он знал, что самое трудное в жизни – говорить правду, равно как, кстати, и говорить ложь. Но не понимал, что есть такие вещи, которые не подпадают ни под какие оценочные категории. Ибо события эти

были слишком страшными и долгоиграющими, чтобы о них потомки позволяли бы себе рассуждать всуе. Мы, живущие на постсоветском пространстве, прекрасно знаем, о чем говорим, – о самой страшной из войн, она живет в нашей памяти восемь десятков лет после ее окончания. Судим о нашей общей боли, с которой и по сей день не может сравниться, без преувеличения, ничто.

Цена Великой Победы говорит сама за себя и подавляет обывательский разум. Судите сами! Если каждого из 27 миллионов граждан СССР, погибших в Великой Отечественной войне, почтить минутой молчания (одной лишь минутой!), мир замолчит более чем на полстолетия... Если же портреты всех погибших на фронте и в тылу пронести в одном строю в Акции «Бессмертный полк», то колонна будет идти 19 суток!.. И нет такой семьи в России и Белоруссии, Армении и Казахстане – список постсоветских республик можно продолжать! – которая бы не потеряла кого-то из родных и близких в самой страшной из войн в истории человечества. Как мы можем об этом не помнить!

В каждом доме у нас бережно хранятся по сей день выцветшие фотографии людей в военной форме, письма с фронта химическим карандашом на грубой, пожелтевшей бумаге, боевые ордена и медали, полученные за отвагу и смекалку дедами и отцами. Несказанно повезло тем, чьи родственники вернулись с войны, но таких – увы! – меньшинство. И мы помним о погибших. Чтим их. «Жизнь дана на смелые дела», гласит народная поговорка. А другая утверждает: «Победа над смертью рождает героя». Все, вернувшиеся и не вернувшиеся, кто отстоял нашу свободу в борьбе с фашизмом, – герои. Заявляю с гордостью: есть такой замечательный человек и в моей семье.

был прав лишь отчасти: прошлое и в самом деле миновало, однако прожитое не исчезает бесследно, оно накладывает отпечаток и на настоящее, и на будущее. Таково уж свойство нашей памяти... Только какой? Личностной, семейной, национальной?

Памятник с мемориальной доской на месте боя Бориса Хигрина у деревни Ослевка

Огненный капитан

Об этом человеке я уже рассказывал в «Русской мысли». Но теперь в мои руки попал дневник военных лет. Непричесанный, грубый, сырой, но невероятный по своей силе документ! И полем событий, развертывавшихся в начальные страшные годы Великой Отечественной, оказалась вся советская страна. Без преувеличения. На фактах этих записок и основан мой незамысловатый рассказ.

Ольга Петровна Соловых (старая сибирская фамилия), в замужестве Хигрина, родилась в Рязанской губернии и к началу самой разрушительной из войн в тридцать пять лет была матерью трех мальчишек. Мал мала меньше! Самому «мелкому», Олегу, едва больше года. Нападение немцев застало семью в Бобруйске, где нес воинскую службу на посту начальника полковой школы и в должности командира Второго дивизиона (122-мм пушки образца 1931–1937 годов и 152-мм гаубицы образца 1937 года) глава семьи,

капитан-артиллерист Борис Львович Хигрин. Так уж получилось, что ему, уроженцу Орши, пришлось встретиться с самым главным и последним, как оказалось, испытанием его жизни там же, в родной Белоруссии.

5 июля 1941 года сорок бронемашин из 2-й танковой группы генерала Гейнца Гудериана прорвались на берега тихой реки Клевы. Чтобы остановить их у моста рядом с шоссе Могилев – Минск, открывавшем путь на Москву, наши поставили на выгодной огневой позиции 122-мм орудие из состава 2-го дивизиона. Одно, всего одно! Больше сил не оставалось – задачей этого расчета было любой ценой прикрыть отход 1-го и 2-го дивизионов Красной армии: им предстояло организовать оборону у реки Орик, на возвышенном восточном берегу.

После того как основные части начали успешно укрепляться на новом рубеже, капитан Хигрин поехал на машине снимать оставленное у Клевы орудие. Кроме шофера,

взял с собой еще и Ивана Цупикова, призванного с Украины. Как знал капитан, что ему потребуется надежный помощник: очень скоро Цупиков и стал заряжающим. Он же потом и рассказал о последнем бое того, кого сегодняшние военные летописцы от Белоруссии до России называют не иначе, как Огненным капитаном.

Близился вечер. Когда капитан Хигрин подъехал к берегу Клевы, увидел, что сразу десять фашистских танков вели огонь по орудью, оставленному в заграждении советскими артиллеристами. Из орудий, пулеметов, из всего... Ураганный огонь! А за ними сгрудились у моста, дожидаясь своей очереди рвануться в бой, еще несколько десятков бронемашин с паучьими крестами на башнях. Силы неравные, положение, казалось бы, безнадежное. Убиты командир орудия Ланчава и наводчик Бахаров, тяжело ранен комвзвода лейтенант Козырь...

И тогда Борис Хигрин сам встал к панораме орудия, не зря он два года назад был одним из первых, кто начал осваивать новые, столь любимые батарецкам пушки конструкции Федора Петрова. Уверенные, расчетливые движения, точный глазомер, мастерский стрелковый опыт – и вот запылали четыре фашистских танка, подбитых капитаном!.. Безусловно, он мог бы, увидев разгромленный в неравном бою артиллерийский расчет, вернуться к своим. Дескать: «Что тут поделаешь, против силы не попрешь! Надо обороняться теми средствами, которые у нас еще остались...» Но разве мог он, красный командир, уступить врагу?

Капитан продолжал вести огонь. Немцы не выдержали, попятились назад, стали отходить. И тут осколком снаряда Борису Хигрину пробило навывлет грудь. Смертельно. С такой раной не выживают.

И бой захлебнулся... На мгновение воцарилась тишина, ее

разрывало только лязганье немецких гусениц. Враг воспрянул духом и вновь пошел вперед. И тут прицельно «заговорили» с высоких огневых позиций у реки Орик основные силы 2-го дивизиона. Гаубицы лейтенанта Павловского завершили разгром немецкой танковой колонны из группы армий «Центр». Танки прославленного гитлеровского генерала, прозванного не иначе как «Гудериан-ураган», бронированные монстры, совсем недавно проутюжившие в триумфальном марше всю Западную Европу, за считанные минуты были превращены в горящие куски металла на берегах никому ранее не известной речки со смешным названием Клева. У безымянного моста в Белоруссии фашисты потеряли более двадцати танков, почти целый полк. И не прошли!

Остальное осталось уже в похоронных анналах. Красноармеец Прокофий Анисимов под шквальным огнем немцев вынес с поля боя умирающего командира. Начальник штаба 462-го КАП (корпусно-артиллерийского полка) капитан Григорий Худолев, по приказу командира полка майора Ивана Собкалова, лично захоронил Бориса Хигрина. Сразу за местечком Белиничи, вблизи шоссе Минск – Могилев. Жители деревни Карытнича собрали после боя тела всех погибших советских бойцов и предали их земле в братской могиле у той же самой деревни. На опушке сосновой рощи. Крестьянин по фамилии Шепелевский собрал медальоны с фамилиями у всех павших бойцов, чтобы после войны сообщить их родным о месте захоронения. Увы, во время оккупации этот человек подорвался на mine и погиб. Так прибавилось число солдат, оставшихся навсегда неизвестными...

Правда, стоят на белорусской земле памятники Огненному капитану. Их целых три. На месте гибели

у села Ослевка, где застыло навсегда на постаменте артиллерийское орудие, и два монумента в Белиничах – стела и надгробный памятник.

1 сентября 1941 года газета «Правда» опубликовала указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной армии». И в пункте под номером 4 – капитану Хигрину Борису Львовичу. Однако семье ни тогда, ни после Победы никакой награды не вручили: по правилам того времени, ордена и медали посмертно родственникам не передавались. Лишь через два года после гибели мужа Ольге Петровне Хигриной прислали Грамоту о присвоении Огненному капитану звания Героя – за подписью «всесоюзного старосты» Михаила Калинина и секретаря Президиума Александра Горкина. Сейчас подлинник этого документа хранится в Центральном музее Вооруженных сил, куда грамота была передана семьей.

А вдове героя было в то время, по большому счету, не до высоких грамот и красивых дипломов. Чудом успевшая спастись из фронтовой полосы с тремя маленькими детьми – самому старшему из них, Игорю, 23 июня сорок первого, на второй день войны, исполнилось девять, – Ольга Петровна Хигрина добралась сначала до родного Скопина, что под Рязанью, а потом и до Астрахани, где жила тогда ее старшая сестра Надежда. Но фашисты прорвались к Волге и стояли в считанных километрах от Астрахани, поэтому в дни боев за Сталинград началась еще одна эвакуация – в Казахстан.

Выдержка из воспоминаний Ольги Петровны Хигриной: «На берегу Аральского моря прожили целый год – до августа 1943 года... По дороге в Аральск проезжали станцию Баскунчак, видели ее разбомбленную. А наш поезд немец бомбить не стал.

Жили в Аральске внятером: нас четверо и тетя Надя. Дали домик на самом берегу. Насекомые разные, шум приборя. А потом дали комнатку в центре Аральска, там Игорь пошел учиться вместе с казахскими детишками в школу. Писать – тетрадок не было, и пользовался он брошюрками, писал между строк...»

Казахстанцы пришли на помощь беженцам из Белоруссии, Украины и России. Сотни тысяч эвакуированных выжили в военную годину благодаря гостеприимству и поддержке Казахстана. Такое не забывается...

К концу 1943 года немцев с нашей земли окончательно и решительно погнали. Хигриным стало ясно, что можно ехать в Москву, где в то время жило большинство их родственников. Без специальных пропусков в столицу, однако, не пускали. Тогда-то и помогла звезда Героя, полученная посмертно Огненным капитаном.

Поселились в Коптино, на столичной окраине, в районе Красно-го балтийца. В домике у старшей сестры, где жили, пока Ольга Петровна добивалась комнаты в бараке для семьи героически погибшего на фронте. Там, в бараке под номером 3 поселка Карамышево (ныне это симпатичный московский квартал Хорошево-Мневники), который построили заключенные, прокладывавшие в 30-х годах канал имени Москвы, – Хигрины и прожили 17 лет. Без элементарных удобств, рядом с «кладбищем» трофейных самолетов. До 1960 года... Но это уже другая история. Тоже семейная, но совсем иная.

Знает только народ...

Мой дед Константин Петрович Соловых, старший брат Ольги Петровны Хигриной, на фронтах Великой Отечественной не был, в силу слишком солидного

Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата. Москва. Россия

возраста. Но работал на армию в тылу – выпускал в Подмосковье противогазы. Однажды я – тогда еще совсем мальчишка – спросил его, битого-перебитого инвалида

Первой мировой войны, прозванной когда-то Германской, почему он ни разу мне ничего не рассказывал о своих давних ратных подвигах. Дед в ответ только грустно

улыбнулся и затянулся папироской: «О войне просто так не рассказывают... Да и говорить тут нечего».

Много лет спустя, уже став журналистом, я задавал тот же самый

вопрос представителям поколения моего отца, воевавшим в Великую Отечественную (отец призван не был из-за миопии высокой степени, но писал о войне и выезжал

в зону боевых действий, сотрудничая с популярной тогда газетой «Советский патриот»). И что же? Все они, писатели и журналисты, врачи и профессиональные военные, в один голос подтверждали то, в чем мне признался как-то Михаил Максимович Вершинин, поэт-фронтовик, освобождавший, в частности, Прагу: «Война – не такое дело, чтобы о ней просто так говорить...»

Да, фронтовики и их близкие – а это, без преувеличения, все мы – говорили о погибших редко. Тогда, когда поминали их. Зато помнили о них всегда.

В конце 70-х, помнится, я в ходе командировки оказался под Ярославлем в одном крестьянском доме. Там вместо иконостаса висели фотографии погибших на войне сыновей и дядьев. Хозяйка, тетя Маша, заметив мои любопытствующие взгляды, принялась объяснять: «Это брат Яша, погиб под Ржевом... А это Николай, мой младшенький, убили его уже после войны, в Карпатах, где воевали с “бандерами”... А вот – Вася, мой средний сын, он пал, когда освобождали Варшаву... А это Сергей Иванович, супруг мой, мы поженились в двадцатом, убило его в Беларуси...» Старая женщина перечисляла родных людей, не вернувшихся с Великой Отечественной, ровным тихим голосом, с удивительным спокойствием, без надрыва и слез, что, казалось бы, вполне можно было ожидать.

Так же – с тихим достоинством – несколько лет назад я рассказывал о блокаде Ленинграда одной пожилой милой даме у стойки французского бара, с которой у нас зашел разговор о прошедшей войне. Поведал, что в первые три месяца блокады размер хлебной пайки для жителей сокращался пять раз. Хлеб был почти единственным продуктом питания ленинградцев. С 20 ноября по 25 декабря

1941 года размеры пайки хлеба достигали критических – по 375 грамм для тех, кто трудился в горячих цехах, 250 грамм – для инженерно-технических работников и прочих рабочих и по 125 грамм – для всех остальных категорий блокадников. Эта норма хлеба выдавалась на сутки. И какой хлеб! Он был очень сырым и тяжелым, со жмыхом, неочищенным зерном и другими добавками. Тем не менее это была суточная пайка: иную еду, как правило, достать было невозможно. Кто-то съедал свой кусок хлеба сразу, нередко прямо у прилавка магазина. Те, кто так делал, обычно умирали быстрее других от голода. Другие отщипывали хлеб маленькими кусочками и подолгу его сосали, растягивая на целый день. Однако врачи рекомендовали делить порцию хлеба ровно на несколько приемов пищи...

Француженка, стоявшая рядом со мной с бокалом шампанского, сочувственно взглянула на меня и продолжила тему: «В Париже в годы немецкой оккупации тоже было непросто. Представьте себе, даже круассаны в ту пору у нас продавались черствыми!» Не думаю, что это было со стороны любезной мадам умышленной издевкой. Просто-напросто – два разных мира. У нас Победа – как генетический код, это наша национальная очевидность... Что тут иноземцу втолкуешь? Что еще скажешь?

И все-таки, я убежден – о войне и о Великой Победе говорить стоит, и как можно чаще. В конце концов, ведь и память – наше общее достояние. Этому и посвящен новый, Победный, номер «Русской мысли». Как мне рассказывали, незадолго до смерти прекрасный писатель Константин Симонов, сам фронтовик, сделал своей фразу, услышанную от солдат-победителей: «Всю правду знает только народ». Пусть он и говорит!

ДРАНГ НАХ ОСТЕН НЕ СОСТОЯЛСЯ

Михаил Мягков: «Даже после прихода Гитлера к власти можно было предотвратить наихудший сценарий – стоило только прислушаться к предложению СССР»

Беседу вел
ВЛАДИМИР СУХОМЛИНОВ

Наш гость – научный директор Российского военно-исторического общества (РВИО), известный специалист по изучению истории Великой Отечественной войны, доктор исторических наук Михаил Мягков.

– Михаил Юрьевич, не только в России, но и в мире задаются вопросом: можно ли было избежать войны? Есть версия, популярная на Западе, согласно которой Гитлер якобы не хотел воевать с СССР, а лишь намеревался проучить Сталина.

– Да, войны можно было избежать, хотя сделать это было весьма трудно. Во-первых, итоги Первой мировой не были окончательными. Французский маршал Фош после подписания в 1919 году Версальского договора сказал: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет». Оказался прав. В 1939-м началась новая война. Победители Первой мировой продиктовали в Версале такие условия Германии, которые поставили ее не только в положение второсортной страны, но и фактически унизили. Она должна была существовать как страна-банкрот. Не прошли судебные процессы над реальными виновниками войны. Заботились, чтобы больше получать прибыли от поверженного противника. В Германии стали возникать реваншистские настроения,

чем воспользовались нацисты. В 1923-м состоялся Мюнхенский путч Гитлера, стала стремительно расти нацистская партия НСДАП. В январе 1933 года гитлеровцы пришли к власти.

Еще важный момент. Версальский договор и дополнения к нему не учитывали позицию Советской России, а потом СССР. Нас ведь и в Лигу наций приняли только в 1934-м. А как без такой огромной страны строить надежную систему международной безопасности?

При этом даже после прихода Гитлера к власти можно было предотвратить наихудший сценарий. Стоило только прислушаться к предложению СССР. Нарком по иностранным делам СССР Максим Литвинов с трибуны Лиги наций заявил о необходимости проведения политики коллективной безопасности. Для этого Англия, Франция, США и Советский Союз должны были бы встать стеной против возможной агрессии гитлеровской Германии. Увы. Голоса СССР не услышали.

Действия Англии и Франции вылились в «политику умиротворения», как принято говорить у нас. Что бы ни творила Германия, этого либо не замечали, либо даже одобряли. Вот началась Гражданская война в Испании. Западные страны объявили о «невмешательстве», что, по существу, шло в плюс профашистскому правительству

генерала Франко. В марте 1938-го произошел аншлюс Австрии – ее поглотила Германия. Вокруг молчок, только СССР против. Венцом всего стало Мюнхенское соглашение 1938 года. Руководители Англии и Франции, встретившись с Гитлером и Муссолини, фактически предали Чехословакию, своего союзника. В руки Гитлера сначала передали Судетскую область, где проживали наряду с чехами судетские немцы, а потом всю страну. Польша повела себя, как говорил о ней Черчилль, подобно «гиене»: отхватила от Чехословакии Тешинскую область. Венгрия взяла Подкарпатскую Русь.

Удивительно, но тогда Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье, чему немало подтверждений, относились к Гитлеру как к «своему парню». Да, опасен, да, какой-то не такой, но не варвар русский. К чему привела недалекость, знаем. После поглощения Чехословакии посол США в Испании К. Бауэрс откровенно сказал: «Мюнхенский мир за одну ночь свел Францию до положения второсортной державы». Чемберлен, вернувшись в Лондон, заявил, что «привез мир», но даже английские газеты не поверили. Иронично писали, что это был «мудрый план продать своих друзей, чтобы заплатить врагам».

В СССР осознавали: следующий шаг будет против него. «Политика умиротворения» разваливалась как картонный домик.

– То есть ни о каком «поучении Сталина» не было и речи, это лишь версия. Все целенаправленно двигалось к захватнической войне?

– У Гитлера давно возник такой план. Для него война была не только способом держать власть, но и путем достижения экономической состоятельности Германии. Ведь она, я уже упоминал, была банкротом. Гитлер даже выпускал облигации – бумаги, ничем не обеспеченные, но позволявшие германским промышленникам, в том числе компаниям «Рейнметалл», «Крупп», «Сименс» и другим, выпускать продукцию, держаться на плаву. Пушки вместо масла – такое много раз повторялось в истории. Видим это и сегодня.

– Насколько реальными были шансы столкновения СССР не с Германией, а с коалицией западных государств, включая Англию и Францию?

– В 20–30-е годы прошлого века в СССР не только руководство, но и население ощущали себя в положении осажденной крепости. На Западе – враждебные страны, на востоке – Япония, которая оккупировала большую часть Китая. Мы могли оказаться в ситуации войны на два фронта.

Изучая материалы военных архивов, видишь, что до прихода Гитлера к власти в 1933-м, у нас

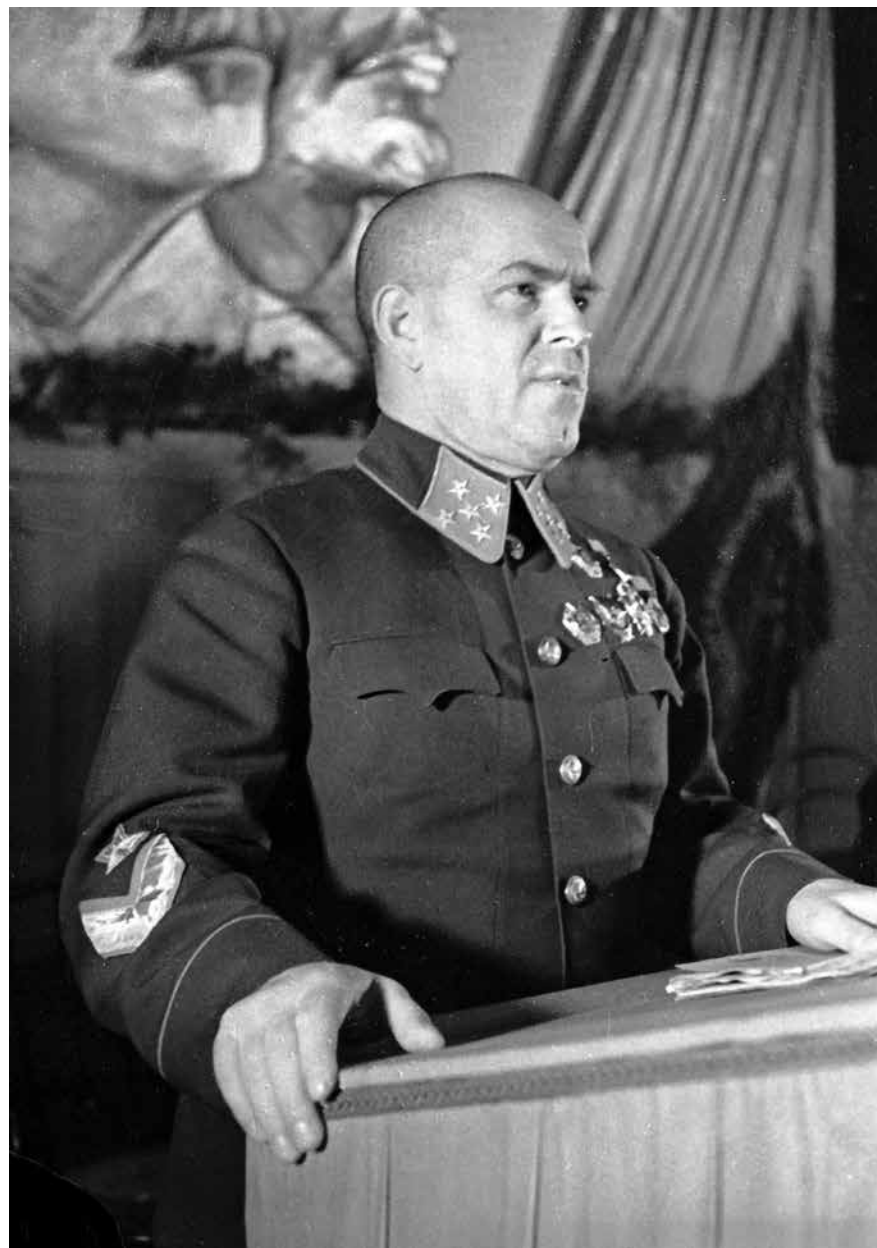
Невилл Чемберлен произносит краткую речь по прибытии в аэропорт Хестон 30 сентября 1938 года после Мюнхенской конференции

в оперативных военных планах главным противником считалась Польша. Это же она во время Гражданской войны захватывала Киев и Минск, вела себя агрессивно в межвоенный период. И дело не только в захвате земель, но и в жестоком отношении к населению, к тем же украинцам и белорусам, находившимся под гнетом Второй Речи Посполитой. С приходом Гитлера к власти у руководства СССР еще оставались надежды, что Англия и Франция выступят вместе с нами против фашизма. Хотя иллюзий не было. Особенно после Мюнхенского сговора. Вслед за ним, а это 1938 год, Англия и Франция заключили договоры о ненападении с Гитлером.

Возникал вопрос: а не двинут ли они совместно на нас? Плюс ко всему был договор Пилсудского с Гитлером 1934 года. Вывод окреп в ходе советско-финляндской войны

1939–1940 годов, когда Финляндию поддерживала и Англия, посылавшая оружие и добровольцев, и Франция, не говоря уж о Германии. Был и англо-французский план «Пайк» (в переводе «острие копья») о нанесении бомбовых ударов французской и британской авиацией с аэродромов в Сирии, Ираке по СССР, в частности по Бакинскому, Грозненскому нефтяным месторождениям, по порту Батуми: планировали лишить СССР нефти, ведь, к примеру, в Баку добывалось более 90% советской нефти. Был план высадить десант в Мурманске.

Такие картины рисовались до июня 1940 года, когда Германия разгромила Францию. Эти замыслы не фейк, как сказали бы сейчас. В планах просчитывалось участие сухопутных и морских сил, авиации для войны с СССР. И даже когда Франция и Англия пришли в состояние войны с Германией, планы

Выступление генерала армии Г.К. Жукова в Москве 1 сентября 1941 года

действий против СССР все еще прорабатывались.

– Тогда же забрасывалась мысль, что Сталин сам готовил нападение на Германию, а Гитлер, во избежание «агрессии», лишь нанес упреждающий удар. Насколько это так?

– Наше поколение историков, люди моего возраста, которым

сейчас 50 плюс, познакомились с этой «теорией», вернее говоря с явной ложью, из книги писателя-перебежчика Суворова (настоящая фамилия Резун) «Ледокол». Она и у нас была опубликована в 1990-х. Позже выяснилось, что на Суворова работала команда из различных спецслужб, британской прежде всего. Но откуда фантазии возникли?

Если читать немецкие пропагандистские материалы, которые есть

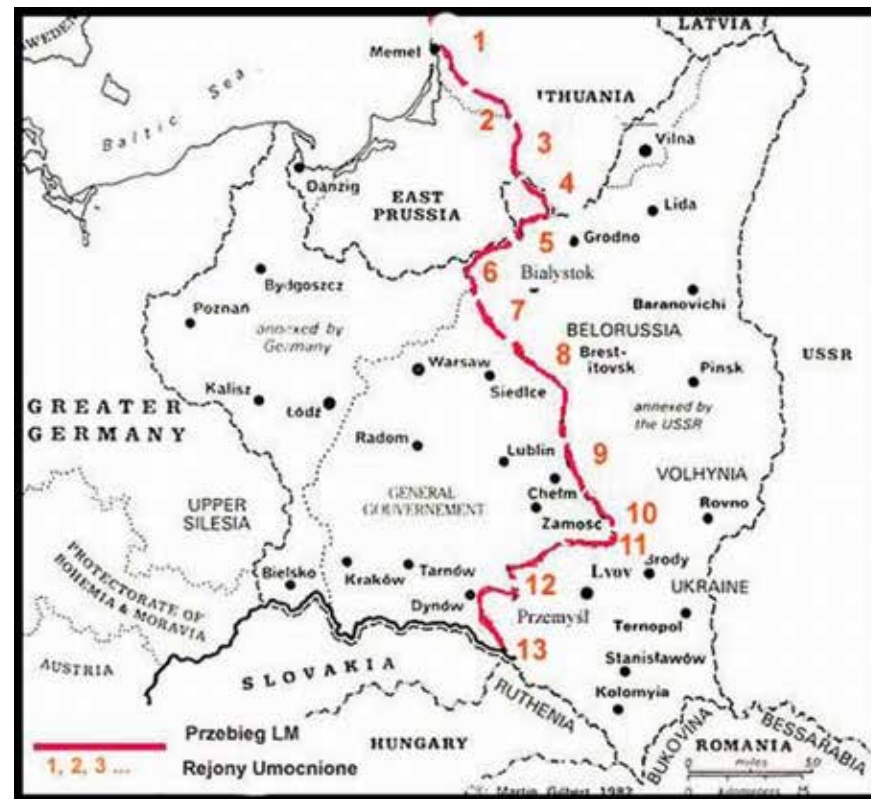
и в библиотеке РВИО, узнаешь, что в июле 1941 года немцы выпускали агитационные брошюры, смысл которых был в том, что Германия начала войну против «еврейско-коммунистического режима». А режим-де хотел напасть на Германию. Поэтому, следовал вывод из агитации, Германия должна завоевать СССР, создать «новую Европу», объединенную под нацистской свастикой и ведомую Гитлером. И каждый кусочек ее будет иметь профит, хороший доход за счет СССР. Отсюда и ложь про «агрессию» Сталина. Она развивалась потом в мемуарах немецких генералов, в фабрикациях западных спецслужб. В 1960–1970 годы версия муслировалась на Западе. Не случайно такие книги издавались там миллионными тиражами. В 1990-е версию подхватили наши либеральные историки, стали из пальца высасывать коварные сталинские «планы», навязывая потребителям поиск черной кошки в темной комнате. Кошки не было, а подгонялись исковерканные сведения, перевирались даже реальные высказывания.

За бортом оставалось главное: для любой войны нужно политическое решение. В СССР были планы Генерального штаба, которые разрабатывались в 1940 году и в начале следующего, где предусматривалась возможность войны, но всегда отмечалось: война начнется с нападения Германии. Потом, уточнялось в планах, мы станем наступать, остановив атаки врага. Необъективные историки могли выхватить любое слово, перевернуть на свой лад. Так обошлись с документом, подписанным Георгием Жуковым, о плане стратегического развертывания не позднее 15 мая 1941 года. В нем, да, предписывалось: мы можем начать наступление. Но – обозначалось четко – в ответ на то, что

Германия может неожиданно напасть на СССР. Ни слова, что начинаем войну, вторгаемся. В отличие от плана «Барбаросса».

Наши военные стратеги из Генштаба и Наркомата обороны мыслили войну прежде всего как оборону наших границ в расчете быстро отразить нападение, сделав это «накоротке». Термин ввел выдающийся советский военный историк генерал армии Махмуд Гареев. Он так описывал стоявшие перед Красной армией задачи: накоротке отразить атаку и затем гнать противника на Запад, наступая по неприязельской территории. И как можно обвинять СССР в агрессивности, если две трети цемента, который страна изготавливала в 1940–1941-м, шли на укрепление так называемой «линии Молотова», новых наших границ? Да, армия перевооружалась, создавалась новая боевая техника, все это так. Благодаря моему учителю, историку Олегу Александровичу Ржешевскому, недавно ушедшему, были открыты новые документы, касающиеся этой проблемы. Из них следует, что незадолго до войны Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждало вопрос о возведении оборонительных линий. Первая – «фронтовая», по линии новой госграницы. Вторая – «стратегическая», примерно по линии старой госграницы 1939 года. Была и третья – «государственная», уже вблизи Москвы, в районе Можайска. Ее, кстати, стали возводить летом 1941 года на основе этих расчетов.

Сталин прекрасно понимал и опасался (и это выявил наш замечательный военный историк Виктор Александрович Анфилов), что любые военные приготовления, которые делаются без учета политической ситуации, могут случайно спровоцировать противника. Например, если размещать войска слишком близко у границы и вести их боевое развертывание.

Линия Молотова и укрепленные районы на ней (1939–1941 годы)

Или приводить в полную боевую готовность на виду у врага. Удивительно, но даже в известной Директиве № 1, которая вышла ночью 22 июня, в преамбуле содержится положение: враг может пойти на провокации, задача не поддаваться ни в коем случае. Понимаете – ни в коем случае! Версия Суворова и всех спецслужб Запада, что мы хотели воевать, не стоит выеденного яйца.

– Еще одна «идея»: якобы нападение Германии было неожиданным, советское руководство его проспало.

– Ну, совсем не так. В тридцатые годы все, кому следовало, в том числе наши руководители и военные специалисты, внимательно читали книгу Гитлера «Моя борьба» («Майн кампф») от 1925 года. Там говорилось (передаю близко к тексту), что Германия прекращает

извечное движение на юг и юго-запад Европы и обращает свой меч на восток, именно там лежит жизненное пространство, необходимое для германской арийской нации.

У нас умные люди сидели и в Кремле, и в армии. Прекрасно понимали: рано или поздно Гитлер захочет захватить это восточное пространство (то есть СССР), чтобы получить наши богатства.

В Москве не могли точно знать, когда это случится. В Генштабе и Наркомате обороны были различные мнения, но доминировали два. Первое: Гитлер нападет на СССР уже в 1941 году. Второе: пока не разделается с Англией, атаки не будет. Вторая точка зрения не учитывала, что Англия на острове и не угрожает континентальной части Европы, которая находилась под Гитлером. К весне 1941-го стало понятно: фюрер сосредотачивает войска на востоке. Но как скоро он приведет

их в действие и не является ли это лишь скрытым маневром против Англии, было пока неясно.

Особую роль играли службы разведки. Их данные подтверждали: нападение будет, назывались разные сроки. Если сейчас положить на стол две папки разведсведений с начала 1941 года до 22 июня, то сообщений, что Германия не нападет, пока не свалит Британию, и сообщений, что Германия скоро вторгнется, было бы примерно равное число. К тому же ведомство Геббельса (нацистское министерство пропаганды) создавало путаницу и дезинформацию, там уже тогда понимали значение фейков.

При этом у нас не было единого аналитического центра, который мог бы обрабатывать информацию и выдавать четкие заключения с учетом всей картины.

– *А до искусственного интеллекта было далеко.*

– Да. Сталин читал и то, и это, у него складывалось противоречивое мнение. У всех на слуху разведчик Рихард Зорге. Он действительно герой, предупреждавший о скором начале войны! Но он не называл дату «22 июня». Ни разу, что выяснили историки. Говорил, что нападение неминуемо, обозначал конец мая 1941-го, 15 июня, «в ближайшее время». Недавно наше ГРУ обнародовало факт: лишь в канун нападения военная разведка выявила дату. Но потребовалось время, чтобы ее получили наверху. Самую точную информацию дал немецкий перебежчик, ефрейтор Альфред Лисков, который перешел к нам в ночь нападения и рассказал, что войска развернуты, сейчас начнется.

Если подытожить, то ясно: неожиданности не было, к войне готовились. В сентябре 1939 года наша армия насчитывала 1,9 миллиона человек, к июню 1941 года – около

пяти миллионов. Создавались новые танковые корпуса, росла промышленная база на востоке, без чего бы мы не победили. Но у Сталина сохранялась надежда, что удастся избежать войны до 1942 года. Тогда бы лучше подготовились. В совокупности многое подвело к тому, что были поражения на начальном этапе войны.

– *Внесите, пожалуйста, ясность в вопрос, что Гитлер собирался сделать с СССР после окончания операции «Барбаросса»?*

– Сейчас у нашего РВИО в работе проект о планах Гитлера по покорению СССР, его экономическому ограблению. План «Барбаросса» предусматривал разгром Красной армии в приграничных сражениях и выход вермахта на линию Архангельск – Астрахань. После чего, считалось, сопротивление СССР полностью прекратится. Был и план «Ост». Его в ведомстве Гиммлера стали готовить в 1940-м, отдельные документы касались начала 1942 года. Долго считалось, что изначальный документ исчез. Но не так давно в ФРГ обнаружили большой набор материалов по этому плану. Они свидетельствуют, что на территории СССР предполагалось создать несколько рейхскомиссариатов. Рейхскомиссариат «Остланд» включил бы Прибалтику и Белоруссию. Был бы рейхскомиссариат «Украина». Значился и рейхскомиссариат «Кавказ». Еще один комиссариат должен был охватить земли России. Ведомство Розенберга (министерство по оккупированным территориям) должно было вести управление комиссариатами.

Предполагалась гражданская администрация, которая должна была бы проводить, если говорить просто, политику подчинения и ограбления. Хочу упомянуть так называемую нацистскую «Желтую

папку». Она являлась частью плана уничтожения СССР. Недавно документы из нее опубликовал член Научного совета РВИО известный историк Егор Яковлев. Намечалось создание специальных сельскохозяйственных комиссий на оккупированных советских землях, которые должны были все продукты, включая хлеб, молоко, мясо, забирать и отправлять в Рейх или для вермахта. Населению, особенно в Нечерноземной полосе России, предстояло, по сути, умереть с голоду – их питание в «Желтой папке» не предусматривалось.

– *Что называется, спасайся как можешь.*

– Да. Людей ждало вымирание. Это и есть геноцид: полное или частичное уничтожение народа, нации путем прямого истребления или доведения до смерти.

На первом этапе порядка 30 миллионов людей в Центральной России должны были погибнуть от голода. Предусматривались сокращение рождаемости, отсутствие медицинской помощи и образования. В своих речах Гитлер говорил, что, если славяне будут уметь считать до пятисот, этого достаточно. Не повредит умение различать цвета светофора. Все! За десяток лет на оккупированных землях должно было остаться 13–15 миллионов людей, по сути, рабов. Они должны обслуживать интересы 4–4,5 миллионов представителей германской «арийской» расы. Все четко, пунктуально, по-немецки. Такие мысли были у Гитлера и его приспешников.

– *А что за линией Архангельск – Астрахань до Тихого океана?*

– По планам после победы над СССР остальные территории станут легкой добычей, с ними разберутся. На линии возле Урала Германия должна была соединиться

с Японией, которая заберет восточные территории. То есть все должно было оказаться в рамках «нового порядка»: Германия с запада, Япония с востока. По более широким планам эти союзники соединялись не только на севере, но и на юге – в районе Индии. Это не выдумка, проводились двухсторонние консультации.

– *Не удалось. Их смяли. Но огромной ценой. Какие человеческие жертвы понес СССР?*

– Советский Союз понес самые большие людские потери из стран, участвовавших во Второй мировой войне. В начале 1990-х комиссия РАН под руководством академика Юрия Александровича Полякова изучила ранее секретную довоенную перепись населения СССР, послевоенные переписи, провела расчеты, исходя в том числе из того, какая была бы естественная убыль. Из всестороннего демографического исследования вытекает: общие потери СССР составили 26,6 миллиона человек. Этой цифре можно доверять, никто из серьезных исследователей ее не оспаривает. В 1993 году вышло исследование под руководством генерала Г. Ф. Кривошеева, было подсчитано, что Красная армия и Военно-морской флот потеряли безвозвратно в войне (убиты, погибли от ран или в плену) 8,6 миллиона человек. Есть спекуляции: мол, потери военных составили чуть ли не 13 или 15 миллионов человек. У меня, как у научного директора РВИО, нет оснований пересматривать цифры Кривошеева.

Но мир избежал уничтожения. Вряд ли найдется историк-пророк, который осмелится ответить на вопрос, что бы произошло, если бы Гитлер остался? Что было бы через 10 или 20 лет после этого? А так удавалось сохранять мир целые десятилетия.

Линия А—А на фоне линии фронта в ноябре 1942 года

Выигравшими тогда были и люди, которые не погибли, народы, которые сохранились. Стали свободными Европа, Китай. Всюду многое стало меняться. Что касается экономики, выиграла Америка. ВВП США за годы войны вырос в два с половиной раза. От победы союзников и прежде всего Советского Союза, внесшего решающий вклад в разгром агрессоров, выиграли страны, которые находились в колониальной зависимости. Особенно это сработало в конце 1940-х – начале 1960-х годов.

– *Фашистскую Германию разгромили, но скоро у Запада появились планы новой войны с СССР. Так ведь?*

– Я работал с американскими архивами, могу оценить, когда эти замыслы появились. Вот 1943 год, выиграна Сталинградская битва, пик сотрудничества антигитлеровской коалиции. Если же посмотреть на документы Управления стратегических служб США (потом служба переформатировалась в ЦРУ), которую возглавлял Донован, наша страна уже в середине войны рассматривалась как потенциальный враг. На Квебекской конференции в августе 1943 года, во время Курской битвы, встречались Рузвельт и Черчилль вместе с их военными. Генерал Маршалл, начальник штаба Армии США, перед британцами заявил: как отнесетесь к тому, если в случае скорого разгрома Германии, мы совместно повернем их

Празднование Дня Победы в центре Москвы

Фото РИА Новости

оставшиеся силы против Советского Союза? Этого не случилось, но постановка вопроса говорит о многом. Такие документы как раз и удалось увидеть в американских архивах.

Черчилль в конце апреля 1945 года дал задание британским начальникам штабов разработать план операции против СССР, который позже стал известен под названием «Немыслимое». Его

открыли в британских архивах в конце 1990-х. Что касается американцев, взглянем на их замыслы с учетом материалов их военного и разведывательного ведомств. На Хиросиму и Нагасаки они

сбросили атомные бомбы в августе 1945 года, а уже в начале октября появилась заявка разработать план нанесения двадцати ядерных ударов по СССР. В документах военной разведки план значится под

номером 429. На картах обозначены Москва, Ленинград, Новосибирск, Баку, Тбилиси, ряд других городов. «Гуманно» обошли Киев и Минск. Наверное, по причине, что они и так были разрушены.

– Остановило реализацию лишь то, что в СССР появилось атомное оружие?

– Именно так. Вначале их придерживало от ударов то, что маловато своих ядерных зарядов, а когда в 1949 году мы испытали атомную бомбу, они переоценили степень рисков. Сколько бы ни было у нас ядерных бомб, свои возможные потери они посчитали неприемлемыми.

– Еще лет десять назад ветераны войны, их потомки из СССР, других стран коалиции встречались в майские дни. Теперь это трудно представить, и правда о войне пересматривается.

– В 1945 году во Франции провели опрос: кого вы считаете победителями? Более половины граждан ответили – СССР. В 2015-м среди европейцев, включая граждан Франции, провели такой же опрос. Почти 60%, например в ФРГ, сказали: США. Сегодня в ряде стран, по имеющимся данным, почти 90% дадут такой ответ. Вот как все поменялось! Мы смотрим американские учебники истории. Две строчки про Сталинград, ничего про битву под Москвой, одна строчка про Курск, дальше взятие Берлина. У нас в учебниках все гораздо объективнее. А все из детства идет.

В лучшем случае могут сказать, что СССР «помогал Америке достичь победы над нацизмом». Для американского истеблишмента это важно, чтобы убедить народ, что Америка самая лучшая, исключительная. Для европейцев важно, чтобы как-то прикрывать стыд из-за того, что породили Гитлера, а сами не смогли его устранить. Поэтому там не укладывается в голову признание решающей роли СССР. Нам надо это понимать и настойчиво, спокойно, уверенно вести свою линию.

СТАЛИНГРАД

Память о войне и о трудном пути к Великой Победе

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

Юрий Бондарев в 2004 году

Фото: РИА Новости

В аккуратном чистеньком номере мюнхенской гостиницы мне не спалось. Синеватый сумрак декабрьской ночи просачивался сквозь густо залепленное снегом окно, вкрадливо-дремотно пощелкивало в тишине электрическое отопление, а мне казалось чудовищным, невероятным, что я нахожусь в немецком, страшном своей славой городе, откуда началось все: война, кровь, концлагеря, газовые камеры.

Я вдруг отчетливо вспомнил утренний разговор с мюнхенским издателем, включил настольный свет и начал просматривать газеты. И мне бросился в глаза крупный заголовок «Сталинград», а под ним несколько фотографий: суровая сосредоточенность на лицах немецких солдат за пулеметом в развалинах города, танковая атака в снежной степи, высокий, молдцеватый автоматчик, расставив

ноги в сапогах-раструбах, хозяином стоит на берегу Волги.

В статье выделялись давно знакомые имена и названия: Паулюс, Манштейн, Гитлер, группа армий «Дон», 6-я полевая армия.

И лишь тогда я понял, почему издатель попросил меня просмотреть газету.

Утром, узнав, что я интересуюсь материалами Второй мировой войны, издатель развернул передо мной газету и сказал: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном. Да, он жив, ему восемьдесят лет... Но думаю, что он побоится разговора с вами. Солдатские газеты много пишут о нем в хвalebном тоне. Называют его стратегом и даже не побежденным на поле боя. Задайте ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял, что он участник преступления. А впрочем, сейчас...»

Издатель довольно решительно подошел к телефону и через справочную узнал номер фельдмаршала. Я хорошо слышал последующий разговор. Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занятый изучением материалов Второй мировой войны, в том числе, конечно, и Сталинградской операции.

Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Сталинграде? – И опять после паузы, с пунктуальностью военного: – Какие именно изучает он вопросы?» Затем, после осторожного молчания: «Пусть изложит письменно вопросы». Затем,

после длительной паузы: «Я все сказал в своей книге “Потерянные победы”. О себе и о Паулюсе». И наконец: «Нет, нет, я никак не могу встретиться, я простужен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую».

«Я так и думал, – сказал издатель, положив трубку. – У этих вояк всегда болит горло, когда надо серьезно отвечать».

В сущности, я не очень хотел этой встречи с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, ибо испытывал к нему то же, что испытывал, когда стрелял по его танкам в незабытые дни 1942 года.

Но я понимал, почему фельдмаршал этот, «не побежденный на поле боя», опасался вопросов о Сталинградской операции...

Нет, я никогда не забуду те жестокие холода под Сталинградом: все сверкало, все скрипело, все металлически звенело от мороза – снег под валенками, под колесами орудий, толсто заиндевевшие ремни и портупеи на шинелях.

Наши лица в обмерзших подшлемниках почернели от сухих метелей, от ледяных ветров, беспрестанно дующих по степи. Мы своим дыханием пытались согреть примерзавшие к оружию руки, но это не помогало. Потом мы учились согревать руки о горячие стреляные гильзы. Мы стреляли по танкам и так согревались в бою и хотели боя, потому что лежать в снегу в мелком выдолбленном окопе возле прокаленного холодом орудия было невыносимо. Но в те жестоко морозные дни мы ощущали в себе нечто новое, чего не было в первый год войны.

Шел декабрь второго года войны. Двухсоттысячная 6-я армия фельдмаршала Паулюса была сжата в тесном кольце тремя нашими фронтами вокруг превращенного в развалины Сталинграда. Кольцо это сдавливалось, туго сужалось, но армия Паулюса сопротивлялась

с тупым неистовством обреченных на гибель. Она еще держалась в развалинах города. Она еще была на берегах Волги. А мы уже ощущали знаки победы в горящих танках, в ночных пожарах за немецкой передовой, даже в гудении транспортных «юнкерсов», сбрасывающих контейнеры с боеприпасами и продовольствием в тылах 6-й армии. Наша пехота в звездные декабрьские ночи короткого затишья чувствовала в студеном воздухе запах пепла. И это тоже был запах ожидаемой победы – в немецких штабах жгли бумаги, бросали в печи корпусные и дивизионные печати, наградные листы, копии донесений, плавились в огне железные и рыцарские кресты, которые потеряли свою ценность.

Иногда мы слышали крики, одиночные выстрелы в близких окопах – это свершался суд над обезумевшими от боев солдатами, пытавшимися бежать куда-то из смертельного «котла».

Никто из нас в те дни не видел немецких медпунктов, пропахших гниющими бинтами и потом, трехъярусных нар, забитых обмороженными и ранеными. Никто из нас, кроме разведчиков, не видел окоченевших трупов немцев на дорогах в окружении каменных от морозов трупов лошадей, искромсанных финками голодных солдат 6-й армии.

Тогда мы не знали всего этого. Но если бы и знали, то не испытывали бы жалости. Мы стискивали кольцо с одним желанием уничтожения. И это было справедливо, как возмездие. Жестокость врага рождает ненависть, и она неистребимо жила в нас, как память о сорок первом годе, о Смоленске, о Москве, о том надменном воинственном веселье викингов «третьего рейха», когда они подходили к Сталинграду в дыму непрерывных бомбежек, в поднятых танками завесах пыли, с пилотками

за ремнем, с засученными по локоть рукавами на загорелых руках – завоеватели, дошедшие до Волги, с наслаждением после боя пьющие русское молоко в захваченных станицах, в двух тысячах километров от Берлина.

В ликующей Германии звучали фанфары. Гремели марши по радио. Впервые в истории немецкий солдат вот-вот почерпнет своей плоской алюминиевой кружкой волжскую воду и с чувством победителя плеснет ею на потную шею. Немецкие танки, войдя в прорыв на юге, прошли за лето сотни километров, ворвались в Сталинград, на его улицы. Эти танки были накалены русским солнцем, русская пыль толстым слоем покрывала крупновскую броню. И этот горячий запах русской пыли, запах выжженных приволжских степей сильнее порционного рома опьянял солдат и наркотически опьянял Берлин, на весь мир шумевший победными речами. В рейхсканцелярии ежедневно устраивались роскошные приемы, на которых высшие чины рейха и генералы с самоуверенными выбритыми лицами, внушительно сверкая орденами на парадных мундирах, жали друг другу руки между глотками шампанского, а женщины, обольстительно улыбаясь, блистали драгоценностями, награбленными в павшей Европе и на завоеванных территориях «жизненного пространства».

Весь мир затаил дыхание: казалось, еще шаг немецкой армии – и Россия падет. В те же опьяненные близкой победой месяцы хромающий, сухощавый человек с сильными надбровными дугами – рейхсминистр Геббельс, как бы забыв о великих «идеалах немецкого народа», о которых он так наигранно страстно любил говорить, уже нестеснительно заявил на весь мир, что цель войны – «набить себе брюхо», все дело в нефти, пшенице, угле, руде.

В те месяцы молниеносно повышались генеральские и офицерские звания «героям летнего наступления», «беспримерным воинам», танкистам и летчикам вручались рыцарские и железные кресты. В перевозбужденном Берлине ждали день падения Сталинграда, мнилось – победоносная армия рейха заканчивает войну на берегах Волги.

И быстрое окружение 6-й армии Паулюса в почти захваченном, казалось бы, почти завоеванном Сталинграде представилось сначала в Берлине невозможностью, мифом, результатом ошеломляющей таинственности неожиданно возникшего русского военного потенциала и тайной славянского характера.

Но это не было ни мифом, ни таинственностью. До предела сжатая пружина стала разжиматься с неудержимой разрушительной силой. Война вошла в новую свою фазу.

Прокаиная дни отступлений, мы тогда, конечно, не могли со всей очевидностью предполагать, что наше успешное наступление в ноябре, в декабре, наши атаки, удары бронейных снарядов по танкам в окруженной группировке – все это было началом конца этой многокровной войны, битвой в глубине России на уничтожение.

Но мы чувствовали нечто новое, долго ожидаемое, наконец, с ощущением собственной силы начатое, – и, видимо, ощущение это было предзнаменованием Победы. А впереди еще были неисчислимые километры наступления, бои, потери, и мы трезво представляли этот тяжелейший путь сражений в сталинградских степях.

Окруженная группировка Паулюса получала одну за другой радиogramмы Гитлера с приказом держаться до последнего солдата. Он, Гитлер, понимал, что потерять Сталинград – значит потерять

инициативу, навсегда уйти с берегов Волги, то есть из самых глубин России. Он обещал интенсивное снабжение с воздуха и мощную помощь четырьмя танковыми дивизиями из района Котельникова.

И в декабре командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил приказ начать операцию деблокирования, прорыва с юга к окруженным войскам. Эта операция могла решить многое, если не все.

Только позже я понял, что весь исход битвы на Волге, может быть, даже сроки окончания всей войны во многом зависели от успеха или неуспеха начатого в декабре Манштейном деблокирования. Танковые дивизии были тараном, нацеленным с юга на Сталинград.

Я хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо чернотой соединялось с землей, и эти песочного цвета стада танков в снежной степи, ползущие на наши батареи. Я помню раскаленные стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет, лязг гусениц, распахнутые телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки заряжающих, черный от копоти пот на лицах наводчиков, черно-белые смерчи разрывов.

В нескольких километрах ударная армия Манштейна – танки генерал-полковника Гота – прорвала нашу оборону, приблизилась к окруженной группировке Паулюса на шестьдесят километров, и немецкие танковые экипажи уже видели багровое зарево над Сталинградом. Манштейн радовал Паулюсу: «Мы придем! Держитесь! Победа близка!»

Но Манштейн не выручил Паулюса. Остатки танковых дивизий, видевших ночью зарево на горизонте, откатывались к Котельникову. Наши армии все теснее сжимали в кольцо напрасно ожидающую помощи окруженную группировку под Сталинградом.

И одновременно часть войск, сдержав танковый натиск, начала активное наступление на юге.

Тогда и Гитлер, и Манштейн, точно улавливающий каждое желание фюрера, пришли к единому выводу: окруженную двухсоттысячную армию следует принести в жертву – погибнуть без капитуляции, стрелять до последнего патрона. Среди солдат и офицеров распространялся неписанный свисте приказ – кончать жизнь самоубийством. Фельдмаршал Манштейн, которому непосредственно подчинена была окруженная армия, прекратил сношения со штабом Паулюса, перестал отвечать на его радиogramмы. Потом холодно и расчетливо фельдмаршал прекратил снабжение с воздуха, прекратил вывоз раненых, хотя в то же время из окружения вывозились «имеющие ценность специалисты», необходимые для продолжения войны. Остальные обрекались на гибель. Армия была как бы списана.

Утром 31 января пришла последняя радиogramма из ставки Гитлера с пышным текстом о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Это было скрытое приглашение к самоубийству. Паулюс все понял, но нашел другой выход – плен.

В этот же день была отправлена Гитлеру радиogramма чрезвычайно короткого содержания: «У дверей русский...»

Наш генерал с переводчиком стояли у двери штаба в подвалах разбитого универсама.

Так закончилась эта невиданная в истории войн битва. Это поражение целой немецкой армии было символическим могильным крестом, замаячившим над ореолом непобедимости фашистской Германии.

... Вот почему у фельдмаршала заболело горло, когда издатель позвонил ему по телефону и заговорил о Сталинграде и русском писателе.

Начало и перерыв

Иногда думаю, что в июле сорок первого года молодые немецкие солдаты были возбуждены тем, что началась в России не очень трудная, заманчивая война с великолепными заревами по ночам, заполненными мощным гудением «юнкерсов» среди множества теплых звезд, каких никто не замечал над фатерландом, с ежедневно выданными фельдфебелем сигаретами и шнапсом, с ожиданием удобных квартир в захваченных городах, товарищеских пиршеств, дозволенных развлечений с синеглазыми славянками, щедрых наград вермахта, праздничных подарков из рейха, что радуют дух воспоминаниями о доме, особенно приятными после упоения инстинктом всех завоевателей, распространяющих вокруг жестокую стихию огня.

А в это же время мы, молодые русские солдаты, жили недавним счастьем школьной свободы, мы не сомневались, что героические подвиги, мужественные поступки отпущены нам судьбой, возбужденно и радостно были убеждены в слабости обезумелой Германии, в своей недалекой победе (конечно, без потерь), которая вновь вернет и безмятежно продолжит зеленое солнечное лето, июньскую пору футбола, прерванные войной на короткий срок.

Для них война в России была началом разрушительных удовольствий, для нас – внезапным перерывом летних каникул.

Я хорошо знаю, что чистота, наивность и романтизм стоили миллионов жизней моему поколению в сорок первом и сорок втором годах!

Память

Человеческая память несет в себе огромную энергию. Память прочно сохраняет то, чего уже нет, что

прошло и было. Время старательно и ревниво формирует и отшлифовывает наш опыт.

Бывает так: ты душевно спокоен, в весенних сумерках идешь по улицам, читая мокрые афиши, ощущая влажный пахучий ветер апреля; зыбко блестит асфальт на мостовой, отражая вечернее небо и освещенные, как зеленые аквариумы, троллейбусы; движутся толпы на тротуарах мимо витрин магазинов – мир, будни, смех, тот особый неестественный смех людей, когда в их жизни умиротворение, тишина, покой. Это стоит обычный, ясный вечер весны в Замоскворечье, и сиреневые пролеты улиц начинают зажигаться светом в окнах, вспыхивают рекламы кинотеатров, в переулках шуршат велосипедные шины и прыгают по асфальту желтые мячики света; а от перронов уставших за день вокзалов уходят поезда в затянутую дымкой даль с мигающими фонарями стрелок.

И вдруг прощальные гудки паровозов, и вечерние облака, багрово подсвеченные снизу закатом, и запах нефти и шпал, и дымы по горизонту, купы деревьев за вокзальными зданиями, черным вырезанные по красному, – все это словно было вчера.

Но как давно это было...

Мохнатые зарева широко прорезают тьму на горизонте, багровый отблеск дрожит на проселочных дорогах, в зрачках солдат, шагающих по обочине... Зарево ближе; разваливаются, трещат, нутром выворачиваются в пламени дома, дымом затянуты сады, остро, горячо пышет в лицо жаром, и всюду этот огонь смерти: на брусчатке уже забытых по названию городов, на осколках витрин, на пряжке ремня безобразно раздутого трупа немецкого солдата, лежащего на площади, со странно подвернутой под

голову рукой, с красным от пожара стеклом часов на запястье... Город горит, он пуст.

Мы входим в этот пылающий город. На нас дымятся влажные плащпалатки, дымятся холки лошадей. Мы прикрываем их попонами. Мы идем вперед.

Потом выкатываем орудия на прямую наводку. Немецкие танки, мрачно блестя в зареве броней, как облитые кровью, медленно подходят за посадку, на шоссе, поджигают окраины. Нам видно, как зажигательные трассы впиваются в крыши деревянных домов и занимаются огнем стропила.

Мы идем на запад от Сталинграда по снежным степям, металлически скрипящим под ногами дорогам, пестро-черным от воронок, проходим по земле Украины, где помидоры имеют привкус пороховой гари, а яблоки запеклись на обуглившихся ветвях. В темные, осенние, ветреные ночи мы форсируем Днепр, эту реку, озаренную ракетами, по которой плывут трупы, касаясь наших плотов. И между боями, во время короткого отдыха, на пятачках правобережных плацдармов лежим, греясь на нежарком солнце, смотрим, как в желто-золотистых лесах Левобережья встают дымы разрывов, разрушая первозданный покой осени, и листья вместе с осколками летят в густо-синюю воду. Мы думаем: хорошо, если бы в эту воду слепались поплавки удочек. После лежим на краю окопов, черные, закопченные толовой гарью, в пропавших гимнастерках, и видим, как косяк «юнкерсов» с тугим гулом разворачивается над переправой.

Мы идем через Польшу; весь горизонт в пожарах; с карпатских высот улицы городов кажутся нам огненными реками, площади – пылающими озерами.

Если горе имеет свой запах, то война пахнет огнем, пеплом и смертью.

Война – это горький пот и кровь, это после каждого боя уменьшающиеся списки у полкового писаря, это последний сухарь во взводе, разделенный на четырех оставшихся в живых, это котелок ржавой болотной воды и последняя сигарка, которую жадно докуривает, обжигая пальцы, наводчик, глядя на ползущие танки.

Война – это письма, которых ждут и боятся получать; и это особая обнаженная любовь к добру и особая жгучая ненависть ко злу и смерти; погибшие молодые жизни, непрожитые биографии, несбывшиеся надежды, ненаписанные книги, не совершившиеся открытия, невесты, не ставшие женами.

Иногда я вижу, как дети играют в войну; в их понимании война – отвага, романтика и подвиги. У детей нет той памяти-опыта, что есть у взрослых.

В войну мое поколение научилось любить и верить, ненавидеть и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни, что становится обыденным: случайно увиденная на улице улыбка женщины, парной майский дождик в сумерках, дрожащий отблеск фонарей в лужах, смех ребенка, впервые сказанное слово «жена» и самостоятельное решение.

Мы научились ненавидеть фальшь, трусость, ложь, ускользающий взгляд подлеца, разговаривающего с вами с приятной улыбкой, равнодушие, от которого один шаг до предательства.

Наша память – это душевный и жизненный опыт, оплаченный дорогой ценой.

Вот почему, когда по случайным ассоциациям – то ли скрежет трамвая на поворотах, напоминающий свист тяжелого снаряда, то ли похожая на пульсирующий огонь пулемета вспышка автогена в каркасе строящегося дома – память возвращает нас к дням войны, мы

начинаем больше ценить тишину, спокойный блеск солнца, прозрачность воздуха.

Мое поколение

Когда прошли равнины Польши и приблизились к границе Чехословакии, полузабытый довоенный зеленый мир юности все чаще стал сниться нам в глухие осенние ночи под мрачный скрип сосен, под стук пулеметных очередей на высотах.

Просыпаясь в сыром от росы окопе, засыпанном опавшими листьями, я чувствовал, как рассветным холодом несло от сумрачных вершин Карпат, как холодела под туманом земля, исчерненная воронками. И, глядя на спящих возле орудий солдат, с усилием вспоминал сон: духота стояла в окутанном паутиной ельнике, ветер из-под пронизанной солнцем тучи тянул по вершинам шелестящих берез, потом с громом и легкими молниями обрушивалась лавина короткого дождя; затем – на сочно зазеленевшей поляне намокшая волейбольная сетка, в воздухе свежесть летнего ливня, за изгородями отяжелевшие влагой ветви и синий дымок самоваров на даче под Москвой. И как бы несовместимо с этим другой сон – крупный снег, медленно падающий вокруг белых фонарей, около заборов в тихих переулках Замоскворечья, мохнатый снег на воротнике у нее, имя которой я забыл, белеет на бровях, на ресницах, я вижу внимательно поднятое замершее лицо; в руках у нас обоих коньки. Мы вернулись с катка. Мы стоим на углу, и я знаю: через несколько минут надо расстаться.

Эти несвязные видения были не проходящей и болезненной тоской по России. И это чувство, как отблеск, возникало в самые отчаянные, самые опасные минуты боя, когда мы глохли от разрывов снарядов, режущего визга осколков,

автоматных очередей, когда ничего не существовало, кроме железного гула, скрежета ползущих на орудия немецких танков, раскаленных до фиолетового свечения стволов, черных от пороховой гари, потных лиц солдат, ссутуленной спины наводчика, приникшего к резиновому наглазнику панорамы, осиплых команд, темного дыма горящей травы вблизи огневой.

Удаляясь, уходя из дома, мы упорно и трудно шли к нему. Чем ближе была Германия, тем ближе был дом: так мы возвращались в свою оборванную войной юность.

Нам было тогда по двадцать лет и по сорок одновременно.

Мы мечтали вернуться в тот солнечный довоенный мир, где солнце казалось нам праздничным солнцем, встающим над землей каждый день по своей непреложной закономерности; трава была травой, предназначенной для того, чтобы расти, быть зеленой; фонари – для того, чтобы освещать сухой апрельский тротуар, вечернюю толпу гуляющих, в которой идешь и ты, восемнадцатилетний, загорелый, сильный. Все ливни весело проходили над твоей головой, и ты был озорно рад блеску молний и пушечным раскатам грома; все улыбки в том времени предназначались тебе, все смерти и слезы были чужими... Весь мир, прозрачно-лучезарный, лежал у твоих ног ранним голубым апрелем, обогревая добротой, радостью, ожиданием любви, – там, позади, не было ожесточенной непримиримости, везде была разлита зеленовато-светлая акварель в воздухе; и не было жестких черных красок.

За долгие четыре года войны, чувствуя близ своего плеча огненное дыхание смерти, молча проходя мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках, мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели на двадцать лет и, мнилось,

прожили их так подробно, так насыщено, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям.

Мы узнали, что мир и прочен, и зыбок. Мы узнали, что солнце может не взойти утром, потому что его блеск, его тепло способна уничтожить бомбежка, когда горизонт тонет в черно-багровой завесе дыма. Порой мы ненавидели солнце – оно обещало летнюю погоду и, значит, косяки пикирующих на траншеи «юнкерсов». Мы узнали, что солнце может ласково согреть не только летом, но и в жесточайшие январские морозы, вместе с тем равнодушно и беспощадно обнажать своим светом во всех деталях недавнюю картину боя, развороченные прямыми попаданиями орудия тела убитых, которых ты минуту назад называл по имени.

Мы узнавали мир вместе с человеческим мужеством и страданиями.

Кто из нас мог сказать раньше, что зеленая трава может стать фиолетовой, потом аспидно-черной и закручиваться спиралью, вянуть от разрывов танковых снарядов? Кто мог представить, что когда-нибудь увидит на белых женственных ромашках, этих символах любви, капли крови своего друга, убитого автоматной очередью?

Мы входили в разрушенные, безлюдные города, дико зияющие черными пустотами окон, провалами подъездов; поваленные фонари с разбитыми стеклами не освещали толпы гуляющих на израненных воронками тротуарах, не было слышно смеха, не звучала музыка, не загорались веселые огоньки папирос под обугленно-черными тополями мертвых парков!

В Польше мы увидели гигантский лагерь уничтожения – Освенцим, этот фашистский комбинат смерти, день и ночь работавший с дьявольской пунктуальностью, окрест него весь воздух пахнул жирным запахом человеческого пепла.

Мы узнали, что такое фашизм во всей его человеконенавистнической наготе. За четыре года войны мое поколение познало многое, но наше внутреннее зрение воспринимало лишь две краски: солнечно-белую и масляно-черную. Середины не было. Радужные цвета спектра отсутствовали.

Мы стреляли по траурно-черным танкам и бронетранспортерам, по черным крестам самолетов, по черной свастике, по средневеково-черным готическим городам, превращенным в крепости.

Война была жестокой и грубой школой, мы сидели не за партами, не в аудиториях, а в мерзлых окопах, и перед нами были не конспекты, а бронебойные снаряды и пулеметные гашетки. Мы еще не обладали жизненным опытом и вследствие этого не знали простых, элементарных вещей, которые приходят к человеку в будничной, мирной жизни. Мы не знали, в какой руке держать вилку, и забывали обыденные нормы поведения, мы скрывали нежность и доброту. Слова «книги», «настольная лампа», «благодарю вас», «простите, пожалуйста», «покой», «усталость» звучали для нас на незнакомом и несбыточном языке.

Но наш душевный опыт был переполнен до предела, мы могли плакать не от горя, а от ненависти и могли по-детски радоваться весеннему косяку журавлей, как никогда не радовались – ни до войны, ни после войны. Помню, в предгорьях Карпат первые треугольники журавлей возникли в небе, протянулись в белых, как прозрачный дым, весенних разводах облаков над нашими окопами – и мы зачарованно смотрели на их медленное движение, угадывая их путь в Россию. Мы смотрели на них до тех пор, пока гитлеровцы из своих окопов не открыли автоматный огонь по этим косякам, трассирующие

пули расстроили журавлиные цепочки, и мы в гневе открыли огонь по фашистским окопам.

Неиссякаемое чувство ненависти в наших душах было тем ожесточеннее, чем чище, яснее, раннее было ощущение зеленого, юного и солнечного мира великих ожиданий.

Наше поколение – те, что остались в живых, – вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, веру и надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена большой кровью.

Война уже стала историей. Но так ли это?

Для меня ясно одно: главные участники истории – это Люди и Время. Не забывать Время – это значит не забывать Людей, не забывать Людей – это значит не забывать Время. Быть историчным – это быть современным. Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, со скрупулезной точностью подсчитывают историки. Но они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слезы в глазах восемнадцатилетней девушки-санинструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулеметной очереди, убивающей жизнь.

В нашей крови пульсируют токи тех людей, что жили в Истории. Они не знали и не могли знать то, что знаем мы, но они чувствовали то, что уже не чувствуем мы. При ежесекундном взгляде в лицо смерти все обострено, все сконцентрировано в человеческой душе.

И вот этот фокус чувств чрезвычайно интересен мне.

ИСТОРИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Политическое руководство СССР понимало, что военное столкновение с фашистской Германией неизбежно

АНАТОЛИЙ ДОКУЧАЕВ

Советские поэты-песенники утверждали: враг будет разбит малой кровью, могучим ударом и на его же территории. Однако победа досталась очень дорогой ценой...

С учетом внезапности нападения на Советский Союз Гитлер и его окружение планировали завершить восточную кампанию за 3–4 месяца, но германский блицкриг начал буксовать уже в первый день агрессии. Летчики 123-го истребительного авиаполка в районе Брестской крепости за день сбили 30 фашистских самолетов, артиллеристы 636-го противотанкового полка юго-западнее города Шяуляй за день сожгли 59 немецких танков и штурмовых орудий. Чем дальше продвигался вермахт по советской территории, тем сильнее становилось сопротивление. И это притом что немецко-фашистские войска к началу агрессии были отмобилизованы, находились в полной боевой готовности, имели большой опыт ведения боевых действий и огромное преимущество давала внезапность.

Казалось бы, объяснить политическую слепоту советского руководства той поры невозможно. Но такие объяснения существуют. Сдерживающее влияние на советские военные приготовления до начала войны оказывали вполне определенные стратегические соображения. В Москве опасались: если Гитлеру удастся выставить Советский Союз виновником конфликта,

это может стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. И тогда могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну против более широкой коалиции государств. Даже президент США Франклин Рузвельт, который якобы симпатизировал СССР в конфликте с Германией, был себе на уме.

На совещании начальников штабов в мае 1941 года он заявил буквально следующее: «Если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае не будут вмешиваться». Это еще одно объяснение, почему советское руководство, укрепляя западные границы, стремилось не дать Берлину даже малейшего повода обвинить СССР в развязывании войны.

На самом деле СССР готовился к отражению возможной широкомасштабной агрессии и готовился основательно, поэтому и удалось сломать хребет фашистской Германии и ее многочисленным сателлитам. Но, как и считал Сталин, двух лет все же не хватило, чтобы Красная армия стала более боеспособной. Сегодня хорошо известна фраза Иосифа Сталина на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И СССР успешно проделал этот путь.

В течение довоенных пятилеток в стране было сооружено девять тысяч новых крупных предприятий. Эпохой настоящего бума во всех сферах жизни государства стала вторая пятилетка 1933–1937 годов. В тот период в строй было введено примерно 4,5 тыс. крупных промышленных предприятий по всей стране, в том числе настоящие промышленные гиганты: Уралвагонзавод, Краматорский завод тяжелого станкостроения, Криворожский металлургический завод, Новотульский металлургический завод, Азовсталь, Запорожсталь и т.д. При этом в восточных районах страны были созданы дублиеры промышленных гигантов, в чем и проявилась прозорливость советского руководства.

В результате валовая продукция промышленности в 1940 году увеличилась по сравнению с 1913 годом в 7,7 раза, по сравнению с 1920 годом – в 38 раз, а продукция машиностроения и металлообработки – в 512 раз. По выпуску продукции машиностроения, добыче нефти и производству тракторов СССР занял 1-е место в Европе и 2-е в мире. Даже американская депрессия 1930-х годов была использована для модернизации нашей промышленности. Советское правительство скупало в тот период по низким ценам не только лучшие образцы оружия, но и целые заводы для производства вооружения и товаров мирного назначения. Так, Сталинградский тракторный

завод был построен в США, демонтирован, перевезен в Сталинград и собран заново за шесть месяцев. 17 июня 1930 года с его конвейера сошел первый трактор СТЗ-1. А во время войны на гусеничных тягачах СТЗ-5 устанавливались гвардейские реактивные минометы БМ-13-16 «Катюша».

Теперь уже понятно, что в руководстве СССР хватало реалистов, которые понимали, что воевать малой кровью и только на чужой территории не всегда получается. Если бы такого понимания не было, вряд ли удалось бы в фантастически короткие сроки к концу 1941 года вывезти из прифронтовой полосы в тыловые районы 1523 промышленных предприятия. Невиданная передислокация промышленности целой страны с запада на восток и практически моментальное начало производства на новом месте не обходимой для фронта продукции стали возможны только потому, что страна располагала профессиональными инженерно-техническими и рабочими кадрами, а также заранее подготовленной во многих регионах инфраструктурой – энергетической и технической.

6 октября 1941 года началась эвакуация танкового производства Ленинградского Кировского завода в Челябинск. Сюда же были эвакуированы подразделения Сталинградского тракторного, Харьковского моторостроительного и других заводов. По общим подсчетам, каждая пятая машина, выпущенная для фронта, была сделана в Челябинске: 18 тыс. танков, 48,5 тыс. танковых двигателей, 85 тыс. комплектов топливной аппаратуры, 17,5 млн заготовок снарядов. Примечательно, что массовое производство танков Т-34 было освоено всего за 33 дня.

Это было бы невозможно без создания в предвоенные годы полноценной оборонной промышленности, которая по темпам роста валовой продукции

Плакат 1933 года. Художник Александр Малеинов

опережала другие отрасли экономики. За три года третьей пятилетки (1938–1940) ежегодный прирост всей промышленности СССР составлял в среднем 13,2%, а оборонной – 39%. С августа 1940-го по июнь 1941 года объем запаса военной продукции и стратегического сырья увеличился почти в два раза. Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, предприятия по производству

артиллерийских орудий и стрелкового вооружения.

Это позволило существенно увеличить производство боевой техники. С января 1939 года по июнь 1941 года промышленность СССР дала Красной армии 17 745 боевых самолетов, свыше семи тысяч танков, в том числе легендарных Т-34 и КВ, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-морской флот получил десятки современных кораблей, которые

Танк KB-1, установленный у музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда» возле Кировска. Россия

успешно конкурировали во время войны с кораблями противника.

Приведенные цифры не оставляют сомнений: политическое руководство СССР понимало, что военное столкновение с фашистской Германией неизбежно, и готовило страну к предстоящей войне. Слова «Готов к труду и обороне!» стали главным лозунгом. В стране была создана и задействована мобилизационная система. Все предприятия имели на случай войны мобилизационные планы – сеть военных комиссариатов охватывала всю территорию страны. Допризывную подготовку молодежи вели аэроклубы; массовыми организациями стали Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному

и химическому строительству), общество «Красного креста».

Словом, страна готовилась, что называется, по всем фронтам. Но потом выяснилось, что для масштабного противостояния фактически со всей Европой даже этого недостаточно.

Были ли шансы у немцев?

Поставим вопрос по-другому: а была ли у фашистской Германии возможность выиграть схватку с СССР? Ответ дала сама история. И все-таки... По цифрам экономика Германии не превосходила экономику Советского Союза, хотя Берлин поставил под свой контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. И Гитлер, который, как известно, считал

СССР колоссом на глиняных ногах, полагал, что этого будет достаточно. Война на два фронта Берлин тоже не смущала.

Как известно, еще в начале 1941 года на помощь итальянским соединениям, терпящим поражение от англичан, были направлены войска под командованием Эрвина Роммеля. Военные действия между немцами и англичанами продолжались с переменным успехом до мая 1943 года. Шла активная война на море. 11 марта 1941 года Конгресс США принял закон о ленд-лизе, выделив для помощи Великобритании вооружением и другими товарами военного назначения 7 млрд долларов. Так что Германии пришлось отвлекать

воинство тоже представлено чуть ли не верхом совершенства: одеты с иголочки, у каждого в руках Maschinenpistole – пистолет-пулемет MP 38/40, который стал одним из символов нацистской военной машины. Но MP 38/40 никогда не был основным стрелковым оружием вермахта. Вооружали им водителей, танкистов, отряды спецподразделений, тыловые сторожевые отряды и младший офицерский состав сухопутных войск.

Немецкая пехота вооружалась по большей части магазинным карабином Mauser 98k, который выигрывал по сравнению с советской магазинной винтовкой Мосина образца 1891/1930 гг. в весе, но проигрывал в прицельной дальности. Кроме того, немецкая винтовка была дороже и сложнее в производстве.

Что касается пистолетов-пулеметов MP 38/40, то они также ни в чем не превосходили аналогичное советское оружие – ППД-38 и особенно ППШ-41, ставшего символом Второй мировой войны. С 1941 по 1945 год было выпущено около 6 млн пистолетов-пулеметов Георгия Шпагина. Интересен вывод западного знатока стрелкового оружия Кристофера Шанта: «ППШ исключительно надежен и прочен. ППШ был даже любимым оружием немцев, которые ценили его за надежность и емкость магазина. Часто они бросали свой MP 40, чтобы взять советский ППШ».

Что касается бронетехники, то вермахт также не превосходил бронетехнику Красной армии. Лучший танк бронетанковых войск нацистской Германии к началу агрессии (было выпущено 1000 ед.) Pz.Kpfw IV (T-4) по многим параметрам уступал советской «тридцатьчетверке» и хорошо бронированному танку KB-1 с 76-мм орудиями. Еще слабее по многим параметрам были немецкие танки Pz.Kpfw II (T-2) с 20-мм автоматической

пушкой и Pz.Kpfw III (T-III) с 37-мм и 50-мм орудиями.

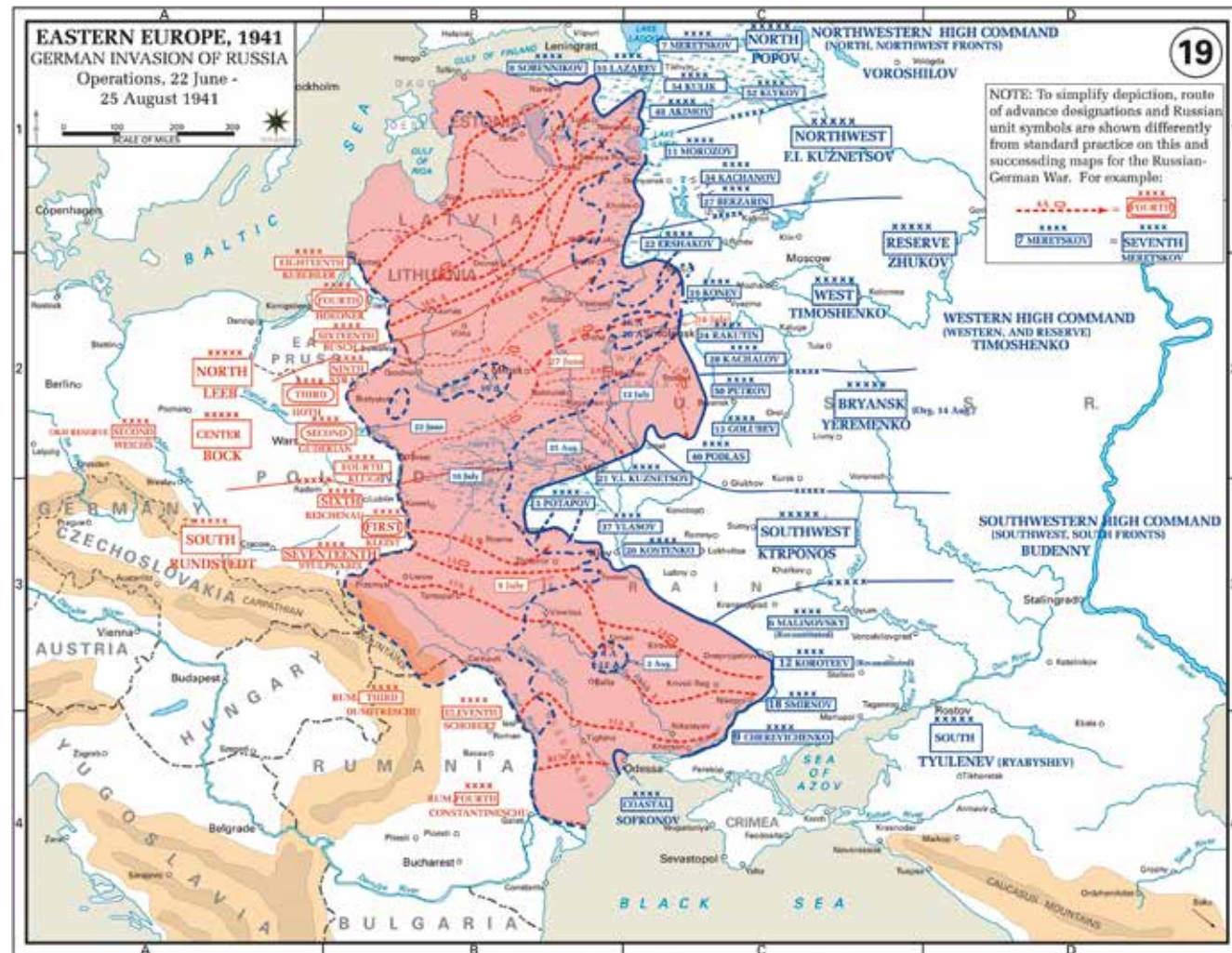
Парк люфтваффе к началу войны в целом по качеству превосходил парк советских ВВС. Назовем только самые известные истребители: «Мессершмитты» Bf-109 (Me-109) и Bf-110 (Me-110), «Фокке-Вульф» Fw-190, бомбардировщики «Хейнкель» He.111, «Юнкерс» Ju.87. Немецкие пилоты имели значительно больший налет часов, многие – боевой опыт (Испания, Польша, Франция, Англия и др.). Сегодня именно на этот аспект обращают внимание некоторые историки. Однако известен факт, что в апреле – мае 1941 года делегация германской промышленной комиссии во главе с военно-воздушным атташе в Москве полковником Генрихом Ашенбрэннером посетила советские авиазаводы и дала вполне высокие отзывы о советской авиапромышленности. И это была объективная оценка. За 27 дней боев с 22 июня по 19 июля 1941 года немецкая авиация потеряла на восточном фронте 1284 самолета всех типов, что больше чем за два месяца боев в «битве за Британию».

Но шансы на успех у гитлеровской Германии были... Если бы советские солдаты и офицеры, как на западном фронте, поголовно начали сдаваться в плен. А этого не произошло: большинство частей сражались стойко и даже героически. Если бы советская «оборонка» в первые недели прекратила выпуск военной продукции. Но выпуск боевой техники только увеличился. Если бы у СССР к началу декабря 1941 года не было резервных армий. А они были и нанесли под Москвой удар, после которого соединения вермахта откатились на запад и стало понятно, что блицкриг не состоялся... Если бы... Но история не имеет сослагательного наклонения. 9 Мая 1945 года – наш праздник.

ИЛЛЮЗИИ «УРАЛЬСКОГО ФРОНТА»

Конечные цели Гитлера в войне против СССР и сегодня остаются загадкой

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВ

Операция «Барбаросса». 22 июня — 25 августа 1941

Операция «Барбаросса»: смысл кампании неясен», — написал в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Франц Гальдер, после того как ознакомился с планом предстоящей войны против СССР. Полной ясности в этом

вопросе нет и сегодня, через 80 лет после разгрома Третьего рейха.

«Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию

Германии, — гласила директива № 21 (план «Барбаросса»), утвержденная Адольфом Гитлером 18 декабря 1940 года. — Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск».

Поскольку речь шла не о верховьях, а о низовьях Волги, в историю вошел под уточненным наименованием: линия «Архангельск — Астрахань», или линия «А—А». Ближе всего к ней подошли передовые подразделения наступавшей на Кавказ группы армий «А» в сентябре 1942-го. Одна из разведгрупп противника была замечена в 15 километрах от Астрахани — это самая восточная точка продвижения вермахта. Но ни директива № 21, ни какие-либо иные официально утвержденные стратегические планы рейха — ни предыдущие, ни последующие — не дают ответа на вопрос, как Гитлер намеревался завершить войну с Советским Союзом. Это и по сию пору остается загадкой. Возможно, ответа не было и у самого Гитлера.

Тонкая некресная линия

Ясно одно: занятие восточных районов СССР в планы фюрера не входило. Во всяком случае, в планы ближайшие и среднесрочные. Дело тут, конечно, не в умеренности его аппетитов, аппетиты как раз были во всех смыслах безграничными, а в ограниченности военных ресурсов и геополитических приоритетах.

Операция «Барбаросса» первоначально рассматривалась вождем Третьего рейха как вспомогательная в войне против Британской империи. Об этом свидетельствует, в частности, обращение Гитлера к немецкому народу, зачитанное по радио 22 июня 1941 года в 5:30 утра по берлинскому времени рейхсминистром народного просвещения и пропаганды Йозефом Геббельсом. Хотя посвящено оно было, как нетрудно догадаться, начинавшемуся «восточному походу», основные претензии адресовались отнюдь не СССР.

Начал фюрер издаека: «Еще в 1936 году Черчилль заявил, что

Германия снова становится слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить. Летом 1939 года Англии показалось, что настал момент начать это вновь задуманное уничтожение с повторения широкомасштабной политики окружения Германии».

Гитлер заверял, что к народам России «немецкий народ никогда не испытывал враждебных чувств». Вся проблема, мол, в «еврейско-большевистских правителях в Москве», которые, вопреки договору о дружбе с Германией, вступили в заговор с «еврейско-англосаксонскими поджигателями войны». Мол, подначиваемая Лондоном Москва все более нагло и открыто угрожает безопасности рейха, что не оставляет Германии иных возможностей для защиты, кроме нападения.

В конфиденциальном послании Гитлера, направленном Муссолини 21 июня, о целях кампании говорилось хоть и с меньшим пафосом, но примерно то же: «Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет только часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе. Пусть Англия попробует не сделать выводов из грозных фактов, перед которыми она окажется. Тогда мы сможем, освободив свой тыл, с утроенной силой обрушиться на противника с целью его уничтожения».

Но 60–70 дивизий — очень мощная группировка. Это, к слову, больше, чем понадобилось вермахту для разгрома Польши. Такая численность предполагает, что Гитлер не ждал, что после достижения целей «Барбароссы» противостояние с СССР полностью завершится. Указание на это имеется и в директиве № 21: «В случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

Правда, вскоре после начала войны с СССР в берлинских штабах

пришли к выводу, что одной авиации для разрушения уральских заводов будет недостаточно. Согласно плану, разработанному в июле 1941 года оперативным отделом ставки главного командования сухопутных войск, на Урал предполагалось отправить экспедиционный корпус в составе восьми танковых и четырех моторизованных дивизий.

«Операцию провести с полным соблюдением внезапности при одновременном выступлении всех четырех групп, — гласит этот документ. — Ее цель — по возможности быстрее достигнуть уральской промышленной области и либо удерживать, если позволит обстановка, захваченное, либо снова отойти после разрушения жизненно важных сооружений специально укомплектованными и обученными для этого отрядами».

В общем, «красной», запретной, линия «А—А» для немцев отнюдь не была. В случае необходимости они легко могли ее пересечь. Но вот дальше Урала военные планы Гитлера действительно не шли.

О том, что нацисты намеревались сделать с оккупированной частью СССР, имеется масса информации. Это и всем известный план «Ост», и высказывания самого Гитлера. «Нам... должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем», — говорил он 16 июля 1941 года на совещании с высшим руководством рейха. — В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им, в-третьих, эксплуатировали... Самое основное: создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет».

Но что все-таки, по замыслу нацистов, должно было появиться или остаться к востоку от Урала? На этот счет имеются лишь отрывочные косвенные свидетельства. Одно

из них – запись в дневнике Геббельса, сделанная им 19 августа 1941 года под впечатлением от разговора с Гитлером: «Возможно, думает фюрер, наступит момент, когда Сталин попросит у нас мира... Когда я спросил, что он намерен делать тогда, фюрер ответил, что примет просьбу о мире, при условии, конечно, что он получит обширные территориальные гарантии, а большевистская армия будет разгромлена до последней винтовки. Что стало бы тогда с большевизмом, нас не волнует. Большевизм, лишенный Красной армии, не представляет для нас угрозы. Если он будет отброшен в азиатскую Россию, то может развиваться как угодно, нас это мало интересует».

А вот воспоминания Альберта Шпеера, личного архитектора Гитлера, назначенного им в 1942 году министром вооружения: «В жилом покое фюрера в Бергхофе, в Оберзальцберге, стоял огромный глобус... Со значительным выражением лица один из адъютантов от вермахта указал на небольшую, проведенную карандашом линию – с севера на юг по Уралу. Она была проведена Гитлером в качестве будущей границы разграничения сфер влияния с Японией». По словам Шпеера, линия была прочерчена Гитлером в конце 1940 года – после неудачных переговоров с главой советского правительства Вячеславом Молотовым. Поделить территорию СССР на двоих с Японией было бы, понятно, идеальным вариантом для Гитлера. Но тот факт, что конечной целью операции в директиве № 21 названо «создание заградительного барьера против Азиатской России», говорит о том, что надежд на японцев у фюрера было мало. Да и в разгром большевистской армии «до последней винтовки» он, похоже, слабо верил.

Как вытекает из известной нам гитлеровской «футурологии», он полагал, что после завершения активной фазы войны Советский Союз (то, что от него на тот момент

останется) сохранится как самостоятельное и пусть и ослабленное, но не лишенное совершенно военного потенциала государство. В случае полной демилитаризации «Азиатской России» не нужны были бы ни «заградительный барьер», ни группировка в 70 дивизий, ни военные экспедиции.

Нет, утверждать, что мысли руководителей Третьего рейха никогда не преодолевали Уральский хребет, было бы неверно. Никаких преград для этих шальных мыслей не было. «Само собой, позже мы должны будем заняться и советскими центрами, расположенными за Уралом, в том числе Омском», – говорил, например, фюрер своему министру пропаганды (согласно дневнику последнего) в августе 1941-го. Но это были именно мысли, а не планы. Неопределенные мечтания. Дальнейший ход войны не позволил им оформиться во что-то более конкретное, прервал полет стратегической фантазии.

Уже через два месяца, 30 октября 1941 года, Геббельс делает в своем дневнике следующую запись: «Сейчас видно, насколько легкомысленными были прежние представления о том, что задачи восточной кампании уже решены. Теперь мы пожинаем плоды этого. Если удастся отбросить большевиков за Урал, то мы могли бы ограничиться простой обороной. Но об этом, похоже, не может быть и речи в этом году».

Правдивая ложь

Интересный штрих в эту картину добавляет записка наркома государственной безопасности СССР Всеволода Меркулова Сталину, Молотову и Берии о сообщении, полученном из Германии от агента «Лицеиста». Датируется документ 25 мая 1941 года.

Справка: «Лицеист» – молодой латышский журналист Орест

Берлинкс, завербованный в 1940 году лично главой берлинской резидентуры НКВД Амаяком Кобуловым. Считался очень ценным агентом, вращающимся в высоких германских политических кругах, но, как впоследствии выяснилось, еще раньше он был завербован гестапо. Немцы, естественно, использовали двойного агента как канал дезинформации. Но в какой-то мере это можно считать и коммуникационным каналом.

«Берлинкс говорил мне, что ему удалось войти в доверие к Кобулову, что последний рассказывал Берлинксу даже о том, что все доклады он направлял лично Сталину и Молотову, – рассказывал советскому следователю в мае 1947 года бывший сотрудник гестапо Зигфрид Мюллер. – Очевидно, все это позволило Гитлеру рассматривать Кобулова как удобную возможность для посылки дезинформации в Москву, в связи с чем он лично занимался этим вопросом и материалами, предназначенными для передачи Кобулову. Практика была такой: Риббентроп готовил эти материалы, затем докладывал их Гитлеру и только с его санкции материалы передавались агенту Берлинксу, который и доставлял их Кобулову».

Короче говоря, то, что передавалось из Берлина в Москву через «Лицеиста», было больше чем просто «деза». Наряду с откровенной дезинформацией вождем Третьего рейха транслировал вождам СССР свою картину мира и свое видение мирового переустройства.

На этот раз «Лицеист» сообщал следующее: «Война между Советским Союзом и Германией маловероятна... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии,

а главное, даст побольше товаров, особенно нефти».

Никакой связи с реальностью это, разумеется, не имело. Дезинформация чистой воды. Самое интересное – дальше. «Если война все-таки начнется, то поражение СССР не подлежит никакому сомнению, – продолжал «Лицеист». – Германский план войны с Советским Союзом разработан самым детальным образом. Максимальный срок войны шесть недель. За это время Германия овладела бы почти всей европейской частью СССР, но правительства в Свердловске не трогала бы. Если Сталину после этого удалось бы спасти социалистический строй в остальной части СССР, то Гитлер этому не мешал бы».

Свердловск был назван не случайно. По данным немецкой разведки, советское правительство предполагало эвакуироваться на Урал, если начало войны для СССР окажется неудачным. Вряд ли эта перспектива успокоила Сталина. Такая цена дела крайне маловероятной и сохранение строя, и тем более его власти. Но есть основания считать, что какое-какие территориальные уступки он, что называется, готов был обсуждать.

«Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25–27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда народного комиссара внутренних дел СССР Берия, – писал 7 августа 1953 года генерал-лейтенант МВД СССР Павел Судоплатов в объяснительной записке, адресованной советскому правительству (через две недели он был арестован как «пособник Берии»). – Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских

войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству маневрировать и выиграть время для собирания сил».

По словам Судоплатова, Берия поручил ему встретиться с послом Болгарии в СССР Стаменовым, имевшим, по сведениям НКВД, связи с немцами, и задать ему четыре вопроса. Вопросы эти сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР?
2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны?
3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек?
4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует?

Встреча произошла в ресторане «Арагви». Вопросы были заданы и внимательно выслушаны. Но продолжения не последовало. Известно даже, передал ли Стаменов эти вопросы-предложения немцам. По словам Судоплатова, наблюдение за шифрованной перепиской болгарского посла никаких результатов не дало. Однако он не исключал, что Стаменов «мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне». Скорее всего, конечно, передал. Едва ли посол страны-союзника Германии мог утаить столь важную информацию от «немецких друзей». А реакции не было по причине явного несовпадения стартовых позиций потенциальных переговорщиков. Уступки, о готовности к которым сигнализировал Кремль, совершенно не отвечали запросам Гитлера, намеревавшегося взять

под контроль всю европейскую часть СССР.

Информация, сообщенная Судоплатовым, и по сегодняшним меркам выглядит скандальной, а во времена, когда писалась записка, это был в буквальном смысле убийный компромат. Для всех участников этой истории. Судоплатов, правда, свалил все на низвергнутого шефа: «Совершенно очевидно, что Берия, тщательно маскируясь, еще тогда, в 1941 году, в самое тяжелое время для страны, стал на путь измены...»

Сам Берия подтвердил в ходе следствия, что давал Судоплатову такое задание. С той поправкой, что в переданных им вопросах речь шла только о части Украины и Прибалтики, а прочие регионы страны вообще не упоминались. Однако Лаврентий Павлович категорически отрицал, что инициатива зондажа исходила от него. По его версии, он выполнял указание Сталина, что выглядит, конечно, более правдоподобно, чем судоплатовская интерпретация.

Тем не менее в приговор Берии, вынесенный 23 декабря 1953 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР, вошла именно она: «В 1941 году Берия предпринял втайне от Советского правительства попытку установить связь с Гитлером. С этой целью Берия через болгарского посла Стаменова пытался начать переговоры с Гитлером и предлагал уступить гитлеровской Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию, Буковину».

Кстати, вердикт этот до сих пор не отменен. В 2002 году Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации, признав Лаврентия Берия и его сообщников – Всеволода Меркулова, Богдана Кобулова и Сергея Гоглидзе – не подлежащими реабилитации, оставила приговор в отношении них в силе. А стало быть, не опровергнуты и зафиксированные в приговоре факты.

НАВЕКИ СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ КРЕМЛЕВЦЫ...

Этот курсантский полк существовал всего два месяца, трижды попадал в окружение, но ни разу не оставил позиций без приказа

ЕВГЕНИЙ КИРИЧЕНКО

Повесть о подвиге кремлевских курсантов, на два месяца задержавших продвижение противника к Москве

В первых числах октября 1941 года танковые дивизии вермахта в ходе операции «Тайфун» глубоко рассекли боевые

через сутки немцы войдут в город. Вернувшись с докладом в столицу, Жуков сильно озадачил Сталина. Бывший тому свидетелем генерал

порядки РККА под Вязьмой. Войсками Западного и Резервного фронтов командовали только что получивший звание генерал-полковника Иван Конев и легендарный полководец времен Гражданской войны Семен Буденный. После того как с ними пропала связь, Сталин, чтобы разобраться в обстановке, отправил туда представителя Ставки Георгия Жукова, который нашел маршала Буденного в Юхнове и узнал от него о страшной катастрофе – в немецкий «котел» попали сразу пять армий. Вражеским танкам до Москвы оставалось 198 километров, и, если их не задержать,

армии Сергей Штеменко в мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» отметит: «Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко наказывал тех, кто попался на этом». Георгий Константинович ничего скрывать не стал.

В интервью Константину Симонову 5 августа 1966 года (эту кинолентку потом на полвека засекретят) Жуков признался: когда Сталин напрямую спросил, сумеем ли удержать Москву, он ответил, что полной уверенности в том, что город удастся отстоять, у него нет...

Гитлер торопился нанести сокрушительное поражение Красной армии еще до наступления морозов и к Рождеству превратить советскую столицу в груды развалин: на штурм Москвы было брошено сразу шесть армий – три пехотных и столько же танковых. В Ставке понимали: рухнувший Западный фронт надо срочно создавать заново уже на Можайской линии обороны, на что уйдет неделя. А кто остановит врага, пока будут разворачиваться резервы?

В том же интервью Жуков признался, что никаких резервов у Ставки тогда не было, поэтому на защиту столицы было решено бросить курсантов. По словам начальника Подольского артиллерийского училища

Строительство баррикад на одной из улиц Москвы во время осадного положения. 1941

Ивана Стрельбицкого, «среди них было немало таких, кто еще ни разу не брился и никуда не ездил без папы и мамы». Но выбора не было, и 5 октября сводный полк подольских курсантов перекрыл под Малоярославцем Варшавское шоссе, по которому к столице уже шли немецкие танки, и на следующий день вступил в бой, продержавшись на Ильинских рубежах двенадцать суток.

Генерал Рокоссовский, выйдя со штабом своей 16-й армии из окружения под Вязьмой, получил приказ нового командующего Западным фронтом Георгия Жукова возглавить оборону Волоколамского укрепрайона протяженностью 102 километра, который прикрывал

сразу две коммуникации – шоссе и железную дорогу к Москве. Захватив эту магистраль, немцы могли войти в советскую столицу с северо-запада. Но кроме 18-й дивизии народного ополчения, на тот момент в 16-й армии других частей не было. Встать на пути врага успевали только курсанты Московского Краснознаменного пехотного училища (МКПУ) имени Верховного Совета РСФСР, лагеря которого находились под Солнечногорском. Их отдельный полк во главе с начальником училища Героем Советского Союза Семеном Младенцевым совершил 80-километровый марш из летних лагерей у озера Сенеж и вечером 7 октября взял под защиту Волоколамское шоссе.

Участок обороны полка кремлевцев по фронту растянулся на 27 километров. К слову, слева полоса обороны 316-й стрелковой дивизии генерала Ивана Панфилова была в два раза короче, а справа – у кавалерийского корпуса Льва Доватора короче в три раза, всего 10 километров. Но когда натиск противника усилился настолько, что прорвал оборону с флангов, курсанты продолжали стоять насмерть.

Пока кремлевские курсанты оккупывались на правом берегу реки Лама, в их опустевшем училище началось формирование еще нескольких рот взамен первого курса, убитого на фронт. Под ружье вынуждены были поставить даже допризывников, не подлежащих

Битва за Москву. На командном пункте Западного фронта справа налево: командующий фронтом Герой Советского Союза генерал армии Г.К. Жуков, член Военного совета фронта Н.А. Булганин и начальник штаба фронта генерал-лейтенант В.Д. Соколовский

мобилизации по возрасту. Это были вчерашние школьники, разнарядку на которых военкоматы получили в середине сентября, когда Наркомат обороны объявил дополнительный набор курсантов. По словам бывшего кремлевца Бориса Малинина, таких как он сам, семнадцатилетних подростков, в училище тогда собралось очень много.

«Меня вызвали в Ухтомский райвоенкомат и сказали: мы вас призываем, но на войну попадете только после окончания училища. В тот же день отправили в Лефортово пешком, потому что из-за постоянных бомбежек Казанской дороги поезда в Москву не ходили, – вспоминал Борис

Александрович. – За ту ночь в училище нас пришло человек триста, наверное. И каждому еще не было восемнадцати».

МКПУ тогда размещалось в бывших казармах Алексеевского военного училища, названного так в честь цесаревича Алексея, сына последнего российского императора, которого в двухлетнем возрасте Николай II назначил шефом этого учебного заведения. За годы своего существования училище выпустило почти 14 тысяч офицеров для русской Императорской армии, среди которых был и будущий советский маршал Александр Василевский, и начальник Генерального штаба Борис Шапошников.

После революции в стенах бывшего юнкерского училища открылись 1-е Московские пулеметные курсы, которые вскоре переведут в Кремль для охраны советского правительства, переехавшего в 1919 году из Петрограда, и нарекут кремлевскими курсантами или просто кремлевцами. Это название за ними сохранится навсегда, даже когда училище снова вернется в Лефортово.

Выпускные экзамены в окопах

15 октября 1941 года у Московского пехотного училища должен

был состояться очередной выпуск. Но враг подходил к столице, и выпускные экзамены кремлевцам пришлось сдавать в окопах на волоколамском направлении: сводный курсантский полк уже несколько дней вел бои с немцами, захватил пленных и трофеи. Но гитлеровцы накопили силы и ударили в стык между частями в районе Яропольца, где размещалось бывшее имение графа Чернышова. Говорят, фельдмаршал фон Бок выбрал это место, чтобы отомстить покойному графу за то, что в 1760 году тот руководил русскими войсками при взятии Берлина. А позиции курсантов находились возле имений Гончаровых и Чернышовых, где бывал когда-то Александр Пушкин. Старинные дворянские усадьбы и станут опорным пунктом на левом фланге полка, который прикрывал 2-й батальон капитана Василия Лободина. 19 октября здесь разгорятся самые жестокие бои.

Десять атак противника кремлевцы отразили, не отступая ни на шаг. На следующий день немцы ввели в бой авиацию и три часа без остановки бомбили позиции курсантов. Когда они снова пошли в атаку, у кремлевцев уже кончились патроны. И тогда капитан Василий Лободин приказал примкнуть штыки и поднял батальон навстречу врагу. Не выдержав удара русских штыков, немцы отступили, бросив раненых. Но в оперативной сводке Западного фронта этот эпизод будет изложен предельно лаконично: «Курсантский полк ведет бой с противником, наступающим с направления Гарутино, удерживая прежний рубеж».

Неприятель ежедневно наносил воздушные удары, при этом забрасывал кремлевцев листовками с призывом сдаться. Местные жители вспоминали, что курсанты встречали немецкие самолеты огнем из винтовок, и один удалось сбить. К сожалению, имя этого курсанта

не сохранилось, зато в полку запомнили подвиг курсанта Александра Ефремова, который вез со склада боеприпасов снаряды и напоролся на засаду. Отстреливаясь, он выпряг лошадей из повозки, и когда его окружили немецкие автоматчики, ударил по взрывателю снаряда. Взрыв в клочья разнес телегу вместе с наседавшими немцами, погиб и Ефремов... Эту историю уже после войны рассказал начальник штаба полка Андрей Игнатович, представлявший курсанта к награде. Фотография Саши Ефремова осталась на коллективном снимке его взвода, сделанном для выпускного альбома за месяц до отправки на фронт. Свои лейтенантские кубари он получить так и не успел...

К тому времени командно-преподавательский состав МКПУ вместе с семьями эвакуируют в Новосибирск, а в Лефортово останутся только двести с лишним первокурсников из сентябрьского набора. По словам Бориса Малинина, однажды их построили и, заменив яловые сапоги кирзовыми, выдали телогрейки с ватными штанами, вещмешки с продпайком и винтовки СВТ. «Мы догадались, что нас отправляют на фронт, хотя мы были еще на карантине и даже не приняли воинской присяги, – вспоминал Борис Александрович. – Вечером нас погрузили на машины, вывезли из Москвы, а дальше отправили пешком до самого Яропольца. Там верхом на лошади к нам подъехал Младенцев, объявил, что училище понесло значительные потери и теперь в сражение с врагом придется вступить и нам».

Боевое крещение первокурсников состоялось уже на следующий день. В лесу они устроили засаду на вражескую колонну, схватка продолжалась почти два часа, после чего на снегу осталось много убитых и раненых с обеих сторон. По словам Малинина, тела убитых товарищей они вытаскивали

до полуночи, а утром дали команду собраться, и тогда выяснилось, что в строю осталось всего 17 человек.

Оперативная сводка № 48 сообщала, что за первый месяц боев кремлевский полк понес безвозвратные потери в количестве 97 курсантов. Из них 63 погибли в последних числах октября. Это были дни, когда Рокоссовскому пришлось сдать Волоколамск. После войны он признался: если бы защищал город до последнего бойца, то потерял бы армию. Но армия отошла на новый рубеж, поэтому и сохранилась как боевая единица. Курсантский полк отходил последним, уже оказавшись в окружении. Перед прорывом кремлевцы уничтожили все документы, но сумели сохранить Боевое знамя.

По приказу Жукова полк отошел на рубеж обороны Харланиха – Утишево – Поповкино, который существовал только на карте: кремлевцам пришлось долбить мерзлую землю, чтобы вырыть себе окопы и укрытия. При этом потери уже не восполнялись. Ряды курсантов таяли с каждым днем, что и подтверждают архивные документы. Например, согласно разведсводке № 57, поступившей 11 ноября в штаб 16-й армии, из 24 человек, отправленных накануне в разведку, вернулись только четверо, из которых трое были ранены.

Тайна записной книжки

Бывший кремлевский курсант, а ныне директор Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) Игорь Пермяков, изучая архивные документы родного училища, обнаружил, что в боевых приказах конца ноября 1941 года стало появляться словосочетание «курсантский батальон (полк)». «Когда полк по документам проходит как батальон, это

Западный фронт. Командующий 16-й армией К.К. Рокоссовский изучает карту с результатами воздушной разведки в ходе контрнаступления под Москвой. Декабрь 1941

свидетельствует о больших потерях», – говорит Пермяков.

В музее училища хранится старая записная книжка, куда химическим карандашом вписаны фамилии убитых, раненых и пропавших без вести курсантов в период с октября по декабрь 1941-го. Всего 783 человека. На уставном языке это называется строевая записка.

Не исключено, что эти записи делал начальник штаба отдельного курсантского полка майор Андрей Игнатович, бережно относившийся к судьбе каждого кремлевца.

По этой записной книжке можно установить, где и когда полк понес самые большие потери. Как видно, больше всего курсантов погибло и пропало без вести

19 ноября – 187 человек. Именно в эти дни совершили свой подвиг 28 панфиловцев, о котором рассказывала «Красная звезда». О подвиге кремлевских курсантов рассказать было некому – политуправление Западного фронта журналистов в расположение полка не пускало. Возможно, чтобы противник не узнал, что с ним сражаются курсанты. Это было равносильно признанию, что, кроме них, защищать Москву больше некому.

Окруженные частями 106-й пехотной дивизии вермахта, кремлевские курсанты еще несколько суток держали круговую оборону в районе Теряево и Стеблево. И только 24 ноября, прорвав кольцо окружения, с боями отошли к городу Клину.

«Это была самая настоящая мясорубка, – вспоминал Борис Малинин. – Столько людей погибло! Раненые стонали, кричали, матерились, но все стояли насмерть. У нас политработник был, фамилию уже не помню, он говорил: “Ребята, если струсите, немцы придут и ваших родителей перестреляют. Немец освирипел совсем, он дошел до Москвы, и дальше его пускать нельзя. Раз уж такая участь, будем погибать, но ни шагу назад!”»

Приказ о грядущем контрнаступлении 16-й армии поступил из штаба Западного фронта одновременно с приказом Наркома обороны № 0148 об ускоренном выпуске 1204 курсантов МКПУ с присвоением звания «лейтенант». Начальник училища Семен Младенцев довел приказ до курсантов в деревне Утишево, это было в доме матери краеведа Вячеслава Широкова. Она рассказывала ему, что это были молодые ребята 18–19 лет, которые после приказа всю ночь перед наступлением не спали, переполненные чувствами: «Мать вспоминала, что курсанты обнимались, поздравляя друг друга и плакали, говорили, что завтра пойдут в наступление и многие, скорее

всего, не вернутся. В бой их проводила вся деревня, но он сложился неудачно...»

Многие кремлевцы, назначенные командирами взводов в другие части фронта, так и остались в окопах на Волоколамском направлении, приняв на себя удар 2-й и 11-й танковых дивизий вермахта. Это был единственный на всю Красную армию полк, состоявший из одних только лейтенантов. Еще живых и уже павших.

...Приказ о контрударе поступил из штаба Западного фронта за день до того, как части вермахта начнут второе генеральное наступление на Москву – фельдмаршал фон Бок двинет на участок обороны 16-й армии более 400 танков. А Ставка примет решение нанести контрудар во фланг и в тыл волоколамской группировки противника, используя танковые части и кавалерию, прибывшие из резерва. Кроме сводного полка курсантов, в армию вошла 58-я танковая дивизия, прибывшая с Дальнего Востока, и три кавалерийских дивизии, переброшенных с иранской границы и Средней Азии. Но их не готовили к боевым действиям зимой, поэтому у лошадей оказались летние подковы.

Рокоссовский, будучи из кавалеристов, понимал, что с неподкованной конницей стремительных рейдов не получится, но его просьбу продлить срок подготовки контрудара штаб фронта проигнорировал. В результате 16-я армия за один день потеряла под пулеметным огнем почти две кавалерийские дивизии. А фельдмаршал фон Бок отметит в дневнике: «Отчаянная атака трех сибирских кавалерийских полков в секторе 5-го корпуса была отражена с большими потерями для русских».

Трагично закончилась и атака курсантского батальона при поддержке танков 58-й дивизии, введенной в бой буквально с марша. Дивизия не смогла форсировать

речку Черную: танки с ходу завязли в болоте. А штаб 16-й армии торопил, и не хватило времени провести рекогносцировку. В результате курсантскому батальону капитана Василия Лободина пришлось наступать на Парфеньково без поддержки танков. Курсанты все-таки смогли зацепиться за восточную окраину села, потеряв при этом 149 бойцов и командиров, из которых 48 пропали без вести.

В своих мемуарах Константин Рокоссовский отметил, что получил 58-ю танковую дивизию совсем без боевой техники. Но о том, что почти все 200 танков оказались утеряны в первом же бою, промолчал. Как и про самоубийство командира 58-й танковой дивизии Котлярова, который застрелился от отчаянья. В предсмертной записке он возложил вину за дезорганизацию и потерю управления на высший штаб. Между тем в фондах 16-й армии ЦАМО хранится шифровка с подписью Рокоссовского, откуда понятно, кто торопил его с контрударом: «Тов. Сталин недоволен медлительностью и топтанием войск на месте. Категорически требую 17.11.41 г. стремительного наступления и энергичного движения вперед». За ошибку Ставки, не сумевшей правильно определить направление главного удара противника на Клину, пришлось расплачиваться остаткам курсантского полка.

Присяга, в вечность ушедшая

По словам Вячеслава Широкова, когда в апреле 1942 года под Волоколамском растаял снег, местных жителей отправили собирать по полям и лесам тела убитых.

«Понятно, что при наступлении, когда немцев в сорок втором погнали на запад, здесь тоже много наших погибло, – вспоминал Вячеслав Васильевич, – находили

и в курсантских шинелях павших осенью сорок первого. Все безымянные, без наград и документов. Прорываясь из окружения, они сжигали все бумаги, даже письма из дома. Смертных медальонов у них не было, и только по истлевшим петличкам с буквами “М.К.П.У.” люди понимали, что это кремлевские курсанты. Среди них были и те – из дополнительного сентябрьского набора Ставки, не успевшие принять воинскую присягу. Оставшиеся навсегда семнадцатилетними».

В историческом формуляре МКПУ сохранилась запись: «6 октября 1941 года училище в составе 10 курсантских рот – 1579 человек вместе с командирами и преподавателями – убыло на фронт для защиты Москвы и действовало как отдельный курсантский полк в составе 16-й армии Западного фронта по 6 декабря 1941 года». То есть полк как боевая единица просуществовал ровно два месяца, успев за такой короткий срок покрыть себя неуязвимой славой. За это время, согласно историческому формуляру, курсантами было уничтожено свыше двух полков пехоты противника, 3 артиллерийских и 8 минометных батарей, 20 танков и 7 бронемашин, захвачено большое количество вооружения и боеприпасов. А 83 курсанта и командира были награждены орденами и медалями.

Кремлевцы фактически закрыли собой столицу, заплатив своими жизнями. Но при этом выполнили приказ Ставки: враг к Москве не прошел. 6 декабря 1941 года отдельный курсантский полк был расформирован, его Боевое Знамя сдали в архив, а оставшимся в живых 277 курсантам уже в лейтенантском звании предстояло отправиться на фронт бить врага. В училище вернулись всего 158 человек. В том числе и Борис Малинин, который примет воинскую присягу только в марте 1942 года, когда ему исполнится 18 лет.

ЛЕНД-ЛИЗ: ЭФФЕКТИВНАЯ ПОМОЩЬ СОЮЗНИКА

Накануне празднования 80-летия Великой Победы мы вспоминаем помощь, которую получил по ленд-лизу Советский Союз и которая сыграла немалую роль в борьбе советского народа против фашистской агрессии

ВЛАДИСЛАВ ПЕРИВАЛЬСКИЙ

В нашем журнале мы не раз обращались к теме ленд-лиза – крупнейшей в истории XX века программе США по оказанию помощи союзникам в годы Второй мировой войны (слова «ленд» и «лиз» в переводе с английского означают «давать взаймы» и «передать в аренду») Эта программа осуществлялась на основании Государственного акта США, который получил силу закона, после того как был подписан президентом США Ф. Д. Рузвельтом.

В соответствии с международными соглашениями по ленд-лизу США поставляли в 1941–1945 годах своим союзниками по борьбе со странами «оси» вооружение, боевую технику, боеприпасы, взрывчатые вещества, медицинское оборудование, различные виды сырья (в том числе нефтепродукты), промышленное оборудование, запчасти для поставляемой бронетанковой и автомобильной техники, а также продовольственные товары. Все это в ходе войны передавалось союзникам бесплатно до завершения боевых действий. При этом основными получателями поставок всей перечисленной номенклатуры были страны Британского Содружества и СССР.

Накануне празднования 80-летия Великой Победы мы вспоминаем помощь и поддержку, которую получил по ленд-лизу Советский Союз и которая сыграла немалую роль в борьбе советского народа против фашистской агрессии.

Для начала заметим, что включение СССР в число стран-получателей грузов по ленд-лизу уже в 1941 году было верным решением со стороны США. Президент Рузвельт правильно рассудил, что если Советский Союз будет разбит фашистской Германией уже в 1941 году, то война, скорее всего, союзниками будет проиграна. Поэтому, посоветовавшись с ведущими политиками США и Британского Содружества, Рузвельт пришел к выводу, что помощь Советскому Союзу должна быть оказана незамедлительно, и приказал своим подчиненным сделать приоритетной отправку кораблей с помощью по ленд-лизу в СССР.

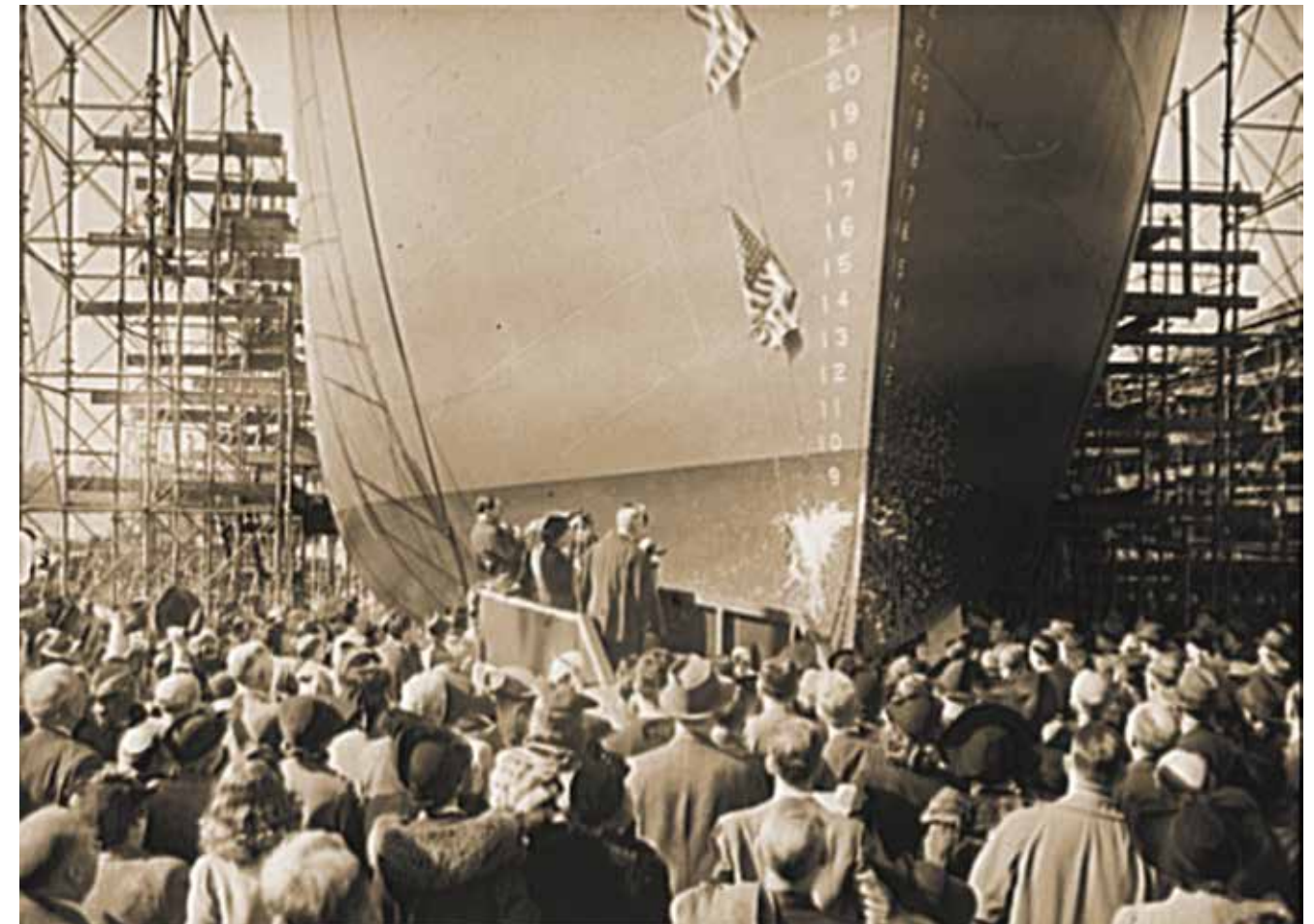
Советское правительство и весь советский народ высоко оценили поддержку США. Советский Союз получил по ленд-лизу 18 200 самолетов, что, в сущности, составляет примерно треть от общего числа истребителей и бомбардировщиков, выпущенных на советских заводах за весь период войны. Хотя на вооружении советских танковых частей были в основном советские танки, которые в общем и целом превосходили американские и британские модели по своим тактико-техническим данным, в Красной армии были на вооружении семь тысяч американских и шесть тысяч британских танков, что составляло примерно 8% от общего числа танков, выпущенных на советских заводах.

В результате вторжения немцев, румын, венгров и итальянцев на территорию Советского Союза страна потеряла почти 42% пахотных земель, было разорено более 40% всех колхозов и совхозов, потеряно 7 миллионов лошадей, около 50 миллионов свиней, овец и коз. Были уничтожены десятки тысяч сельскохозяйственных машин и орудий. Все это привело к резкому снижению запасов продовольствия, которые также пришлось восполнять за счет ленд-лиза, особенно в районах, практически опустошенных войной.

Арктические конвои

Понятно, что объемы грузов, поставляемых в СССР по ленд-лизу, выросли до астрономических величин. Общий их тоннаж составил за пять лет войны 17,5 миллиона тонн. Такие грузопотоки потребовали не одного маршрута поставок, а нескольких. Поставки осуществлялись Арктическими конвоями, то есть караванами кораблей, доставлявшими грузы в северные порты СССР по Тихоокеанскому маршруту и по так называемому Персидскому коридору.

Арктические конвои доставляли грузы в советские порты по кратчайшему маршруту и теоретически в самое короткое время. Однако этот маршрут был и самым опасным. Караваны судов должны были

Спуск на воду корабля «Либерти»

проходить мимо Норвегии, которая была оккупирована фашистскими войсками. Корабли подвергались налетам немецкой авиации и атакам подводных лодок.

Движение караванов из Англии начиналось от так называемого Русского дока на востоке Лондона. Караван формировался на Темзе обычно в вечернее время и оказывался у берегов Норвегии уже под утро. Именно здесь, как правило, их атаковали самолеты люфтваффе.

Особенно трагичная судьба постигла в июле 1942 года караван RQ17. Его атаковали одновременно немецкие самолеты и подводные лодки. Судам, входившим в караван, было приказано разойтись в разные стороны, однако это не помогло спасти ситуацию:

из 35 судов обратно в порт вернулись только 11.

Один из наиболее трагических эпизодов войны, которую вели фашистские боевые корабли и авиация против транспортных кораблей Арктических конвоев, имел место в 1942 году. Немецкая эскадра обнаружила отставший от каравана QR-8 советский лесовоз «Ижора», старый пароход, на котором был груз строительного леса. Капитану корабля В. Беляеву немцы предложили сдаться, отключить радиосвязь и покинуть судно. Однако он немедленно начал передавать сообщения о местонахождении фашистских кораблей. Тогда немецкие эсминцы открыли огонь по «Ижоре». По старому пароходу было выпущено 11 снарядов

калибра 150 миллиметров, 43 снаряда из орудий калибра 127 миллиметров и 82 снарядов из орудий меньшего калибра.

Немцев больше всего разъярило то, что «Ижора», упорно не хотела тонуть. Она не могла потонуть из-за своего груза! В ее команде оставалось в живых всего несколько человек. Под конец эсминцы выпустили по ней две торпеды, а «Ижора» все равно не затонула. Командир германского линкора «Тирпиц» отказался стрелять по «Ижоре» из орудия главного калибра: во-первых, унижительно, а во-вторых, каждый снаряд главного калибра стоил намного больше, чем «Ижора». Кончилось все тем, что один из эсминцев подошел к пароходу вплотную и сбросил под

Американская мука, готовая к поставкам

его борт две глубинные бомбы. Пароход раскололся и затонул. Единственный из 34-х членов экипажа, который, по некоторым данным, был взят на борт немецкого эсминца, погиб в фашистском концлагере.

Печальная статистика Арктических конвоев такова: за время их использования было потоплено 104 торговых судна союзников и 18 боевых кораблей. Погибло в общей сложности 829 моряков торгового флота и 1944 военных моряков.

Вообще же, за годы войны было потоплено 4786 торговых и рыболовных судов и погибло 32 тысячи моряков.

В память о храбрых моряках Арктических конвоев на Тауэрском холме в Лондоне был создан мемориал,

посвященный памяти 24 тысяч моряков торгового флота, погибших в этих караванах. Среди них было немало женщин.

Тихоокеанские перевозки

Тихоокеанский маршрут начал функционировать уже в августе 1941 года, но полностью использовался только с середины 1942 года. Он был самым длинным, но главный его недостаток был не в этом. С декабря 1941 года США и Япония уже воевали друг с другом, поэтому на данном маршруте могли использоваться только советские корабли, а поскольку СССР и Япония в то время придерживались нейтралитета в отношении друг

друга, военных грузов на них перевозить было нельзя. Тем не менее Тихоокеанский маршрут обеспечил около половины поставок в СССР по ленд-лизу, и он был относительно безопасным.

С началом американо-японской войны на Тихом океане перевозки здесь осуществлялись только советскими моряками на судах, ходивших под советским флагом. Все незамерзающие проливы находились под контролем японцев, и советские суда подвергались досмотру. Бывали случаи, когда японцы, сняв с судна команду, топили его. Путь от тихоокеанского побережья США до дальневосточных портов СССР занимал до 20 суток (без учета времени, требовавшегося для перевозки грузов по американским

Тральщик «Адмирал Ребел», переданный советскому флоту

и российским железным дорогам). Тем не менее в советские порты через Тихий океан было отправлено намного больше грузов, чем через Атлантику. Стратегические и военные грузы, включая самолеты, орудия, бронетанковую технику, снаряды, взрывчатку и нефтепродукты шли в СССР через Охотское море и Татарский пролив.

Отправку грузов по ленд-лизу осуществляли не только большие и малые порты на западном побережье США, но и порты на его восточном побережье; в этом случае они проходили в Тихий океан через Панамский канал.

Главным из принимающих портов на советском побережье был, конечно, Владивосток, так как от него начиналась Транссибирская

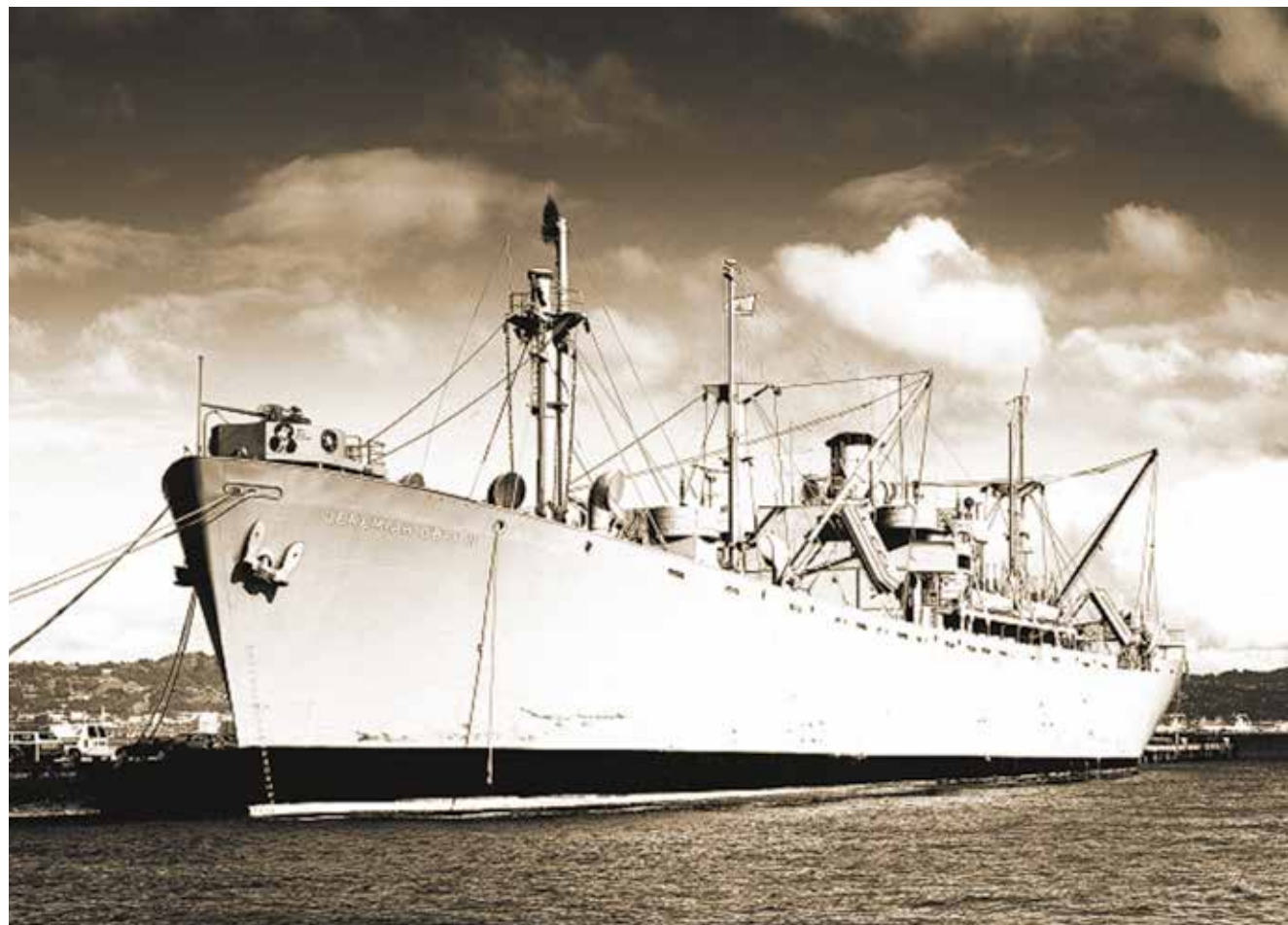
магистраль. Дальневосточная железная дорога переправила из Владивостока на запад для советских фронтов восемь миллионов тонн импортных грузов – это в четыре раза больше по сравнению с Мурманской и Кировской железными дорогами и в пять раз больше Архангельской группы портов и Северной железной дороги.

Поскольку на Тихом океане шла война между Японией и США, все советские суда, работающие на маршруте из Соединенных Штатов во Владивосток, были вооружены крупнокалиберными пулеметами или даже пушками, а на борту корабля имела военная команда. Помимо этого, многие гражданские моряки проходили военную подготовку

в Военно-морской школе США в Сан-Франциско.

Для того чтобы обеспечить бесперебойный и всевозрастающий грузооборот, американцы организовали на шести судовых поверхностях поточное производство типовых судов «Либерти» («Свобода»). Первый пароход этого типа был назван в честь американского революционера Патрика Генри (1736–1799), который прославился исторической фразой «Дайте нам свободу или обреките на смерть!»

Конструкция такого типового судна была предельно упрощена, что существенно снизило затраты на поточное производство транспортных кораблей. Пароход «Либерти» был огромной металлической сварной коробкой длиной 146

Транспортный корабль серии «Либерти»

метров. Его пять трюмов вмещали 11 тыс. тонн грузов. Это означало, что пароход мог взять на борт 2840 джипов, 525 бронев автомобилей, 440 легких или 260 средних танков, 651 тыс. 76-мм или 300 тыс. 105-мм снарядов. Обычно груз был разнотипным.

Заказы на сборку судов были первоначально распределены среди шести верфей, контролируемых американским предпринимателем Генри Кайзером (1882–1967); в их числе значилась самая известная верфь *Kaiser Shipyard* в Ричмонде, штат Калифорния. Другие его верфи располагались в Райан-Пойнте, Ванкувере и на острове Суон-Айленд, штат Орегон. Корабли стали называться «Либерти» после того, как президент Рузвельт

объявил 27 сентября 1941 года, день спуска на воду первых 14 судов, «Днем Флота свободы».

В годы Второй мировой войны грузовые суда серии «Либерти» строились в среднем за 45 дней каждое (рекордно быстрая постройка корабля была проведена меньше, чем за пять дней!). При постройке корабля на верфях вместо заклепок повсеместно применялась сварка, что позволяло быстро обучить рабочих, многие из которых были женщинами. Всего в США было построено 2710 транспортных кораблей типа «Либерти».

В тихоокеанских перевозках было занято до 300 судов. 128 судов поступило в СССР по ленд-лизу, в том числе 50 крупнотоннажных транспортов «Либерти» и танкеры.

Кроме них в доставке грузов был широко задействован флот Дальстроя НКВД, в состав которого входили четыре крупнотоннажных судна. За годы войны они перевезли полмиллиона тонн импортированных грузов. Большинство добывающих и транспортных судов рыбной промышленности Дальнего Востока и Камчатки, способные пересечь океан, тоже ходили в годы войны в США и Канаду, где проводился их ремонт и переоборудование, а возвращались они в дальневосточные порты с грузами ленд-лиза. К транспортной работе по ленд-лизу были подключены танкер «Максим Горький» и рефрижераторы.

Советский Тихоокеанский военно-морской флот получил

Летчики из Великобритании, США и СССР в Иране

из США по ленд-лизу 252 военных и вспомогательных кораблей, в том числе 64 торпедных и 29 сторожевых катеров. Все они были доставлены в СССР на больших транспортных судах. В составе флота свыше половины тральщиков, 30% морских охотников за подводными лодками, 70% сторожевых кораблей и 20% торпедных катеров были построены в Соединенных Штатах. Многие из них приняли участие в боевых действиях, когда Советский Союз объявил войну Японии.

Персидский коридор

О Персидском коридоре, как об уникальной операции трех держав, стоит рассказать подробнее.

По этому коридору было доставлено в Советский Союз примерно 30% всех грузов, отправленных по ленд-лизу. Но, во-первых, среди них были такие особо важные для СССР поставки, как грузовые автомобили «Студебеккер», на шасси которых устанавливались «катюши» (реактивные установки залпового огня) и полевые автомобили (типа джип) «Виллис», а также бомбардировщики компании «Дуглас». А во-вторых, потери при транспортировке были, можно сказать, минимальными, хотя Персидский маршрут и был самым долгим. Доставляемые в Иран самолеты, взлетая там, приземлялись прямо на советских аэродромах, а джипы и грузовики ехали из иранских портов на север, к советским границам, своим ходом.

Чтобы читатель составил себе более или менее ясную картину того, что происходило в Иране с 1941 года, надо рассказать о совместной операции советских и британских войск под названием «Согласие». Она началась в августе 1941 года, то есть тогда, когда наши войска вели кровопролитные бои на западе Советского Союза. Но Сталин решил, что эта совместная операция необходима.

Речь прежде всего шла о том, чтобы обезопасить южные районы страны, в частности Закавказье с бакинскими нефтяными промыслами. Кроме того, советская разведка доносила, что иранский шах Реза всячески благоволил к фашистам, что страну наводнила немецкая агентура, которая с каждым днем

Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль на Тегеранской конференции. 1943

увеличивает свое влияние на иранскую элиту, особенно на крупных предпринимателей и на ближайшее окружение шаха. К началу Великой Отечественной войны в Иране находилось около 20 тысяч граждан Германии: от инструкторов в иранской армии до агентов, действовавших под видом торговцев, банкиров, даже учителей. Нельзя было исключить, что немцы попытаются захватить иранские нефтяные месторождения. Переход в руки немцев Абаданского нефтеперерабатывающего завода, который в 1940 году переработал восемь миллионов тонн нефти, был бы большой потерей для военной экономики союзников.

Гораздо более важной причиной, по мнению советского руководства, было то, что поставки в СССР оружия и иного снаряжения из США и Великобритании через Атлантику периодически срывались немецкими самолетами и подводными лодками. С гораздо меньшими потерями союзники СССР могли осуществлять поставки через Персидский залив; далее перевозки в Советский Союз осуществлялись по железной дороге и по Каспийскому морю. Конечно, корабли союзников затрачивали на путешествие очень много времени, так как им приходилось обходить юг Африки, но охота на конвои кораблей союзников в Атлантике приводила

к потере такого количества судов, их экипажей и перевозимых грузов, что в итоге было решено не менее трети грузов отправлять в Иран. Это было удобнее и с военной точки зрения: ведь рядом была Индия, британская колония.

Британские силы включали в себя индийские и австралийские части, британский военный флот и парашютистов.

Советские войска состояли из двух армий Закавказского фронта и одной армии Среднеазиатского Военного округа и действовали при поддержке авиации и Каспийской военной флотилии. Чтобы представить себе, насколько мощной была советская группировка,

достаточно заметить, что одних только танков Т-26 в ней насчитывалось около тысячи.

Общий объем поставок вооружения и продукции военного назначения, предназначавшийся для СССР и Великобритании и прошедший только через Персидский коридор, составил более пяти миллионов тонн. В 1943 году в обеспечении и обслуживании Персидского коридора принимали участие не менее 30 тысяч американцев...

Один из примеров эффективности американской помощи по ленд-лизу – получение советскими ВВС средних бомбардировщиков «Дуглас А-20». Значительное число этих самолетов доставлялось в Иран на полевые аэродромы, где в специальных ангарах американские техники осуществляли необходимую комплектацию и обслуживание самолетов перед их отправкой на советско-германский фронт.

В результате советские ВВС получили более двух третей всех выпущенных в США самолетов модификации А-20Б, а также немало самолетов модификаций G и H. Этот средний бомбардировщик стал самым многочисленным из иностранных самолетов такого класса в советских ВВС. По сути, в СССР было больше самолетов А-20, чем в самих Соединенных Штатах.

Боевое крещение этот самолет прошел на советско-германском фронте в конце июня 1942 года. Как экипажи самолетов, так и их командиры летных частей сочли, что скорострельность четырех пулеметов «Браунинг» 30-го калибра, способных производить 600 выстрелов на ствол в минуту, недостаточна высока, и их заменили на более скорострельные 7,62-мм пулеметы ШКАС, способные производить до 1800 выстрелов на ствол в минуту. Летом 1942 года средние бомбардировщики такого типа совершали рейды

на сверхмалых высотах против немецких колонн, хорошо защищенных зенитной артиллерией. Атаки производились с высоты всего 10 м, и авиаполки несли тяжелые потери.

К середине 1943 года советские летчики познакомились с модификациями А-20Б и А-20С. По общему мнению, самолет был оснащен мощными моторами, которые делали его быстрым и маневренным и позволяли совершать крутые виражи с углом крена до 65°. Трехопорное шасси облегчало взлет и посадку. На самолете этого типа могли летать даже экипажи с минимальной подготовкой. Двигатели были надежными, но чувствительными к низким температурам, поэтому советские инженеры разработали специальные кожухи, предохраняющие ступицы винтов от замерзания.

Обстановка на советско-германском фронте оставалась непростой, и в этих условиях каждый самолет и каждый танк, которые передавали Советскому Союзу союзники, в том числе и благодаря бесперебойной работе Персидского коридора, имели огромное значение. Было подсчитано, что поставки американского вооружения только по этому маршруту могли бы оснастить всем необходимым 60 американских дивизий.

Персидский коридор сыграл большую роль и в укреплении сотрудничества между военными Советского Союза и американскими и британскими военнослужащими. Их сотрудничество сблизило многих офицеров, они по-иному взглянули на своих коллег. Серьезное взаимодействие развивалось и между офицерами контрразведки трех стран: они совместно принимали участие в разгроме немецкой агентуры в Иране, в аресте немецких диверсантов.

Широкое сотрудничество между ними, несомненно, сыграло большую роль в том, что Иосиф Сталин, британский премьер Черчилль

и американский президент Рузвельт провели в 1943 году знаменитую конференцию великих держав в Тегеране, на которой обсуждали важнейшие вопросы, связанные с завершением войны и устройством послевоенного мира.

Срок действия ленд-лиза неоднократно продлевался и распространялся не только на период войны, но и на первые послевоенные годы.

После войны был сделан точный подсчет того, что было поставлено по ленд-лизу в СССР. С 1 октября 1941 года по 31 мая 1945 года Соединенные Штаты поставили Советскому Союзу 427 284 грузовых автомобиля, 13 303 боевые машины, 35 170 мотоциклов, 2328 транспортных средств для перевозки боеприпасов, 2 670 371 тонну нефтепродуктов (бензина и масла), или 57,8% авиационного топлива, включая почти 90% высокооктанового топлива, 4 478 116 тонн продуктов питания (мясных консервов, сахара, муки, соли и т.д.), 1911 паровозов, 66 тепловозов, 1000 думпкаров, 120 цистерн и 35 вагонов тяжелой техники. Поставки товаров военного назначения (боеприпасы, артиллерийские снаряды, мины, различные взрывчатые вещества) составили 53% от общего объема внутреннего потребления. Одной из ценнейших поставок был шинный завод, который был полностью выведен из состава завода *Ford Company* в Ривер-Руж и передан СССР. В 1947 году общая денежная стоимость поставок и услуг по ленд-лизу составила около 11,3 миллиарда долларов.

В ответ на поступавшие в СССР вооружение и другие грузы союзники получили 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота, леса и т.д. Кстати, расчеты с США за поставленные в ходе войны вооружение и грузы военного назначения Россия завершила только в 2006 году.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОПЕРАЦИИ «ЭВРИКА»

Рассказывает сын личного радиста Сталина

ВЛАДИМИР ОНИЩЕНКО,
востоковед, ветеран военной разведки

Уже будучи офицером, тридцатилетним майором, я узнал, что мой отец Онищенко Федор Николаевич был не просто свидетелем, но и участником первой исторической встречи лидеров трех крупнейших стран антигитлеровской коалиции – Сталина, Рузвельта, Черчилля. Они встречались потом еще дважды – в Ялте и Потсдаме. И всегда эти встречи становились вехами в мировой истории.

Откровенным отец не случайно стал лишь в 1973 году. Тогда отмечалось 30-летие Тегеранской конференции. Ранее он не рассказывал о своей командировке в Тегеран. Ведь он был сотрудником службы военной разведки, и разговоры о его работе никогда в семье не велись. Что сподвигло отца приоткрыть завесу тайны его миссии в столицу Ирана, я не знаю. Может быть, заметно пошатнувшееся на шестом десятке жизни здоровье или то, что я сам был тогда офицером Главного разведуправления Генерального штаба. По сей день это остается для меня загадкой.

Миссия: помощник Генералиссимуса

После окончания Харьковского училища связи в 1941 году отец в самый канун войны попал в Грузию, где в местечке Каджори вблизи Тбилиси располагался узел связи Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Красной

армии. По сути, войсковая часть была специальной разведшколой, приписанной к Закавказскому особому военному округу. Там готовили радистов для действий в составе диверсионных групп в тылу противника и в партизанских отрядах. Как классный радист, отец вскоре стал в школе инструктором. И спустя два года оттуда был командирован в Иран, где ему предстояло стать личным радистом-шифровальщиком И. В. Сталина.

О значении Тегеранской конференции написано немало. Лишь отмечу, что она готовилась очень тщательно на правительственном уровне с привлечением сил и средств многих компетентных ведомств, институтов и предприятий, органов разведки и контрразведки. Их силами была сорвана готовившаяся по личному приказу Гитлера попытка покушения на лидеров «Большой тройки», что ярко показано в художественном фильме «Тегеран – 43». В итоге встреча лидеров прошла с большим успехом. Антигитлеровская коалиция окрепла, взаимопонимание между лидерами было достигнуто.

Нельзя не упомянуть и о том, что 1943 год был отмечен коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны. Но еще до начала Сталинградской битвы, в 1942 году, по поручению Сталина была активизирована дипломатическая работа с союзными США и Великобританией по вопросу открытия второго фронта. В личной

переписке с президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем Сталин постоянно поднимал этот вопрос. Но какое-то время союзники выжидали, кто достигнет существенного перевеса в войне – гитлеровская Германия или СССР, который уже понес к тому времени огромные потери на полях сражений.

После победной для Красной армии Сталинградской битвы наши союзники по дипломатическим каналам дали знать Москве и лично Верховному главнокомандующему, что назрела необходимость проведения взаимных консультаций на личной встрече глав государств-союзников. Именно весной 1943 года, после Сталинградской битвы, началась активная

подготовка к организации Конференции союзных государств. Эта операция у наших советских спецслужб получила кодовое название «Эврика».

После продолжительной переписки глав государств местом встречи, по нашей инициативе, была выбрана иранская столица Тегеран. Подготовительная работа велась в строжайшей тайне. В переписке

Тегеранская конференция (28 ноября – 1 декабря 1943 года). Стоят у здания советского посольства, слева направо: генерал Джордж К. Маршалл, который пожимает руку послу Великобритании в СССР сэру Арчибальду Кларку Киру; Гарри Гопкинс, переводчик Сталина; маршал Иосиф Сталин; министр иностранных дел Вячеслав Молотов; генерал Климент Ворошилов

и телефонных переговорах запрещалось даже упоминать слово «Тегеран» как место встречи. Одним из важнейших вопросов операции «Эврика» стало, помимо обеспечения безопасности лидеров союзников, решение задачи управления и связи во время работы конференции.

Отец мой вспоминал, как весной 1943-го его вызвали в штаб Закавказского фронта в Тбилиси в отдел военной контрразведки. Далее воспроизвожу ход событий и разговора с отцом с его слов.

«Я заметно волновался, – вспоминал отец, – ибо, по слухам в армейской среде, внезапные вызовы в особый отдел МГБ (НКВД) ничего хорошего не предвещали. Волнения мои, однако, оказались напрасными. Сухопарый полковник вежливо поздоровался со мной и поинтересовался моей службой. Хотя из дальнейшего разговора стало понятно, что он уже прекрасно был осведомлен обо мне.

– По рекомендации вашего командования мы выбрали кандидатуру офицера Онищенко, – глядя в глаза отцу, сказал полковник, – для поручения важного правительственного задания. Вы готовы его выполнить?

– Так точно, товарищ полковник!

– Не спешите, Федор Николаевич. Речь идет об оказании помощи лично товарищу Сталину. В ноябре планируется проведение Тегеранской конференции. Это пока секрет большой государственной важности. О содержании нашей беседы никому ни слова. О неразглашении вы подпишите отдельный документ. Вы будете командированы в столицу Ирана, в наше советское посольство. Жить и работать будете там же. Вам поручается развернуть узел специальной радиосвязи. Вся аппаратура, необходимая для работы, вам, как связисту, будет знакома. Связь будете держать по двум направлениям – с Москвой и с вашим

узлом ГРУ в Тбилиси. Соответственно радиogramмы будете принимать по этим же направлениям. Обе линии радиосвязи резервные на случай появления искажений в информации по техническим причинам – из-за помех или условий прохождения радиосигнала. С особенностями работы вас ознакомит куратор нашей службы МГБ–НКВД на месте.

Мы знаем про вашу квалификацию радиста высшего класса, как и о том, что вы знакомы с основами криптографии и шифрования. Все придется делать самому. Любые ошибки и сбои в работе исключены. По сути, вы становитесь помощником нашего Верховного Главнокомандующего. Это налагает особую партийную и служебную ответственность. Вы это понимаете?

– Так точно, отчетливо понимаю и готов выполнить задание партии и командования, – ответил отец.

– Теперь о не менее главном для вас, товарищ старший лейтенант. Перед отъездом вам надо решить свои лично-служебные дела. Вы живете с женщиной, она беременна от вас, но вы до сих пор не расписаны как муж и жена...

– А как вы... откуда... – вырвалось у отца.

– Это наша работа... Вам предстоит ответственная и долгая командировка. Как можно оставить жену в положении без пайка и довольствия? Она должна быть женой офицера, а не пресловутой, как говорят, ППЖ – «полевой походной женой». Идет война, вроде бы не до формальностей в создании семьи, и у вас напряженная служба... Но случай особый. Берите завтра свою любимую Валю и шагом марш в ЗАГС! – в первый раз улыбнулся полковник. – Соответствующее направление получите у дежурного по штабу. Начальника ЗАГСа предупредят, чтобы он распisał вас задним числом, скажем, какой-то датой лета 1942 года.

Отец спросил:

– Могу ли я сказать жене, что командируюсь в Тегеран?

– Вы можете ей сообщить, что командование направляет вас в зарубежную командировку, но куда, пока сами не знаете. Мол, получите предписание прямо перед отъездом. Сроки вашей миссии еще не уточнены. Ваше командование в части будет проинформировано. А жену будут ставить в известность в части, ее касающейся... Еще хочу попросить послезавтра привести Валентину Афанасьевну ко мне на беседу».

На этом разговор завершился. Папу с мамой расписали на следующий день. Как и распорядился полковник, мама побывала у него и подписала расписку о неразглашении любых сведений о муже. А отца буквально через три дня переправили по каналам нашей военной разведки в Тегеран. Там он приступил к выполнению своей ответственной миссии.

Как вспоминал отец, условия работы уже в ходе подготовки к переговорам были суровые и жесткие. Его жизнь ограничивалась забором посольства. Во время работы два сотрудника НКВД обязательно стояли за спиной и следили за каждым движением радиста. Любая переписка с родными была под запретом, даже с родной женой. При этом 8 июля 1943 года во время сражений на Орловско-Курской дуге моей маме, Валентине Афанасьевне, довелось произвести на свет меня – первенца в нашей семье. Отцу сообщили по каналу спецсвязи. Он потом рассказал, что об этом узнал и Сталин. Он попросил чекистов поздравить своего радиста. Берия, в виде исключения, разрешил отцу побывать в городе в сопровождении сотрудников НКВД и приобрести подарки жене. Они попали к маме в Тбилиси специальной почтой. Папа хотел передать маме и записку, но его просьбу отклонили.

Кодовый привет: GMG

Во время конференции радисту, как и всему персоналу советской делегации и сотрудникам дипломатической миссии, предписывалось строжайше соблюдать правила секретности. В радиogramмах на родной узел связи в Тбилиси связист Онищенко имел право делать только некоторые служебные отметки. Отец договорился перед отправкой в Иран с друзьями-сослуживцами по разведшколе, что он будет изредка передавать «привет» жене в виде кодового слова GMG. На международном сленге радистов это означало “greet my girl” – привет моей девушке.

Получив GMG, папины друзья в Тбилиси тут же собирали вещмешок для Валечки – доппаек, консервы, крупы, фрукты, иногда местные сладости типа чурчхелы. На словах гонец обязательно передавал содержание записки, якобы полученной от Феди, но которую передать, мол, «живьем» нельзя, только на словах.

По словам отца, радиообмен в период работы конференции был очень интенсивный. Объем работы для радиста-шифровальщика зашкаливал, спать приходилось урывками, а иногда вовсе обходиться без сна. Это был по-настоящему фронт без линии фронта. Подменить отца было некому. Сталин лично распределял, какую информацию отправить срочно и получить ответ немедленно, а какую информацию придержать, чтобы тщательнее обдумать. Именно тогда радист получал передых или даже отдых со сном.

В течение всех пяти дней работы конференции Сталин работал очень напряженно и общался с членами Государственного комитета обороны в Москве. Так что, особо отмечал отец, Сталин предстал как приверженец коллективного разума, остерегался скоропалительных

самоличных решений и уж никак не был самодуром, как его еще нередко представляют.

Видимо, и благодаря такому стилю работы Сталина главные цели Тегеранской конференции были достигнуты. В первую очередь, речь о договоренности об открытии союзниками второго фронта против Германии. Была также решена судьба нынешней нашей Калининградской области с крепостью Кенигсберг. С успехом были решены и другие территориальные вопросы в случае победы Красной армии над фашистской Германией. Фактически в Иране уже была начертана в главных параметрах географическая судьба послевоенной Европы.

Могу с гордостью сказать, что отец блестяще справился со своими задачами. До него дошли слова Сталина, которые он высказал Берии, лично отвечавшему за ход и благополучный исход Тегеранской конференции: «Лаврентий, наше решение доверить обеспечение связью Главному разведуправлению было правильным. Особо отметьте работу моего радиста, кажется, его фамилия Онищенко... Он достоин хорошей награды».

Отец вернулся из Ирана в Тбилиси в начале декабря 1943 года в досрочно присвоенном ему звании капитана и будучи представленным к ордену боевого Красного знамени. А мама моя заплакала, когда увидела в волосах своего 26-летнего исхудавшего мужа Федика первую седину.

Наверное, интересен и тот факт, что капитану Федору Онищенко вместо ордена вручили медаль «За боевые заслуги». К сожалению, некоторые начальники в Москве нередко сами решали, какой награды достоин тот или иной отличившийся боец или офицер. Независимо от этого отец считал, что эта страница истории его жизни была самой яркой. Ведь не за наградой от ехал.

До окончания войны он оставался в Каджори под Тбилиси на своем радиоузле ГРУ Генштаба. Вскоре после Победы такие узлы были сформированы: подготовка радистов для диверсионных групп перестала быть актуальной.

Отец продолжил свою службу в Тбилиси в качестве преподавателя в Тбилисском артиллерийском училище.

Война после Победы

В 1948 году отца перевели служить в Томское ордена Красной звезды артиллерийское училище (ТОКЗАУ) на равнозначную должность преподавателя связи, где он получил звание майора. Наша семья переехала в Сибирь.

Но планы на мирную жизнь вскоре были нарушены. Как известно, в 1950 году разразилась американо-корейская война. Отца весной 1952 года вызвали в Москву в Главное управление кадров Министерства обороны, где объявили, что он командировается в Корею офицером-советником Корейской народной армии как специалист по организации связи в артиллерийских частях и подразделениях. Это был уже второй фронт и вторая война для нашего отца и для нашей семьи.

В Корею отец прибыл до 1954 года, пока не было объявлено перемирие. Он с честью выполнял все задачи командования по передаче военных знаний офицерам братской Корейской армии и затем возвратился в Москву, где его ждала семья.

Спустя годы отец получил ряд правительственных наград, а также заслуженные звания «Почетного радиста СССР» и «Воина-интернационалиста». Все последние годы службы отец в звании полковника работал в Главном штабе Сухопутных войск. Ушел из жизни в 2001 году.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ БЕРЛИНА

В ночь на 1 мая над куполом поверженного Рейхстага взвилось Знамя Победы

АНАТОЛИЙ ДОКУЧАЕВ

Советские солдаты водружают Знамя Победы над Рейхстагом

Фото: Владимир Гребнев (ТАСС)

В летописи Великой Отечественной войны 2 мая 1945 года не менее символическая дата, чем День Победы. Именно в этот день был взят Берлин, как тогда говорили – «логово фашистского зверя».

Весной 1945 года на территории фашистской Германии вели боевые действия вооруженные силы Советского Союза, США, Великобритании и Франции. Красная армия находилась в 60 километрах от Берлина, а передовые части американско-английских войск вышли на Эльбу в 100–120 километрах от столицы Германии. Главные силы немецко-фашистских войск по-прежнему были сосредоточены против Красной армии.

Последний рубеж

Немецко-фашистское командование стянуло под Берлин максимально возможное количество сил и средств. Перебрасывались войска из внутренних районов Германии, с Западного фронта, сосредотачивались полицейские и охранные части и подразделения.

К 16 апреля на советско-германском фронте находилось 214 дивизий, из них 34 танковых и 15 моторизованных, а также 14 бригад. Против американско-английских войск германское командование держало всего 60 дивизий, из них 5 танковых, в которых имелось лишь около 200 танков. Берлинское направление обороняли 3-я танковая армия и 9-я армия группы армий «Висла», 4-я танковая армия и 17-я

армия группы армий «Центр». Всего было задействовано 48 пехотных, 9 моторизованных, 6 танковых дивизий и много других частей и соединений. Общая численность войск достигала одного миллиона человек. Кроме того, в резерве главного командования сухопутных войск находилось 8 дивизий. В самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма, а общая численность гарнизона превышала 200 тыс. человек.

Изданный немецким руководством 9 марта приказ требовал: «Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона... Противнику нельзя давать ни минуты покоя, он должен быть ослаблен и обескровлен в густой сети опорных пунктов, оборонительных узлов и гнезд сопротивления. Каждый утраченный дом или каждый утраченный опорный пункт должен быть немедленно возвращен контратакой... Берлин может решить исход войны».

Советская Ставка Верховного Главнокомандования, оценивая трудности завершающей операции, считала, что только решительный удар и разгром противника в короткие сроки могут привести к быстрому достижению победы. Замысел Ставки предусматривал мощными ударами войск трех фронтов прорвать оборону противника по Одру и Нейсе, далее, развивая наступление в глубину, окружить его силы, расчленив их на части и, уничтожив каждую в отдельности, овладеть Берлином. После этого войска должны были выйти к Эльбе, где предполагалось соединение с американско-английскими войсками.

Готовясь к штурму Берлина, советская Ставка ВГК учитывала, что руководители Англии и США также стремились овладеть Берлином и ввести туда свои войска, упредив Красную армию.

К выполнению этих задач привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских (командующие – маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский) и 1-го Украинского (командующий – маршал Советского Союза И. С. Конев) фронтов, часть сил Балтийского флота (командующий – адмирал В. Ф. Трибуц), 18-я воздушная армия авиации дальнего действия (командующий – главный маршал авиации А. В. Голованов), 3 корпуса войск ПВО страны и Днепровская военная флотилия (командующий – контр-адмирал В. В. Григорьев). В состав группировки советских войск входили 20 общевойсковых, в том числе 1-я и 2-я армии Войска Польского, 4 танковые, 4 воздушные армии, 10 отдельных танковых и механизированных, 4 кавалерийских корпуса. Они включали 2,5 млн человек, около 42 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов. Это обеспечило превосходство над противником в людях в 2,5 раза, по артиллерии – в 4 раза, по танкам и САУ – в 4,1 раза, по боевым самолетам – в 2,3 раза. На направлениях главных ударов фронтов это превосходство было еще более значительным.

К Берлинской операции советские воины пришли с богатым боевым опытом, умением громить врага по всем правилам военной науки. Командующие фронтами и армиями, командиры соединений умело управляли войсками, хорошо их знали. Многие военачальники со своими армиями прошли путь от Сталинграда, Ленинграда и Курска до Одера и Нейсе. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы были охвачены величайшим патриотическим подъемом. Кто из солдат и офицеров даже в самые трудные бои под Москвой и Сталинградом не мечтал дойти до Берлина, где началась самая чудовищная война в истории человечества!

По сигналу «Родина»

Войска 1-го Белорусского фронта встретили ожесточенное сопротивление противника. В 13 часов 50 минут 20 апреля дальнбойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. Н. Переверткин, 3-й ударной армии под командованием генерал-полковника В. И. Кузнецова, открыла огонь по Берлину. Этот первый залп стал началом штурма столицы Германии. 21 апреля части 3-й ударной армии, 2-й гвардейской танковой армии и 47-й армии прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. К исходу того же дня 8-я гвардейская армия и 1-я гвардейская танковая армия также вклинились в городской оборонительный обвод в районах Петерсхагена и Эркнера, а 24 апреля они встретились с 3-й гвардейской танковой армией и 28-й армией 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа и тем самым завершили окружение франкфуртско-губенской группировки противника, Берлин был взят в кольцо.

Гитлеровское командование стремилось деблокировать окруженные в Берлине войска. Последней надеждой Гитлера сохранить Берлин была 12-я армия генерала В. Венка, ведущая бои против англо-американских войск. Венку был дан приказ развернуть войска на восток, соединиться с 9-й армией генерала Т. Буссе, частью сил 4-й танковой армии и деблокировать Берлин. Однако под сильными ударами советских войск немецкие армии эту задачу выполнить не смогли. Ликвидация берлинской группировки непосредственно в городе осуществлялась с 26 апреля до 2 мая путем расчленения обороны и уничтожения противника по частям.

Сражение за Берлин носило исключительно ожесточенный характер. Гитлер все время требовал

оборонять столицу Германии до последнего человека. И чем глубже вклинивались советские войска в город, тем яростнее противодействовал враг. Основу боевых порядков стрелковых и танковых частей в период боев в городе составили штурмовые отряды и группы, в которые входили стрелковые, инженерные, артиллерийские и танковые подразделения.

Основой штурмового отряда, как правило, был стрелковый батальон, которому придавались танковая рота, 1–2 взвода 76-мм орудий, батарея 120-мм минометов, 1–2 орудия крупных калибров (до 203-мм включительно) или САУ, до саперной роты, огнеметный взвод. Он делился на несколько штурмовых групп, огнеметную группу и резерв. Штурмовая группа представляла собой стрелковую роту или взвод, которой обычно придавались 2–3 танка или САУ, 2 противотанковых орудия, 2 орудия дивизионной артиллерии (76-мм и 122-мм), до взвода саперов, отделение огнеметов, химики (для постановки дымовой завесы). Штурмовая группа делилась на подгруппы захвата и огневую.

29 апреля части 79-го стрелкового корпуса начали штурм Рейхстага – массивного здания нижней палаты германского парламента, расположенного в северо-восточной части центрального берлинского парка Тиргартен. Немцы считали его знаковым для Третьего рейха и превратили в мощный узел сопротивления. Подступы к нему преграждали глубокие рвы, различного рода инженерные оборонительные сооружения и многочисленные огневые точки. Защитники Рейхстага – около тысячи человек – были вооружены большим количеством пулеметов, фаустпатронов и артиллерийских орудий. Кроме того, крупные силы вермахта располагались вблизи Рейхстага, прикрывая его.

30 апреля вражеская оборона фактически была расчленена на четыре изолированные части. Сообщение между ними сохранялось только по подземным коммуникациям.

Но и для советских войск здание Рейхстага также было знаковым. 6 ноября 1944 года в докладе на торжественном собрании в Москве, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин поставил задачу водрузить Знамя Победы над Берлином. Его призыв широко использовался в средствах массовой информации. Однако не было ясно: каким должно быть Знамя Победы, где оно должно быть водружено.

Накануне Берлинской наступательной операции на совещании начальников политотделов армий 1-го Белорусского фронта в районе города Ландсберга был поднят вопрос: какой все-таки объект в Берлине следует считать главным? Член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин специально обратился за разъяснением, где необходимо водрузить Знамя Победы, в Москву. Пришел ответ: над Рейхстагом. Решение принял сам Сталин.

Знамя Победы

К вечеру 30 апреля части 150-й и 171-й стрелковых дивизий (командиры – генерал-майор В. М. Шатилов и полковник А. И. Негода) в результате многократных атак, преодолев упорное сопротивление, ворвались в здание Рейхстага. Непосредственно в штурме Рейхстага участвовали 756-й (командир – полковник З. Н. Зинченко), 674-й (командир – подполковник А. Д. Плеходанов) и 380-й (командир – майор В. Д. Шаталин) стрелковые полки. Их поддерживала 23-я танковая бригада (командир – полковник

С. В. Кузнецов). В ночь на 1 мая в Рейхстаге разгорелась яростная борьба. Бои велись за каждый этаж, на лестницах и в коридорах завязывались рукопашные схватки. Штурмующие бойцы метр за метром, комнату за комнатой очищали здание от фашистов. По мере овладения им в разных местах советские воины водружали Красные знамена и флаги.

При штурме Рейхстага особенно отличились солдаты и офицеры стрелковых батальонов под командованием капитанов С. А. Неустроева, В. И. Давыдова и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова, танковых батальонов – майора И. А. Ярцева и капитана С. В. Красовского, а также отдельной группы – под командованием М. М. Бондаря, капитана В. Н. Макова и лейтенанта Р. Кошкарбаева. В ночь на 1 мая над куполом поверженного Рейхстага взвилось Знамя Победы.

В последние два-три десятилетия историки бесплодно муссируют тему приоритета водружения Знамени Победы на здании Рейхстага в Берлине. А секрета никогда не было, и нет сейчас, если следовать по пути большой правды, вошедшей в себя все детали важнейшего исторического факта.

2 мая Красное знамя № 5 Военного совета 3-й ударной армии, водруженное разведчиками 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой Идрицкой ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии сержантом М. А. Егоровым и младшим сержантом М. В. Кантария в ночь на 1 мая, было перенесено на купол Рейхстага. Оно и стало символом Победы советских войск над немецко-фашистскими захватчиками. К слову, это было четвертое по счету знамя из установленных на крыше здания. Первые три знамени были уничтожены в результате артобстрела крыши Рейхстага.

Бои за Рейхстаг продолжались до 1 мая, а отдельные группы

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков принимает Парад Победы. 24 июня 1945

фашистов, засевших в подвальных помещениях, продолжали сопротивляться до утра 2 мая. В боях за Рейхстаг противник потерял более двух тысяч солдат и офицеров и еще свыше 2,6 тысяч были взяты в плен. Штурм Рейхстага явился завершающим аккордом битвы за Берлин. Большинство гитлеровских главарей, в том числе Геринг, Гиммлер, Кейтель и Йодль, заблаговременно бежали из Берлина. Опасаясь возмездия за свои преступления, Гитлер совершил самоубийство 30 апреля, а Геббельс – 1 мая. Г. К. Жуков сообщил И. В. Сталину о самоубийстве Гитлера и о предложении нового правительства Германии заключить перемирие. Сталин ответил: «Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым».

2 мая началась массовая сдача немецко-фашистских войск берлинского гарнизона в плен. Борьба с отдельными группами, пытавшимися прорваться на запад, закончилась 5 мая. С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта выходили к Эльбе, уничтожая отдельные группы противника. Первый Украинский фронт приступил к завершению освобождения Чехословакии. Второй Белорусский фронт, преследуя остатки разбитой 3-й танковой армии противника, 3–4 мая вышел к Балтийскому морю и на рубеж Эльбы, где установил связь с английской 2-й армией.

Сопротивление немецко-фашистских войск было окончательно сломлено. 8 мая представители германского верховного командования подписали в Карлсхорсте Акт

о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

В ходе битвы за Берлин советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковых и моторизованных дивизий, уничтожили большую часть авиации вермахта, взяли в плен около 480 тыс. человек, захватили до 11 тыс. орудий и минометов, свыше 1500 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов и другую технику. Дорого обошлась Берлинская операция и советским войскам. Их безвозвратные потери составили 78 291 человек, а санитарные – 274 184 человека.

После Парада Победы, который прошел в Москве на Красной площади 24 июня 1945-го, 7 сентября того же года в Берлине у Бранденбургских ворот состоялся Парад Победы союзных войск.

«ЛЮБА + САША»:

Вместо загса они расписались на стене Рейхстага

ЕВГЕНИЙ КИРИЧЕНКО

Памятные надписи на стенах Рейхстага, оставленные советскими солдатами после взятия Берлина. 1945

Фото: РИА Новости

Александр Бессараб распахнул перед нами, как окно в прошлое, старый фотоальбом с затертыми краями и вытащил оттуда групповой снимок. Лица однополчан выделялись на фоне прокопченного дымом здания фашистского парламента, а на обугленных стенах между шрамов от пуль и осколков были выцарапаны автографы победителей: «Мы защищали Одессу,

Сталинград, пришли в Берлин!», «Мы из Донбасса. Знай наших! В. Правоторов», «И мои снаряды попали в Рейхстаг. Лейтенант А. Елютин».

– А вы свою подпись на Рейхстаге поставили?

– Да, там должны были остаться наши имена. Мое и моей невесты

Любы. Еще в Тиргартене стреляли, а я ей сделал предложение на Королевской площади. И по причине отсутствия загса мы расписались прямо на Рейхстаге, – улыбнулся старый артиллерист, разглаживая пальцами пожелтевший снимок.

– Редко фотографии достаю, – признался фронтовик. – Тяжело вспоминать. Ведь я остался

последним из тех, кто Берлин брал. Все, кто были моложе, давно ушли. Нет сержанта Винокурова – его расчет первым выкатил орудие на Кенигсплац и открыл огонь по Рейхстагу. Нет Аркаши Кучина – у его пушки фаустпатроном разбило щиток и оторвало колесо, а он, раненый, продолжал вести бой, подавил несколько пулеметных точек и только потом ушел в медсанбат. Нет моего ровесника, лейтенанта Миши Маринушкина, командира огневого взвода, который с трехсот метров прямой наводкой расстрелял фашистский парламент. Нет уже и Любы моей... – вздохнул он горько и замолчал.

Александр Бессараб начал войну простым солдатом, а закончил майором, командиром 420-го ОИПТД – отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Осенью 41-го защищал Москву, воевал под Спас-Деменском, бил врага на Смоленщине, участвовал в операции «Багратион», освобождал Белоруссию и Прибалтику. Командовал разведвзводом, ротой, батальоном, полковой артиллерией. Получив тяжелое осколочное ранение и едва не потеряв ногу, уговорил медиков оставить его в строю. Вернувшись в родной 79-й стрелковый корпус, возглавил отдельный дивизион истребителей танков, прошел с ним Польшу, форсировал Одер, брал Берлин и штурмовал Рейхстаг.

На фронте редко кому удавалось совершить такой славный боевой путь и при этом выжить. Не случайно в Московском комитете ветеранов войны про Бессараба шутили, что он родился не в одной рубашке, а сразу в трех. Перевалив через столетний рубеж, легендарный ветеран в кругу близких отметил весной 73-ю годовщину Победы, а осенью тихо ушел к своим однополчанам, оставшимся лежать на берлинской брусчатке. Это было его последнее интервью.

**«Немцы, увидев нас,
поднимали руки»**

– 16 апреля, когда началась Берлинская операция, наша 3-я ударная армия приступила к форсированию Одера, – вспоминал Бессараб. – Немцы взорвали шлюзы, река сильно разлилась, и с нашего берега было видно, как по ней плывут трупы гитлеровцев. Их течением несло с юга, где наступали войска 1-го Украинского фронта. После мощной артподготовки мы перебрались на Кюстринский плацдарм и только стали окапываться, как позвонил комдив Асафов и приказал принять 780-й артиллерийский полк, командир которого, капитан Расторгуев, только что погиб. Пришлось временно возглавить этот полк, а свой 420-й отдельный дивизион передать заместителю по строевой Голобородько. Так вот, вместе, двумя частями, мы через несколько дней и вошли в Берлин.

– Сколько у вас к тому времени было орудий? Как их перевозили в ходе боев?

– Только у одного моего дивизиона, кроме 12 пушек ЗИС-3, было еще 36 противотанковых ружей, а это столько же расчетов. Все были на колесах – нам тогда поступили ленд-лизовские «доджи» – с открытым верхом. Проходимость лучше, чем у «полуторок», за счет гидромортизаторов они не так сильно прыгали на колдобинах. Мы на них возили те самые ЗИС-3 – легендарные пушки Грабина калибром 76 мм. Они с клиновым затвором, простые и надежные, расчет мог руками перекачивать, быстро меняя позицию для стрельбы.

780-й артиллерийский полк состоял уже из трех дивизионов. Два из них имели по двенадцать пушек ЗИС-3, у третьего было двенадцать 122-мм гаубиц. Всего получалось 36 орудий – впечатляющая огневая

мощь! Пройти открыто таким полком по городу даже при параде неудобно, а тут война, здания высокие, стреляют из-за каждого угла. Мы продвигались быстро, давили их оборону прямой наводкой, сбивая все на своем пути, и немцы, увидев нас, сразу поднимали руки. Но это было уже в Берлине, до которого с Кюстринского плацдарма мы шли почти неделю. Кстати, по пути к нему я как раз и встретил свою любовь...

– *И как это произошло?*

– Ну как это обычно происходит на войне? Под грохот разрывов! – улыбается Бессараб. – На второй день командования артполком, будучи уже в двадцати километрах от исходного рубежа наступления, мы с подполковником Вознесенским отправились на рекогносцировку и выбрали траншею для наблюдения. Рядом горела наша подбитая самоходка, в которой от пожара вдруг стали рваться боеприпасы. Мы упали на дно окопа, и тут на меня кто-то свалился сверху, каблуками больно ударив по ребрам. А когда опасность миновала, также упершись каблуками в мою спину, выскочил наружу.

Я выругался от такой наглости, встал и, отряхнувшись от песка, хотел было блеснуть неисчерпаемым богатством русского языка, как увидел симпатичную девушку с погонами лейтенанта медицинской службы и замолчал. Она улыбнулась и представилась старшему по званию: «Лейтенант Корявцева из медсанбата, ищу командира дивизии, чтоб поменять повязку на его раненой ноге». Вот так я и познакомился со своей будущей женой.

– *Что было потом?*

– А потом появился комдив, полковник Асафов, и отправил ее в тыл от греха подальше. Сказал,

Группа советских солдат за скульптурой «Ремесленник с сыном» в поверженном Берлине. Май 1945

что, как только возьмем деревню, так перевязку сделаешь, а сейчас некогда. Мы ждали контратаку немецких танков, надо было пушечный дивизион выводить на прямую наводку...

Второй раз майор Бессараб встретится с Любой Корявцевой уже в Берлине, когда сдаст 780-й артполк новому командиру, а сам вернется в родную часть. В тот день трофейный фургон из медсанбата приедет за ранеными на НП дивизии, но попадет под минометный обстрел и загорится. Лейтенант Корявцева окажется запертой в кабине, однако Бессараб успеет выбить дверь и на руках отнесет девушку в подвал, укрыв там от осколков.

Потом у них будет еще несколько мимолетных встреч, которых хватало лишь на то, чтобы обменяться

парой слов. Оба понимали, что война, с ее ежедневной кровью и смертью, слишком неподходящее время для выражения чувств. Наступление развивалось, враг сопротивлялся все яростнее, и мысли о любви сами отходили на второй план...

Из гаубицы — по трубе

Зайдя в Берлин, 79-й стрелковый корпус 1-го Белорусского фронта, по сути, замкнул котел, заперев в нем полуторамиллионную армию вермахта. Гитлеровцы создали четыре оборонительных кольца, и, чтобы их прорвать, в дивизиях организовали штурмовые отряды — в каждом был стрелковый взвод и одна-две легких противотанковых пушки, которые можно толкать руками. Эта тактика оправдывает себя в ходе

уличных боев, когда прямой наводкой разбивались завалы из бревен, камней и мешков с песком.

— *Какого числа ваш полк вошел в германскую столицу?*

— 22 апреля мы вошли в самый густонаселенный район Берлина — Розенталь и сразу увидели, что улицы перегорожены баррикадами толщиной до двух метров, не поддающимися ни «сорокопятам», ни пушкам Грабина, поэтому приходилось выдвигать на прямую наводку 122-мм гаубицу. Немцы отслеживали нас, ставили на пути заградительный огонь, и мы долго не могли понять, где прячется их наблюдатель. Пока разведчики 780-го артполка не заметили его на кирпичной заводской трубе. Сержант Доронин — командир расчета

122-мм гаубицы — тут же выкатил орудие на прямую наводку, сделал пристрелку первым снарядом, а вторым с ювелирной точностью попал в середину трубы. Она рухнула вместе с немецким корректировщиком, стрелковый батальон поднялся в атаку, и через 15 минут Розенталь был наш.

Мои корректировщики в тот день тоже чуть не погибли, — продолжал рассказ ветеран. — Наш начальник разведки Дубинин со связистом, пробравшись в тыл к немцам, обосновались в башне костела и целый час управляли оттуда огнем артиллерии по рации, пока гитлеровцы ее не запеленговали. Костел тут же окружили мотоциклы с автоматчиками, и Дубинин, понимая, что живыми их группа не выберется, попрощавшись с нами, вызвал огонь на себя. Гаубичные батареи полка точно накрыли цель, при этом ни один снаряд не попал в костел.

— *В Берлине много мужского населения оставалось? Или их всех мобилизовали?*

— Гитлер ставил под ружье всех — и подростков, и стариков, — вспоминал Бессараб. — Когда мы их встречали, они тут же сдавались. Эсэсовцы прятались за спинами мирных жителей и никого не щадили, сопротивляясь с отчаянием обреченных. В каждом доме была засада снайперов и фаустников, переодетых в гражданское. Они вели огонь из окон и чердаков, прикрываясь людьми, как живым щитом. Моего офицера, пытавшегося увести людей в безопасное место, гитлеровцы скосили очередями с обеих сторон улицы. И тогда наша самоходка взяла и уничтожила эти два б-этажных дома — они сложились, как игральные карты на столе.

После чего немцы пришли к Жукову: «Ради бога, мы сами будем ловить нацистов, только не трогайте наши дома». И нам дали приказ:

если противник не сопротивляется, берите в плен и отправляйте в тыл. Главной целью было — скорее добраться до правительственного квартала, где находился Рейхстаг. Путь наш пролегал через Шарлоттенбург — бывшую резиденцию прусских королей в элитном районе Берлина. Здесь располагалось дополнительное ведомство СС.

Проклятый мост

Когда мы с боями туда подошли, немецкой армии уже не существовало. Переодетые эсэсовцы укрылись в подземных тоннелях, соединенных метрополитеном. Перемещались по ним, куда хотели, и даже заходили нам за спину. Из-за чего дважды пришлось вызывать огонь на себя. Но пока наша 207-я дивизия вела зачистку Шарлоттенбурга, 150-я и 171-я дивизии, которым приказали взять Рейхстаг, подошли к Шпрее и остановились, неся большие потери. У них самоходки, танки, гаубицы, «Катюши», а пройти на Кенигсплац не могут, потому что мост Мольтке разрушен и пересечь его на колесах невозможно.

Местные жители сказали, что накануне по мосту британские самолеты бросали бомбы. Понимали, что самим не войти в Берлин, так хотели и нам помешать. Требовалось любым способом преодолеть проклятый мост, от которого к Рейхстагу лежал кратчайший путь. А как преодолеть, если с той стороны эсэсовцы ведут кинжальный огонь по мосту? И тогда Жуков прислал генералу Переверткину гневную радиogramму: «В чем дело? Почему два дня сидите и не можете взять?»

После чего у нас появился командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Василий Казаков. Он шел на КП корпуса, где решали, почему дивизии не могут двигаться

вперед и несут потери. Казаков меня хорошо знал и, когда шел через мои боевые порядки, увидел, что мы вдоль Шпрее выставили пушки на прямую наводку и бьем по «дому Гимmlера». Он меня похлопал по плечу, и я слышу, как он говорит сопровождавшему его Василькову: «Видишь? Прямая наводка! Вот какую тактику вам надо выбрать!...»

Получается, что командиры обеих дивизий ошиблись. Они для штурма Рейхстага не взяли ни 76-мм пушек Грабина и даже ни одной «сорокопятки», которую можно вдвоем двигать вперед и при этом бить врага в упор. В итоге, когда собрались у командира 79-го корпуса, тот сразу отдает приказ: «Бессараб, иди к мосту и разберись на месте, как артиллерию через Шпрее перебросить!» И меня тут же со всем дивизионом передали в распоряжение 150-й дивизии на время штурма. Саперы изготовили платформы, на которые помещалось по две пушки, и в ночь на 30 апреля мы протаскивали их по дырявому мосту, спрятав на том берегу внутри разбитых домов. Все, кто там был, поразились: «Как вы здесь оказались?»

Еще до рассвета я поставил орудия на готовые позиции, а в 11:35 объявили о начале артподготовки. Причем первые полчаса принадлежали только мне. Всех предупредили: батареи бьют прямой наводкой. Мы со всех стволов открыли огонь по окнам, где у немцев стояли наблюдательные посты. Они сильно укрепили передний край перед домом — до метра толщиной была стена. Но мы ее разрушили и пробили путь для нашей пехоты.

— *Получается, в Рейхстаге утром 30 апреля наших солдат еще не было?*

— Да, первые две попытки прорваться оказались неудачными, — вспоминал Бессараб. — Немцы

Рейхстаг после бомбардировки Берлина союзниками. Июнь 1945

нашу пехоту прижали пулеметами к площади. Ее хотели снова поднять на штурм, а те говорят: «Мы не можем. Стреляет Бессараб». И тогда они с другой стороны здания пошли на штурм. Первым вошел в Рейхстаг батальон 171-й дивизии полковника Негоды, а вторым, и значительно позже, батальон Неустроева 150-й дивизии генерала Шатилова. Короче говоря, когда я открыл огонь, бой шел уже внутри здания...

Непризнанные знаменосцы

По словам Бессараба, корректируя стрельбу дивизиона по Рейхстагу, он заметил две фигурки с красным флагом на его крыше и тут же приказал прекратить огонь.

— Я глянул в стереотрубу и обомлел: штурм еще не начался, а в Рейхстаге уже наши! — вспоминал ветеран. Он видел, как на парадное крыльцо пулей взлетел офицер,

обернулся и, взмахнув автоматом, скрылся внутри здания. За ним устремились остальные, которых, по его словам, было не меньше ста человек. Бессараб тут же по прямому проводу доложил командующему артиллерии Василькову, что 30 апреля в 13 часов с чем-то видит красный флаг на крыше Рейхстага. Но на КП корпуса его докладу не удивились.

— Оказывается, об этом флаге доложил не только я, но еще кто-то из 171-й дивизии, и оба донесения сразу ушли в Москву, — вспоминал Александр Никитович. — Немцы тоже заметили наше знамя и стали

бить по нему зенитками. Я получил команду расстрелять эти пушки и перенес на них огонь орудий... Вскоре выяснится, что это была группа разведчиков лейтенанта Сорокина из 674-го стрелкового полка, чей самодельный флаг над Рейхстагом взметнулся самым первым. Они раньше всех проскользнули туда в ходе артобстрела, когда немцы прятались от огня наших батарей, а штурмовые батальоны только готовились к броску.

Стрелки трофейных часов Бессараба показывали берлинское время, отстававшее на час от московского, поэтому в историческом приказе Жукова, где полководец поздравлял войска с победой, было указано время Москвы, по которому воевала действующая армия — 14:25. Потом это время в документах начнут сдвигать к вечеру, когда Рейхстаг перейдет под контроль советских войск и на его крышу с официальным Знаменем Победы под номером «5», учрежденным Военным Советом 3-й ударной армии, ночью 1 мая заберутся сержанты Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Правда, в сопровождении политрука, лейтенанта Алексея Береста, имя которого потом исчезнет из наградных документов.

По словам Бессараба, тогда никто не придавал значения тому, кто и когда поставит Красный флаг над фашистским парламентом, главное было — победить. Но в угоду политической конъюнктуре слава первых знаменосцев достанется именно Егорову и Кантарии, а не группе лейтенанта Сорокина, не артиллерийским разведчикам капитана Макова и не добровольцам майора Бондаря, которые гораздо раньше прорвались в Рейхстаг и водрузили на нем свои знамена.

— Ну, в общем, семи офицерам из этих двух дивизий — 150-й и 171-й — дадут потом Героев Советского Союза. А нашим — ничего, — попытожил Бессараб. — Мне вручат орден Александра Невского, который считается полководческим, а командиру нашей дивизии — орден Суворова 2-й степени. Целый год генералы выясняли, кто все-таки первым знамя водрузил — Мелитон Кантария с Егоровым или кто-то другой. Но я Красный флаг над Рейхстагом увидел днем 30 апреля, хотя до полной победы оставалось еще двое суток.

Уравнение любви

Ожесточенные бои в центре Берлина продолжались всю ночь и до самого рассвета 2 мая. Над Тиргартеном висел едкий дым, смешанный с запахом тлена и цветущих деревьев. Батальоны 207-й дивизии продвинулись вглубь парка, и после их решительного броска, ровно в шесть утра, орудийный гул перекрыло раскатистое «Ура!» соединившихся фронтов — 1-го Белорусского и 1-го Украинского. До конца войны оставались считанные часы.

Когда затихла канонада, Бессарабу доложили, что немцы не реагируют на движения нашей пехоты. Наступила тишина, бойцы начали вылезать из укрытий, как вдруг со стороны Рейхстага появился белый флаг. Это была колонна немцев, которая шла сдаваться в плен. Впереди колонны шли четыре генерала, а за ними — офицеры и солдаты. И все без оружия.

Многим не верилось, что сопротивление врага сломлено, бойцы стали тянуться на Кенигсплац, где стихийно собирались кучками, поздравляли друг друга с Победой, обнимались от радости и качали своих командиров. Качали начальника штаба и майора Бессараба, и даже комдива полковника Асафова, который морщился от боли в раненой ноге.

— Там стояли девчата из медсанбата нашей дивизии и наблюдали, как нас подбрасывают, — вспоминал Александр Никитович. — Я заметил среди них Любу, подбежал к ней и взял за руки. Вокруг грохотали выстрелы, стоял дикий гвалт, а мы смотрели друг на друга и молчали.

Бессараб признается ей в любви и сделает предложение в последние минуты войны. Из-за шума она не расслышит его слов, но поймет все по его глазам. На фронте не было загсов, поэтому они распишутся прямо на стене полуразрушенного Рейхстага, мимо которого в тот

момент проходила колонна пленных немцев. «Люба + Саша =?» — выведет он обломком кирпича на покрытой сажей стене и вопросительно глянет на избранницу. Та возьмет из его рук обломок и добавит под формулой слово «Вместе!». Это было уравнение любви с одним неизвестным, и будущая жена Бессараба сразу нашла правильный ответ.

Потом кто-то из танкистов достанет гармошку, заиграет «Барыню», ликующая толпа на площади раступится, и двое веселых пехотинцев, не выпуская из рук винтовок, пустятся в пляс. Любу от Бессараба утащат подруги из медсанбата, и они все потеряются в радостном хороводе на Кенигсплац. Появится дивизионный оркестр, музыканты расчехлят инструменты, и солнечные зайчики запляшут на трубах в такт дирижерской палочке. Немецкий гарнизон еще не капитулировал, но все понимали, что войне пришел конец. Наступил день, когда умолкли пушки, и теперь можно было ходить по земле, не пригибаясь, в полный рост.

Александр Бессараб представит невесту командиру дивизии сразу после капитуляции Германии и попросит разрешения жениться. Свадьба состоится 19 мая в заповедном лесу севернее Берлина, куда выведут войска корпуса. Столы накроют посреди лужайки, на которой разложат стометровую ковровую дорожку. По обеим сторонам встанут однополчане, а в конце — командир дивизии, держа на полотенце каравай хлеба с солью.

Майор Бессараб и лейтенант Корявцева пройдут по этому коврику, как по минному полю, еще не веря своему счастью. А когда все разместятся за столами, посаженный отец полковник Асафов поднимет первый тост. И тост этот будет не за молодых, а за Победу. Слишком трудной была к ней дорога, но она соединила двух людей, которые проживут потом в любви и согласии много лет.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ГЕРОИ БЕССМЕРТНЫ

Они боролись во имя любви к своей стране на земле, в небе и на море

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Дважды Герой Советского Союза Павел Иванович Батов на Параде Победы в Москве. 1945

Герои Советского Союза ... Каждый из них стал легендой. Проявив в борьбе с врагом храбрость, твердость и умение воевать, они заслужили вечную славу. И таких героев в годы Великой Отечественной войны было тысячи. Они боролись во имя любви к своей стране на земле, в небе

и на море, командуя войсками, ведя за собой бойцов в атаку, метко поражая врага из снайперской винтовки или нанося бомбовый удар по фашистским танкам. И такой беззаветный массовый героизм был возможен только в одной стране мира в годы Второй мировой войны – в СССР.

Павел Иванович Батов
Генерал армии,
дважды Герой Советского Союза

В 1897 году в селе Фелисово Рыбинского района, в семье бедного крестьянина Ивана Батова, родился сын, которого назвали Павлом. Мальчик рос худеньким, но оказалось, что характер у него твердый, он был смелым и упорным. Хорошо учился в сельской двухклассной школе, а когда подрос, отправился на заработки в Петербург. Работал где придется: разнорабочим, курьером, разносчиком товаров. В эти годы, несмотря на тяжелый труд, он усердно занимался самообразованием, экстерном сдал экзамены за шестой класс.

Но началась Первая мировая война. И Батов пошел добровольцем в армию, где выяснилось, что невысокий худенький паренек – прирожденный военный. Он лучше других овладевал военными знаниями в учебной команде, а с 1916 года уже воевал – и воевал отлично!

За отвагу и умение принимать решения в бою он был награжден двумя Георгиевскими крестами третьей степени и двумя Георгиевскими крестами четвертой степени. Его отличие в боях оценили, и после ранения он был направлен в школу прапорщиков, но офицерское звание в Императорской армии получить не успел.

Он получил его в Красной армии, уже в 1920 году став командиром роты, а потом – командиром батальона. В 1927 году окончил тактические курсы «Выстрел», а в 1934 году, в возрасте 37 лет, был уже командиром полка

в знаменитой Московской Пролетарской дивизии.

В 1936 году, как и многие опытные офицеры Красной армии, Батов был направлен в командировку в Испанию для оказания помощи республиканским войскам в сражениях с франкистскими частями.

Одно время он занимал должность советника в 12-й Интернациональной бригаде, которой командовал венгерский писатель-коммунист Мате Залка, а затем даже советника командующего одного из фронтов. В бою был ранен. В 1939 году был в составе первых частей, которые вошли в Польшу, и вскоре принял участие в советско-финской войне.

Перед началом Великой Отечественной войны Батов, уже опытный полководец, стал заместителем командующего Закавказского военного округа. О встречах с ним и о том, как он готовил округ к предстоящей войне, рассказывали после войны чекисты, которые сопровождали Батова в поездках по округу. Они отмечали, что он объездил все Закавказье, тщательно записывая в блокнот то, что казалось ему важным для организации будущей обороны округа в случае начала войны. Следующим его назначением была должность командира Особого Стрелкового корпуса в Крыму, после чего он стал командующим всеми сухопутными войсками на полуострове. Войскам Батова пришлось вести тяжелые бои с фашистами, которые пытались прорваться в Крым через Перекопский перешеек.

Самое сложное для генерала время настало, когда осенью 1942 года на юго-западном направлении развернулась Сталинградская битва. 20 сентября был создан новый Донской фронт, который возглавил Константин Рокоссовский, тогда еще генерал-лейтенант. По его рекомендации Батов была назначен командующим 40-й танковой

Командующий 65-й армией Донского фронта генерал-лейтенант П. И. Батов с офицерами в районе Сталинграда. Зима 1942–1943 годов

армией Донского фронта. Перед его танковой армией, переименованной в 65-ю армию, была поставлена задача исключительной важности: она должна была, прорвав оборону противника, охватить его группировку с юго-запада, тем самым исключив контрудар противника по 21-й армии Юго-Западного фронта, наносившего главный удар по всей 300-тысячной группировке противника.

Совершая этот охват, армия Батова также закладывала основу для дальнейшего полного окружения гитлеровских, румынских и итальянских войск.

Именно здесь полководческий талант генерал-лейтенанта Батова проявился в полной мере. В составе его армии было девять дивизий – огромная сила! На протяжении более трех недель генерал Батов посещал передовые позиции своих войск, проверял их боевые порядки, изучал местность. Особое внимание он уделил знакомству с батальонами первого эшелона. В ходе подготовки операции Батов добивался четкого и ясного понимания каждым командиром своей

задачи в предстоящей операции, способов взаимодействия с соседями, артиллерией, танками, пехотой. Также в практику работы был введен способ отработки деталей предстоящей операции на ящике с песком, который представлял собой макет местности с нанесенными условными знаками тактической обстановки.

Немаловажную роль в успешных действиях армии сыграло и то, что у Батова установились особые отношения с генералом Рокоссовским. Они понимали друг друга с полуслова. Профессиональные военные, блестящие знатоки современной тактики и оперативного искусства, они сознавали, что в предстоящей операции успех зависит от безукоризненного выполнения поставленных задач, от своевременных ударов артиллерии и от быстрого выдвижения танковых частей и использования авиации в самый решающий момент сражения.

19 ноября 1942 года войска в составе Донского и Юго-Западного фронтов перешли в наступление. Уже к исходу первого дня

наступления 65-я армия продвинулась вперед на 5–8 км, но прорвать первую полосу обороны противника полностью не смогла. Однако темп наступлений было необходимо сохранить любой ценой. И Батов принял рискованное, но единственно правильное на тот момент решение: он приказал создать из танковых подразделений и из стрелковых механизированных частей (пехоты на автомашинах) так называемую подвижную группу (сегодня ее назвали бы мобильной).

Решение командарма себя полностью оправдало. За первые же сутки подвижный отряд продвинулся вглубь немецкой обороны на 23 километра. Возникла угроза охвата частей противника, и они стали быстро отступать. Ударные дивизии Красной армии овладели целым рядом опорных пунктов и укрепленных районов противника. Этому немало способствовала и подвижная группа, которая наносила удары по флангам противника и прорывалась далеко в его тыл.

Перед 24-й армией была поставлена задача перерезать пути отступления противника на восточный берег Дона. Важной для повышения боевого духа советских солдат была задача взять хутор Вертячий, где находился концлагерь для советских военнопленных. Но 24-я армия генерала Галанина натолкнулась на жестокое сопротивление немецких войск и не смогла прорвать оборону противника, после чего втянулась в кровопролитные бои.

Однако командующий фронтом опытный полководец Рокоссовский умело скорректировал план операции. Взять хутор Вертячий он поручил 65-й армии Батова, и она, несмотря на сильное сопротивление и контратаки противника, продвинулась еще на 25–40 км и вышла к Дону, а в боях с 28 по 30 ноября овладела Вертячим.

Вскоре войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов

замкнули кольцо оперативного окружения вокруг сталинградской группировки противника – 22 дивизий общей численностью около 330 тыс. человек.

Кроме того, в ходе наступления советские войска разгромили 3-ю румынскую армию и нанесли серьезное поражение соединениям 4-й румынской армии. Разгромлен был также 48-й танковый корпус противника, составлявший его оперативный резерв.

После завершения Сталинградской битвы Донской фронт был упразднен, и на его основе северо-западнее Курска был образован Центральный фронт, штаб которого разместился в Ельце, куда 18 февраля прибыло также и управление 65-й армии. Здесь перед Батовым была поставлена задача в короткие сроки в условиях зимнего бездорожья собрать войска, многие из которых находились на пути к месту сосредоточения, и подготовить их к предстоящему наступлению.

С февраля по март 1943 года армия совместно с другими войсками фронта провела Севскую наступательную операцию на северном направлении, в ходе которой продвинулась на 30–60 километров.

Во время Курской битвы 65-я армия вела оборонительные действия на выступе против 20-го немецкого армейского корпуса в районе Севска.

С 26 августа по 30 сентября в составе Центрального фронта 65-я армия под командованием Батова принимала участие в ходе Черниговско-Припятской операции, в том числе в прорыве немецкой обороны в районе Севска, в форсировании реки Десны и в освобождении Новгород-Северского. В ходе наступления она за месяц прошла с боями около 300 километров и к 30 сентября вышла к среднему течению Днепра в районе Лоева.

Командарм стал готовить войска к форсированию Днепра. Штатных средств не хватало, и генерал приказал использовать обычные и спортивные лодки для создания небольших плавучих платформ, на которые устанавливали обычные и зенитные пулеметы. 15 октября 1943 года к 10 часам после мощной артиллерийской подготовки четыре батальона захватили плацдарм на правом берегу реки и удерживали его весь день. Ночью по наведенным переправам стали переходить соединения армии. Развернулись жаркие бои за расширение плацдарма, и к 27 октября 65-я армия расширила его по фронту на 35 и в глубину на 20 километров.

В битве за Днепр армия понесла значительные потери в личном и командном составе.

Далее на очереди были операции в Белоруссии. Фронт, которым командовал Рокоссовский, стал 1-м Белорусским фронтом. В июне 1944 года армия Батова участвовала в нескольких крупных стратегических операциях в Белоруссии. Рокоссовский убедил Сталина, что, учитывая местность, лучше вместо одного нанести два сильных удара по немецким войскам. Он был уверен в способности Батова провести свою армию через болотистые районы к югу от Бобруйска.

Белорусская наступательная операция, обернувшаяся крупнейшей победой Красной армии, получила название в честь героя Отечественной войны 1812 года Петра Багратиона. Подготовка велась в условиях строжайшей секретности. Полный план «Багратиона» знал только ограниченный круг лиц из числа высшего командования. Чтобы исключить малейшие утечки информации, о готовящемся наступлении не велось никаких переписок и телефонных разговоров.

Сохранить в тайне массовое передвижение войск вдоль белорусской линии фронта было сложной

Советские штурмовики над Берлином

задачей. Перегруппировку проводили скрытно, по ночам и с применением маскировки. Одновременно имитировалась переброска соединений в других местах. Это помогло ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара.

Наступление через болота требовало от красноармейцев особой подготовки. За несколько месяцев в тылу на импровизированных танкодромах были отретенированы проходы многотонных машин по топкой почве. Каждый танк снабдили фашинами, бревнами и специальными треугольниками для преодоления широких рвов. Солдаты мастерили подручные средства для преодоления рек, а также прошли курсы по ориентировке в лесных массивах. Было изготовлено множество мостов, волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, сделаны лодки и плоты. Самоотверженно трудились и саперы. За несколько дней до наступления

они обезвредили больше 30 тысяч вражеских мин на пути главного удара. Проложили почти 200 проходов для танков и пехоты, навели переправы через реки.

65-я армия не подвела, и в течение нескольких дней немецкая Девятая армия была окружена и в основном уничтожена.

За свои успехи Батов был произведен в генерал-полковники. 65-я армия форсировала реку Буг 22 июля, а 4 сентября – реку Нарев к северу от Варшавы и более двух месяцев сдерживала мощные контратаки немцев на Наревском плацдарме.

Армия под командованием Батова принимала участие также в ходе Калининско-Мозырской операции, Висло-Одерской, Млавско-Эльбингской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. Последний залп по врагу в полосе 65-й армии был сделан залпами «Катюш» по гарнизону на острове Рюген.

Батов окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова. Был первым заместителем Главнокомандующего Группой советских войск в Германии, командующим войсками Прикарпатского военного округа, а с апреля 1958 года – командующим войсками Прибалтийского военного округа. Пришлось ему послужить и в Китае в качестве старшего военного советника в Народно-освободительной армии Китая.

Наивысший пост, на который назначила Батова страна, был таким: первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР – начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств – участников Варшавского Договора. Мог ли когда-либо представить себе такое крестьянский сын, паренек из деревни Фелисово?

Умер дважды Герой Советского Союза 19 апреля 1985 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Дважды Герой Советского Союза Василий Андрианов

Василий Иванович Андрианов

Летчик-штурмовик,
дважды Герой Советского Союза

«Он сильный человек, крепкий телом. Но он и невероятно силен духом. Его ничто не может остановить, он не знает слова “преграда”». Так говорил военному корреспонденту о своем однополчанине

Василии Андрианове летчик Беляев. И всей своей жизнью и особенно своим боевым опытом Андрианов подтвердил эти слова.

Василий Иванович Андрианов родился 13 августа 1920 года в деревне Иванисово Тверской губернии. О военной карьере в юные годы он не думал, хотя мечта стать летчиком у него была. В 16 лет он окончил школу, три года проучился

в Смоленском кооперативном техникуме и стал работать в школе. В июле 1940 года его призвали в армию. И начался его путь в военной авиации, который продолжался более сорока лет – от курсанта до генерал-майора авиации.

После окончания школы младших авиационных специалистов в Ленинградском военном округе он начал служить в 7-м тяжелом бомбардировочном авиационном полку на должности стрелка в экипаже бомбардировщика ТБ-3.

С началом войны, когда стране потребовалось большое количество авиамехаников, он окончил еще и 2-ю Московскую военную школу авиационных механиков, а в апреле 1943 года – Молотовскую Военную авиационную школу пилотов в Перми и в июне был уже на фронте. Андрианов стал летчиком 667-го штурмового авиаполка (в феврале 1944 года ставшего 141-м гвардейским штурмовым авиаполком) и с этим полком прошел всю войну.

В составе полка Андрианов принимал участие в семи важнейших операциях второго периода войны: в Курской битве, в Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской, Львовско-Сандомирской, Берлинской и Пражской наступательных операциях.

Как известно, Андрианов летал на штурмовике Ил-2. Этот штурмовик был создан конструкторским бюро под руководством авиаконструктора Сергея Ильюшина. То был популярный в войсках, эффективный штурмовик, ставший самым массовым боевым самолетом Великой Отечественной войны; более того, он был самым массовым боевым самолетом в истории авиации! Всего таких самолетов было произведено более 36 тысяч единиц!

Ил-2 принимал участие в боях на всех театрах военных действий Великой Отечественной войны,

а также в Советско-японской войне. В СССР его называли «летающим танком». Пилоты немецких истребителей прозвали Ил-2 «бетонным самолетом», а солдаты и офицеры вермахта называли его «черной смертью».

Ил-2 был бронированным штурмовиком. Корпус выполнялся из листов гомогенной брони АБ-1 (АБ-2) с переменной толщиной от 4 до 6 мм. Боковые стенки кабины летчика имели толщину 6 мм. Пол кабины изготавливался из 5-мм листов брони. Со стороны задней полусферы летчик и задний бензобак защищались 12-мм бронеперегородкой. За головой летчика устанавливалась прозрачная броня. Общий вес бронедеталей серийного Ил-2 составлял 780 кг. При этом он развивал на высоте скорость до 414 км/ч, имел практический потолок 5440 м и был вооружен двумя пулеметами ШКАС (7,62 мм), одним пулеметом УБТ (12,7 мм) и двумя пушками ШВАК (20 мм). Максимальная бомбовая нагрузка у Ил-2 была 600 кг плюс восемь неуправляемых реактивных снарядов М-82.

Каждый штурмовик Ил-2, как видим, был грозной силой. Но дело было в том, что для нанесения эффективного бомбового и пушечного удара по колоннам и танкам противника штурмовик должен был лететь на малой высоте (чаще всего на бреющем полете – то есть на высоте от 15 до 50 метров), а это требовало от летчика высочайшего умения пилотировать самолет и необычайной собранности и четкости в применении различных средств поражения, тем более, что полет на средних высотах давал истребителям противника возможность легче обнаружить штурмовики и сбивать их еще до подхода к цели. Так что летчики-штурмовики в основном предпочитали действовать на бреющем полете.

Зенитная артиллерия Рейха не отличалась особой эффективностью, но немцы пользовались

на протяжении всей войны работками швейцарской фирмы «Эрликон». Этих орудий, которые получили у немцев обозначение Flak 30, у немцев было очень много. Их скорострельность со временем выросла с 450 выстрелов в минуту до 600 выстрелов в минуту, а эффективность их выстрела достигала 3 км по высоте и 4 км по дальности. Снаряд такого зенитного орудия легко пробивал шестимиллиметровую броню Ил-2, и летчики должны были искусно маневрировать, чтобы избежать потока зенитных снарядов. А на той высоте, на которой действовали штурмовики, парашют был бесполезен...

Совершив 177 боевых вылетов для нанесения бомбовых и штурмовых ударов по противнику, Андрианов нанес немцам немалый урон. Им было уничтожено более 50 танков, 200 автомашин, 25 зенитно-артиллерийских батарей и множество другой техники и объектов. Он был поистине бесстрашен.

По совокупности боевых заслуг 1 июля 1944 года Василию Андрианову было присвоено звание Героя Советского Союза. 27 июня 1945 года он получил звезду Героя во второй раз.

За время Великой Отечественной войны Андрианов прошел путь от летчика до командира эскадрильи. После войны он продолжил нести службу в 141-м гвардейском штурмовом авиационном полку, который дислоцировался на территории Австрии.

В 1950 году, после учебы в Военно-воздушной академии, служил командиром 118-го гвардейского штурмового авиационного полка (дислоцировался на территории Эстонии). В 1955 году окончил адъюнктуру на кафедре тактики штурмовой авиации в Военно-воздушной академии, затем занимал должность летчика-инспектора Инспекции штурмовой авиации Главной инспекции Министерства обороны СССР.

В декабре 1956 году Андрианов был назначен заместителем командира 172-й бомбардировочной авиационной дивизии (дислоцировалась на территории Польши). В 1961 года он, уже полковник авиации, окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, находился на важных командных должностях, затем произведен в генерал-майоры авиации. С середины 1960-х годов Андрианов преподавал в военных академиях.

Родина высоко оценила заслуги летчика-штурмовика, он был удостоен звания Героя Советского Союза и награжден медалями «Золотая звезда», орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Славы 3-й степени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени и иностранными медалями.

Мария Карповна Байда

Разведчица, медсестра,
Герой Советского Союза

Одной из самых впечатляющих военных страниц остается судьба простой советской женщины Марии Байды, ставшей настоящей легендой в годы обороны Севастополя.

Мария Байда родилась 1 февраля 1922 года в селе Ново-Чуваш Крымской области в крестьянской семье. Перед войной окончила курсы медсестер, работала в больнице. Призванная в армию в начале Великой Отечественной войны, Мария добровольно вступила в истребительный батальон, который вскоре стал частью войск, обороняющих Севастополь. Будучи санинструктором, Мария вынесла с поля боя и спасла жизнь десяткам бойцов.

После попытки немцев взять Севастополь штурмом в декабре 1941 года Мария Байда обратилась к командованию с просьбой

Мария Карповна Байда в послевоенные годы

перевести ее в разведку. Обосновала она это тем, что разведчики часто рискуют жизнью и получают ранения, и человек, могущий оказать им медицинскую помощь, крайне важен в разведроте. На самом деле разведчики получили еще одного отважного воина. Вскоре ее прозвали «Бесстрашная Маруся». Была она ловкой, сильной, хорошо стреляла, умела двигаться бесшумно, отлично ориентировалась на местности.

Старший сержант М. К. Байда ходила в тыл врага, добывала «языков», доставляла командованию сведения о противнике. В одном из рейдов она захватила в плен немецкого обер-ефрейтора. За «языка», который дал ценные сведения о системе обороны противника, командир объявил всей разведгруппе благодарность.

одной из таких вылазок недалеко от нее разорвалась немецкая граната; раненная в голову девушка потеряла сознание.

Мария очнулась, когда уже стемнело. Позже выяснилось, что немцы зашли разведчикам в тыл, и из всей роты в живых остались лишь один командир и полтора десятка бойцов: они были ранены и взяты немцами в плен.

Мария осторожно заглянула в окоп. Она обнаружила там не больше 20 гитлеровцев, которые все сидели рядом – вблизи пленных. Мария подобралась поближе и открыла огонь из автомата. Пленные разведчики отреагировали мгновенно, напав на немцев. Враги были уничтожены.

Прекрасно зная схему минных полей, Мария под прикрытием

темноты выводила раненых бойцов к своим. Вооружившись трофейными гранатами, разведчики под руководством женщины (она приняла командование) расчистили себе выход из окружения. Мария тоже бросала гранаты. В итоге получилось, что Мария огнем из автомата уничтожила 15 солдат и одного офицера, отбила у немцев командира и восемь бойцов, захватила пулемет и автоматы противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Марии Карповне Байде было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В последние дни обороны Севастополя Мария Карповна вместе с защитниками города отошла на мыс Херсонес, на 35-ю береговую батарею, где до последнего патрона, без пищи и воды, не имея возможности заснуть даже на несколько часов, бойцы продолжали неравный бой с фашистами. Не желая попасть в плен к врагу, Мария вместе со своей подругой Татьяной Рябовой и группой бойцов попыталась прорваться к партизанам. Однако группа была обнаружена немцами, многие бойцы, в том числе и Татьяна Рябова, погибли, а тяжело раненная, со сломанной ногой Байда в числе последних защитников города оказалась в плену.

Двадцатилетняя девушка попала сначала в симферопольскую тюрьму, а затем в концлагерь «Славута» (Украина) и «Майданек» (г. Люблин, Польша). Но не смирилась с судьбой, пыталась бежать, однако это ей не удалось. Работала на лесоповале в австрийских Альпах. Взяв себе имя «Катя Черная», она участвовала в действиях подпольных групп военнопленных. По доносу предателя ее схватили и увезли в гестапо города Зальцбурга (Австрия). Фашисты пытались узнать от нее имена других подпольщиков, но ничего не добились.

В конце концов она оказалась в концлагере Равенсбрюк. Женщины там строили кирпичный завод, работая на износ, многие умирали, а слабых и заболевших убивали и сжигали.

Концлагерь Равенсбрюк был в числе лагерей смерти, где держали, мучили и уничтожали женщин и детей. В нем в разное время содержалось в заключении 132 тысячи женщин и детей и 20 тысяч мужчин (главным образом советских военнопленных). Заключенные были людьми более 40 национальностей.

Нацистами нередко осуществлялись массовые расстрелы. Когда в 1942 году на территории Польши началось организованное сопротивление фашистской оккупации, нацисты начали планомерный расстрел жен польских дворян, а также старших офицеров и работников Генерального штаба. Это продолжалось полгода: всего было расстреляно 700 женщин. Их мужей немцы расстреляли раньше – в 1941 году (тогда фашистами было убито около 22 тысяч польских офицеров). Многих женщин привезли из Польши в Равенсбрюк с детьми после подавления фашистами Варшавского восстания.

Привозили в лагерь цыганок с детьми, женщин из Франции, Чехословакии, Сербии и России. Примерно 15 процентов женщин в лагере были еврейками. С сентября 1944 года по апрель 1945 года в лагере родилось 560 детей, большая часть которых умерла от голода.

Лагерные врачи были настоящими садистами. Они проводили разнообразные опыты на узниках, включая замены костей протезами, введение гангренозных тканей и различных ядовитых веществ.

Оценки количества погибших в Равенсбрюке разнятся, но большинство исследователей полагает, что в этом концлагере было умерщвлено от 70 до 100 тысяч узников. Рабочий день длился 13–14 часов.

Узницы фашистского концлагеря Равенсбрюк строят кирпичный завод

Два раза в месяц проводились инспекции, после которых сотни женщин квалифицировались как подлежащие уничтожению.

К концу 1944 года, когда стало ясно, что Рейх проиграл войну, были построены газовые камеры, чтобы поскорее убить как можно больше заключенных.

В концлагере фашисты узнали, что Байда – Герой Советского Союза, и ее отправили в тюрьму гестапо, где долго мучили и допрашивали. Если бы война продолжилась, она бы неминуемо погибла. Гестаповцы хотели публично отрубить ей голову, но долго спорили, сделать ли это в лагере или в городке неподалеку. Но она осталась жива: 8 мая 1945 года заключенные были освобождены взявшими тюрьму американскими войсками.

Нелегка была послевоенная жизнь Марии Карловны. После долгих проверок советскими органами она вернулась в родной Крым только осенью 1946 года. С декабря 1945 по апрель 1946 года жила в Джанкое, но из-за туберкулеза не могла работать. Затем работала официанткой и заведующей в чайной № 2 города Джанкоя.

В 1947 году она переехала в Гурзуф, климат которого помогал лечиться от туберкулеза, и стала работать поваром в винсовхозе.

Только в 1947 году ей были вручены Грамота о присвоении звания Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

В 1951 году ее назначили секретарем курортного поселкового совета. Но через год она, тяжело больная, ослабленная мучениями в концлагерях, вновь оставила работу. В 1956–1959 годах, работая кладовщиком в доме творчества имени Коровина, 37-летняя женщина, инвалид третьей группы, окончила 10 классов средней школы.

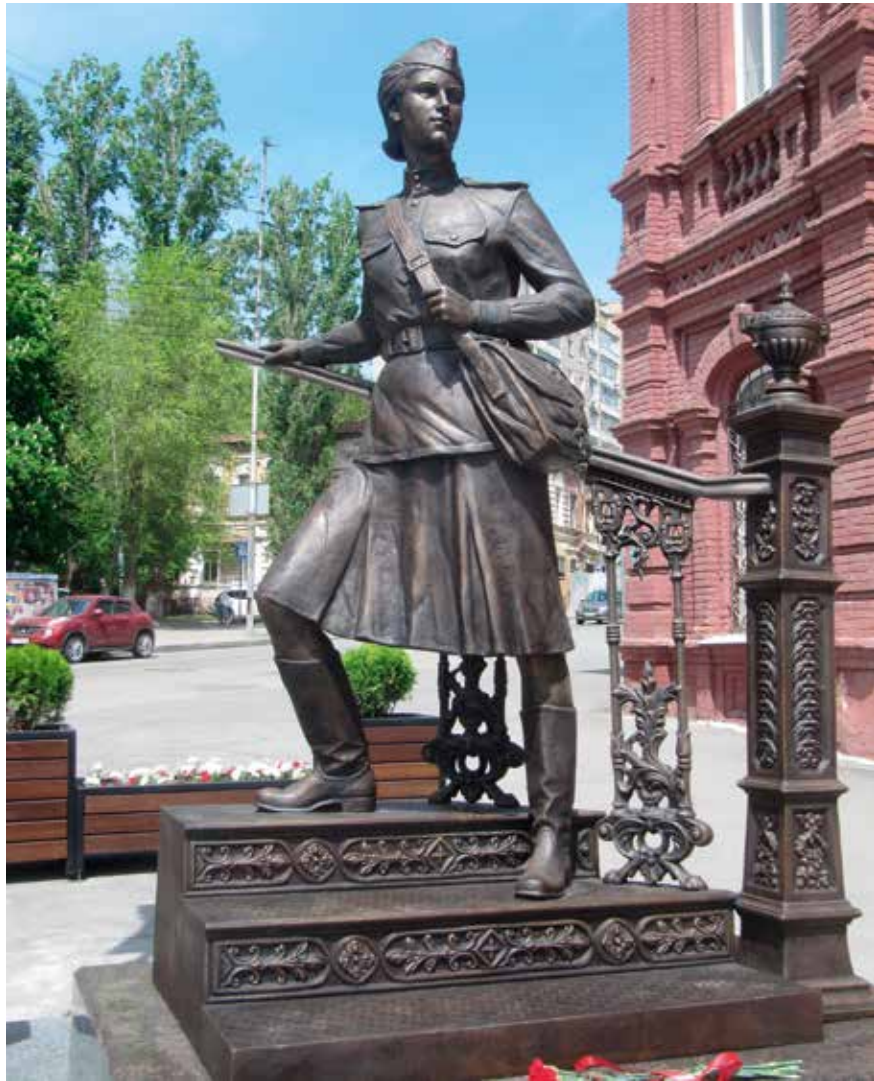
В 1960 году по приглашению руководства Севастополя Мария Карповна Байда стала заведующей городским бюро записей актов гражданского состояния. За 25 лет работы она вручила свидетельства о регистрации браков примерно 60 тысячам молодых пар, зарегистрировала более 70 тысяч новорожденных. За рабочий день она проводила 15–20 приемов и церемоний.

И все это время была легендой для молодого поколения.

ЕСЛИ РАНИЛИ ДРУГА

Записки фронтовой медсестры

Материал предоставлен писателем
СВЯТОСЛАВОМ РЫБАСОМ

Памятник военной медсестре, установленный в Саратове (Россия)
14 мая 2021 года. Скульптор Владимир Пальмин

Это отрывок из мемуаров Елены Таракановой. Елена Филипповна, уроженец Красной поляны Ворошиловградской области, 18-летняя старший сержант, доброволец, медсестра, в ночь 21 сентября 1943 года вместе с разведчиками

496-й отдельной роты разведки 236 стрелковой дивизии 46-й армии Юго-Западного фронта форсировала Днепр. Они закрепились на узкой полоске правого берега. Все, кроме нее, стали Героями Советского Союза. Она вынесла с поля боя 102 раненых, была

дважды ранена. После Победы стала прорабом-строителем, строила объекты атомной промышленности, авиационной отрасли, жилые дома.

Когда Сталин подписывал приказ о первом салюте (после Курской дуги), в котором было указано: «Вечная память героям!», он поправил: «Вечная слава героям!»

...Мое повествование не претендует на хронологическую последовательность и стройность изложения. У меня такое чувство, когда я вспоминаю годы войны, будто это был длинный кошмарный путь. Такой длинный и утомительный, что все слилось в одну бесконечную дорогу, и только отдельные эпизоды, как кадры, незабываемые яркие кадры огромного фильма, вспыхивают и встают в памяти. Вот это самое яркое, что навсегда осталось в моей памяти и сердце, я и хочу рассказать.

Ранней весной 1943 года я попала в 236-ю дивизию.

В конце февраля 1943 года Черноморская группа войск перешла в наступление, а наш 32-й артполк, где я служила, снялся с позиций и двинулся вслед за пехотой. Наши войска с боями перешли на северные склоны Главного Кавказского хребта и неудержимой лавиной ринулись вниз на кубанские просторы. После долгих месяцев в горах наконец мы гоним фашистов. Мы ликовали. Оборона в горах — ох как нам было трудно! Патроны, снаряды, еду — все приходилось

доставлять на себе. А много ли донесет человек в мешке за плечами, ведь руки нужны, чтобы цепляться за выступы скал, за кусты и деревья, — никаких троп на передовую проложено не было. Приходилось не только воевать, но и быть альпинистами — каждый, кто шел в горы, обязан был нести груз для передовой: боезапас, продукты или фураж для лошадей. Вот так на себе и таскали все для фронта! Люди наши были измучены и очень отошали. Еды было катастрофически мало. Каждый день старшина нашей батареи выделял специальный наряд за добычей подножного корма. Я много раз была в таком наряде. Мы отыскивали в лесу каштаны, прошлогодние дички, шиповник, съедобные корни для людей и молодые побеги для лошадей. Так мы пополняли скудный рацион.

Наш кашевар, худой белообрый мужчина лет 25, постоянно шмыгал носом, вытирал слезы и ругал дым, который ест глаза. До войны он работал поваром в «Астории» в Ленинграде и знал толк в еде и питье. А у нас хмуро молчал и только изредка ронял: «Эх, вот у нас в “Астории”...» — и, безнадежно махнув рукой, умолкал. Дальше этих слов он никогда не заходил в разговорах, как бы чувствуя всю неуместность сравнения. И я тогда еще подозревала, что плачет он не от дыма, а оттого, что не может накормить нас ничем, кроме супа, основными компонентами которого неизменно были каштаны, дички, весьма подозрительные травы, корни и неизменная селедка в качестве соли, приправы и всего того, что должно было составлять калорийность пищи.

Поэтому мы и были близки к тому состоянию, о котором обычно говорят: «Кожа да кости, в чем дух держится!» Дух у нас был очень даже боевой и радостный. Ведь мы гнали фрицев. Пушки сами рвались вперед (с горы ведь), и нам приходилось их сдерживать.

И вот первый освобожденный нами населенный пункт — город Шаумян. То есть это был город. Не так давно. Даже когда здесь были враги. А когда мы пришли к тому месту, которое называлось городом Шаумяном, это был просто большой костер. Горело все, что могло гореть: деревья на бывших улицах, деревянные части зданий, человеческий скраб, а все, что негорюче, то было разрушено и взорвано: каменные стены домов, мосты, дороги. Так что, войдя в вечерних сумерках в горящий Шаумян, мы не нашли в нем ни одного жителя, ни глотка воды, ни куска крыши для наших раненых. Так я и укладывала их вокруг горящего дома, как вокруг костра — прямо на мокрый снег. От огня все же тепло.

А утром после бессонной ночи опять в путь. Теперь мы двигались по равнине, и продвигаться было все труднее. Бушевала ранняя весна, таял снег, ручьи превратились в бурные реки, каждая канава становилась водным рубежом, тучные черноземные нивы кубанские превратились в грязевые пучины. Техника остановилась. Мы шли наперекор всему. Разве можно было остановиться, когда враг бежит, — гнать его дальше! Ведь мы так долго ждали этого часа. Мы не только шли сами, но впрягались рядом с лошадьми и тащили пушки и снаряды. И даже наш повар не плакал, а нес на себе черный батарейный котел. Правда, продуктов у нас не было совсем. Но он умудрялся бог знает из чего варить супы. Я видела однажды, как в чудом уцелевшем колхозном амбаре он соломинкой выковыривал зерна, застрявшие в щелях закрома, а потом давал нам по несколько ложек горячей воды, в которой изредка попадались зерна пшеницы, ячменя, кукурузы.

От усталости и голода я почти не осознавала окружающего. Единственное мое ощущение — страх не отстать от своих. Это было тогда

для меня самое страшное, потому что у меня разваливались сапоги. Сначала отвалились поочередно подметки, и я их то и дело подвязывала бинтами. Но на подходе к Усть-Лабинской, когда мы вытаскивали увязшие в трясине пушки, подметок я лишилась окончательно, а заодно и каблуков и осталась в одних голенищах.

Испугавшись, что мне достанется от нашего старшины за потерю казенного имущества — сапог, я туго прибинтовала голенища вместе с портянками к ногам и так шла дальше. Даже люди поумней старшины не заметили бы, что у меня нет сапог: у самых колен видно — голенища, а ниже у всех одинаково — ком грязи. Так я и шла километров двенадцать. И вот Усть-Лабинская. Первый населенный пункт, где живут люди, дымят трубы, пахнет едой и жильем. Нас расквартировали по домам, накормили, отогрели. А меня даже обули! Кто, вы думаете, обул? Наш сердитый, строгий придира старшина. И не ругал меня за сапоги. А как увидел, что у меня из грязи голые ноги торчат, то весь даже побледнел и начал стаскивать с меня мои «доспехи» и кричал хозяйке:

— Ну, что стоишь? Давай воды, корыто, водки. Не видишь, девка без ног останется!

И потом вместе с хозяйкой смыли грязь с моих ног, а потом их так долго растирали, что я не помню, как заснула. Утром проснулась на большой хозяйской перине, смотрю, у кровати стоят юфтовые сапожки точно по моей ноге. Но не солдатские. И очень быстро я их износила.

Потом был Краснодар, а потом мы ехали в товарных вагонах на переформировку и отдых. Это было в Сальских степях. Наш комбат, старший лейтенант Гельфанд, сказал, чтобы я осваивала специальность наводчика. Гнать фрицев далеко еще, мало ли что может быть. По крайней мере, смогу заменить

наводчика. И я стала изучать. Но не долго. Успела вызубрить только одно определение: панорама – это оптический артиллерийский прибор, который служит для точной наводки орудия в цель и для построения вееров. Это я выучила очень скоро, но еще скорее оказалась в истребительном батальоне.

Там были 45-миллиметровые пушки, которые стреляют обычно по танкам прямой наводкой. Еще там был очень добрый командир. Лет пятидесяти, с седыми висками, он умел все, даже делал птичье молоко. Из обычного коровьего молока, куриных яиц и сахара. До этого я понятия не имела, что есть такой деликатес под названием «снежки». Да и откуда мне было знать это? В ту пору мне исполнилось восемнадцать лет. Почти два года служила в армии, я видела только смерть, кровь, труд, голод, страх и ужас. Свои довоенные шестнадцать лет я прожила сиротой в донецком селе и первый раз в жизни ела мороженое после окончания семилетки. Поэтому я не сомневалась, что наш майор сумеет, если надо, и птичье молоко сделать. Но убедиться в этом я не успела, так как через три дня служила уже в медсанбате, где оказалось девушек больше, чем мужчин, чему я не только не удивилась, но обрадовалась, Это был медсанбат 236-й дивизии.

В то время нумерация частей для меня не имела значения. Я была счастлива, что нахожусь в рядах действующей армии и выполняю свой главный долг перед Родиной. Но получилось так, что узнала я номер дивизии необычным путем. Оглядевшись, куда это меня забросила судьба, я оказалась в кругу молодежи на два-три года старше меня и очень быстро сдружилась с ребятами. Верочка Шаранова, Валентин Кольцов, Гриша, Лида и я стали неразлучны во всех делах. Пока дивизия стояла на отдыхе, Валя организовал оркестр, хор, танцоров, и мы

начали концертную деятельность. Не знаю, кто сочинил слова, которые Кольцов положил на музыку, но помню, с каким воодушевлением мы распевали маршевую песню:

*Двести тридцать шестая боевая,
Славная стрелковая дивизия
идет в поход.
Развейся, знамя! Родина за нами.
За партию, за Сталина
вперед, вперед!*

Эта песня и подсказала мне номер нашей дивизии.

Вскоре начались боевые дела. Медсанбат расположился в городе Змиеве. В этом городке не оказалось ни одного жителя. Все дома стояли с раскрытыми настежь дверями и окнами. Вся утварь осталась нетронутой. Мы раскинули свои палатки в большом фруктовом саду и стали ждать раненых. Мне было непривычно это ожидание и неизвестность. Я уже привыкла быть в гуще событий, в бою. Стала проситься на передовую. И меня сначала назначили в передовую группу медсанбата, а вскоре и в санроту 177-го стрелкового полка.

В санроте было всего четыре девушки. Но мне с ними мало пришлось общаться. Сразу же я была направлена в ПМП – полковой медпункт, где, кроме меня, служили средних лет фельдшер и несколько санитаров. Но меня тянуло ближе к передовой. Однажды я почти обожновалась в стрелковом батальоне, но через три дня была затребована в санроту. И это когда я уже вошла в режим передовой. Ели мы там по ночам. Только в сумерках могла добраться кухня. Днем же мы отсыпались в своих норах, выставив дозоры, вели перестрелку и наблюдение за противником. И очень мало передвигались по окопам.

Зато вечером и ночью начиналось оживление. Приезжала кухня, саперы шли минировать передовую, углублялись старые

и прокладывались новые ходы сообщения, разведчики уходили к немецким окопам за «языком» или в разведку. Можно было подняться во весь рост. А когда противник открывал стрельбу, это никого не пугало, все знали, что немцы палят для видимости. Я уже было втянулась в ночную жизнь – и на тебе, ступай в санроту.

В это время мы двигались к Днепру. Был сентябрь 1943 года. Бесконечными, уже по-осеннему пустыми полями вышли мы к песчаному, заросшему лозняком левому берегу Днепра. Незабываемое зрелище предстало передо мной. Впервые видела я великую реку. В школе мы учили наизусть: «Чуден Днепр при тихой погоде». Я стояла на берегу Днепра, и каждое слово Гоголя было истинной правдой. Да, величаво катил он свои воды, необъятный, широкий. Я была в каком-то радостном восторге от того, что вижу его, вспоминала все, что знала о нем по книгам, кинофильмам и песням. Вспоминала Олю Синегу, хирургическую сестру 606-го полевого госпиталя. В редкие минуты отдыха Оля рассказывала о своей родине. Она жила на Днепре. Когда наши уходили с Днепра, Оля выстирала в нем вышитое украинское полотенце и поклялась не пользоваться им, пока фашисты не будут изгнаны с ее родины.

Бывало, вынет она из вещмешка заветный рушник, развернет его богатую вышивку, мы долго любуемся, а Оля вспоминает и дом, и маму, и что до войны было... Где-то сейчас моя дорогая подружка Оля!

Я стою, люблюсь рекой, а события назревают грандиозные. В лозняке, поближе к берегу, скапливаются люди, на берегу готовятся лодки. Слышу разговоры: ночью поплывем на ту сторону. «Ага, – думаю, – дело подходящее. Говорят, первыми охотники пойдут на лодках». Ну я и решила: не отстану, я тоже охотник. Сама не отхожу

от тех лодок. Вот уже сумерки, вот уже и стемнело, лодки начали к реке подтаскивать, потом тихонько на воду спускать. Я подошла ближе. Вижу, наши ребята из разведроты садятся. Я их знаю, хорошие ребята. С такими можно плыть. Вот Бойченко – парень что надо. Смелый, ловкий и вообще симпатичный. Это все наши девочки подтвердят. Тут и я в лодку.

Ждем Шпаковского. Он у бати. То есть у командира дивизии последние наставления получает. Сидим ждем.

И вдруг кто-то тихонечко мне кладет руку на плечо и вежливо, тихо, но так, что мороз по спине, говорит: «Старший сержант, немедленно идите в расположение санроты». Это командир полка Петрин. Откуда он взялся так не вовремя! Делать нечего, вылезая из лодки, а он мне еще вежливей: «Мы еще поговорим о вашем поведении». Вот тебе и охотница. Оправдываться бесполезно, а объяснять что-либо я не осмелилась бы.

Пришлось идти в санроту. Так я и не видела, как отплыли лодки. Не помню, как кончилась эта ночь, а на рассвете состоялся обещанный Петриным разговор. Он был кратким.

– Вижу, тебя нужно держать в руках. Пойдешь в роту автоматчиков, они всегда при мне, и ты будешь у меня на глазах.

– Есть идти в роту автоматчиков. – И пошла.

А рота эта в соседних лозняках спать укладывалась.

– Ну что ж, – сказал мне ротный. – Отсыпайся, вечером наша очередь на ту сторону.

И вот вечер. Я набиваю свою сумку бинтами. Думаю, если автомат дадут (а я не знала, как диски вставлять) – не стыдно ли спросить кого-либо, чтобы показал. Но автомат мне не дали. Зачем он тебе? Не стрелять, мол, а перевязывать придется. На том берегу много

раненых, помощь оказывать надо. И вот мы в лодках. Вот уже на середине Днепра. А вот и правый берег. Здесь много наших. Вырыты окопы, что-то вроде землянок, есть телефон – словом, обычная передовая. Ни минуты не прекращается обстрел наших позиций, немцы не дают поднять головы. Единственная возможность передвигаться – по-пластунски, от камня к камню.

На наше счастье, берег был усеян большими валунами, за которыми укрывались мы от пуль и осколков. Наши разведчики, уплывшие сюда прошлой ночью, отвоевали у противника «пятачок» на берегу, размером с приличный пляж, и теперь на эту землю прибывали все новые наши подразделения.

Раненых было много. Редко кого из вчерашних миновала пуля или осколок. Но только тяжелые уплывали в тыл. Воодушевление было такое, что никто не хотел покидать этот отвоеванный у врага крохотный кусок земли. Скольких я перевязала – и счет потеряла. В тылу посчитают. Здесь управиться бы до рассвета, тяжелых отправить. Мы их грузим в лодки, привозящие новые группы людей, еду и боеприпасы, а там, на левом берегу, их встречают наши медики и отправляют дальше, в медсанбат. Все ли наши пациенты благополучно добрались до берега, не знаю. Днепр кишел фонтанами от взрывов мин и снарядов. Немцы беспрерывно обстреливали реку, мешая переправе наших войск. Но десятки лодок шли от берега к берегу с людьми и грузами. Наверное, были и такие, которые гибли в воде под вражеским обстрелом. Но не хотелось об этом думать. Я все перевязывала и оттаскивала раненых к лодкам, правда, и добровольных помощников было немало.

Уже к рассвету вижу, под кручей еще один наш скрючился, лежит. Перебегаю к нему, смотрю, а это Лукин, замкомдив. Жив-здоров, так прикорнул. Обернулся, узнал: «Леночка, ангелочек болотный, это ты?» Так он со мной говорил. Я стеснялась спросить, почему он меня ангелочком болотным называл, я не знала, хорошо это или плохо. Сердиться на него я почему-то не могла и обижаться тоже.

На рассвете все «на пляже» изменилось. Теперь фашисты видели нас и вели прицельный огонь. Чуть пошевелишься – рядом свистят пули. Но и наша артиллерия за рекой не умолкала. Весь день мы пролежали, укрывшись за чем попало. Ближе к вечеру, среди бойцов все уверенней слышалось, что к ночи подбросят нам «гостинчиков» (боеприпасов) с левого берега, и дадим же фрицу прикурить. Батя нам поможет.

Мы все гордились своим командиром дивизии. Да и как было не гордиться! Он носил звание Героя Советского Союза, а этим далеко не каждая дивизия похвастаться может. А потом это был настоящий боевой, лихой даже командир. Мы ждали сумерек и «гостинцев». Приближался вечер, нетерпение наше росло. Мы переговаривались друг с другом, благо весь плацдарм свободно просматривался и даже можно было перекрикиваться с флангом. Все разговоры были о том, что надо идти вперед, нечего здесь отлеживаться.

И мы пошли наконец вперед. И вдруг я услышала сквозь грохот орудий: «За Родину! За Сталина! Ура!» Все вокруг меня начали вскакивать и кричать, и вот уже нас много, бегущих к немецким окопам. Все кричат, стреляют, падают. Снова бегут. Я тоже бегу, тоже кричу, но не «ура!», а что-то сплошное: а-а-а. Вот мы пробежали деревню, широкой улицей выходящую в поле. Тут я замечаю, что наши бойцы останавливаются у крайних домов, хронятся за деревья и плетни. Лишь один человек рядом со мной. Он хватается за руку и тянет к хатам,

Вагон санитарного поезда в Центральном музее Великой Отечественной войны в Москве

кричит, что дальше нельзя идти. Но я не могу сдвинуться с места, стою и ошеломленно оглядываюсь.

Такое я вижу впервые. Все поле, сколько можно различить в сумерках, усеяно мертвыми телами. Это тела врагов. Их так много, что кажется неправдоподобным. Они лежат на темной холодной земле совершенно голые. Лежат навзничь, лицами в небо, и в сумерках алебастровой белизной светятся их застывшие тела. Темнота скрывает их увечья, предсмертные судороги на лицах. Неужели это еще недавно были люди? Такие же, как мы... Ели, пили, разговаривали... Представляю себе тех, кто был рядом с ними, пока они жили, тех, кто бросил их трупы без погребения, кто снял с них одежды, не стыдясь воспользоваться жалким скарбом мертвецов. Нет, это не люди.

...Потом была Софиевка. Это село раскинулось вдоль оврагов на холмах и состояло из множества как бы хуторков. Мы расположились на юго-восточной его окраине. В стынувших осенних полях вырыли окопы. Ротный все погонял нас:

– Окапывайся, окапывайся, ребята! Завтра сами себе спасибо скажете.

И мы действительно потом себе спасибо говорили за это рытье. К утру мы не только окопы соорудили, но и натаскали из ближних стогов сена, уютно устелили наши земляные норы, так что потом даже жалко было уходить от них. Вскоре нас перевели на постой в один из домов ближайшей окраины Софиевки.

Это была обычная украинская хата под соломенной крышей, выбеленная мелом снаружи и изнутри, с земляным, смазанным глиной полом. Из маленьких сеней дверь вела в комнату, которая была и кухней, и служебным помещением. Здесь стояла печь, несколько деревянных лавок, на одной из которых выстроились чугуны, горшки, ведра с водой, прикрытые дощечками. Открытый дверной проем вел в другую комнату – «переднюю». Здесь помещалась деревянная кровать темного цвета, в правом переднем углу голый стол и две лавки под божницей. Из этой комнаты можно было залезать на теплую печку – на ней свободно умещались хозяйка, ее белобрысый Сашко, четырехлетний, запуганный, всегда голодный мальчонка, а я еще иногда какой-нибудь особенно

закоченевший боец, вернувшийся с НП (наблюдательного пункта. – *Ред.*). На лежанке, то есть на «припечке», постоянно отсыпались по одному, а то и по двое сменившихся с постов бойцов. Деревянную кровать отвели ротному, но у него постоянно появлялись какие-нибудь квартиранты, так что часто ему приходилось спать в ногах то у возвратившихся с НП, то с разведки боем. Остальные спали вповалку на полу. Выйти во двор среди ночи можно было только по спящим.

В соседних домах тоже расквартировались наши однополчане: справа полковая артиллерия, слева – стрелковый батальон капитана Кравченко. Жили мы здесь несколько недель и очень сдружились. Всеобщим любимцем у нас в роте был рядовой Мамочкин. Бывший уркаган, некрасивый. Он не расставался с гитарой и автоматом. Так и висели на его могучей фигуре: спереди автомат, за спиной гитара. Время от времени менялись местами. На гитаре он в особо лирические минуты наигрывал бесконечные вариации, а иногда, аккомпанируя себе, пел. Каких только песен мы не слышали! До сих пор помню:

*Что вы, черные очи, нахмурились?
Что ты, тройка, хранишь
у крыльца?*

Кроме того, Мамочкин был непревзойденным мастером стряпать еду из скудных наших запасов. Так, 20 декабря 1943 года рота решила справить мой день рождения. Мне исполнилось девятнадцать лет. Несколько дней никто не пил своих «наркомовских» 100 граммов. Копили на торжество. Вечером выложили на стол все, у кого что было, поставили бачок сэкономленной водки. Сварили чугуны картошки и нарезали в хозяйкину макитру (глиняный котелок. – *Ред.*), в нее же Мамочкин вывалил миску галушек,

смешал все это с разогретой свиной тушенкой. Получилось замечательное блюдо.

Пировала вся рота. Те, кто был на НП, получили свою долю, сменившись с постов. В этот вечер рассказывали были и небылицы, шутили. Мамочкин пел «Черные брови». Это было незабываемо.

Но не только хорошие минуты были у нас в Софиевке.

Шли позиционные бои и, конечно, не без потерь. Помню, однажды под вечер пошли мы в окопы. Нас было человек шестнадцать со старшиной. Задача: сменить наблюдателей. Ротный напутствовал: пощупайте его, ребятки, пусть огонек покажет. Это означало, что нужно завязать перестрелку, создать видимость атаки, чтобы противник, защищаясь, обнаружил свои огневые точки. Так мы и сделали. В результате двое из нашей группы погибли, а четверо отправились в медсанбат с ранениями.

Среди них был и самый молодой автоматчик, смуглолицый блондин Павлик. К передовой мы шли, крепко держась за руки, и вели оживленный разговор, свойственный нашему возрасту. Обратно Павлика несли на плащ-палатке. Он был ранен разрывной пулей в живот. Когда Павлика положили в сани, чтобы отвезти в медсанбат, он сказал, что вернется к нам. В тот же день он умер в медсанбате, и мы даже не смогли его похоронить.

Начались горячие дни подготовки к прорыву вражеской обороны в районе хутора Высокого. Всех тонкостей подготовки я не знаю. Помню, что сумка моя была набита перевязочным материалом, да еще вещмешок с пакетами хранился у старшины.

Нам выдали теплое обмундирование: ватные телогрейки с брюками и валенки. Утром 10 января 1944 года мы с ротным и группой автоматчиков пришли на командный пункт полка. Он находился

неподалеку от села на вершинах кургана. Там же были командир полка Петрин и его замполит. Стояли мы, переговаривались, и вот видим: летит наш самолет. Это был сигнал артподготовки. И сразу же заговорили пушки всех калибров и минометы. Поднялся такой грохот, как будто вокруг сразу стали извергаться несколько вулканов. В завершение артподготовки ударили по хутору «катюши». Там, где был хутор, встала стена огня, вздыбленной земли и дыма.

– Ну, пошли, – сказал Петрин.

И все, кто был на кургане, не таясь пошли в сторону противника. На КП (командном пункте. – *Ред.*) я была самая крайняя в траншее, а когда прозвучала команда «пошли», поневоле оказалась впереди всех. И только мы сошли на пологое поле перед курганом, как у ног моих упал снаряд. Меня бросило назад, я почти упала. Минутная остановка – ждем взрыва. Но его не последовало. Снаряд не взорвался, а на душе стало тревожно от предчувствия: сегодняшний день мне даром не пройдет. Идем дальше, противник молчит. Дошли уже до немецких блиндажей – никого нет. Видим: курган, и в нем добротнейший блиндаж. «Это будет мой КП», – объявил Петрин и приказывает дать связь. Мы входим в блиндаж, осматриваемся, а через две-три минуты начинается такой обстрел наших позиций, что выйти из блиндажа уже невозможно.

Делать нечего, приходится переждать вражеский огонь в его же блиндаже. Не знаю, как получилось, что я начала петь. Чуть утих гром пушек, мы поспешно выбираемся на волю. А здесь творится невообразимое. Все поле будто перепаханно. Снега как не бывало. Кругом черно, дым, а из ближайшей лесополосы идут на нас фашистские танки. Некоторые наши бойцы вскакивают и бегут назад.

– Стой! – кричит Петрин.
– Стой! – вторит ему замполит и стреляет вверх из пистолета. Выстрел потонул в грохоте орудия танка противника.

– Стойте, как не стыдно! – Это уже я кричу и размахиваю своим игрушечно-маленьким трофейным пистолетом. Я кричу и плачу от злости, оттого что никто меня не слушает, все бегут и увлекают меня за собой. Вот бегущие уже минуют свои окопы, из которых они сегодня утром пошли в атаку. Стрельба из танков все усиливается. Но вот я вижу, что несколько бойцов остановились, спрыгнули в окоп. Там, в окопе, замполит. Он без шапки, с пистолетом. Возле него образуются группа бойцов. Все больше бегущих остаются в траншее рядом с замполитом и лихорадочно стреляют по врагу.

Замполит машет мне руками, зовет к себе в эту спасительную траншею, уже полную наших бойцов.

– Беги сюда! – кричит он мне.

Послушная этому зову, бегу к траншее и вдруг чувствую – кто-то ударил меня оглоблей по ногам. Уже падая, оглядываюсь назад и вижу фонтан земли. Это взорвался вражеский снаряд. Не помню, как я оказалась в траншее рядом с замполитом. Ну, теперь буду жива. Траншея не только глубокая, но из нее еще и вход в блиндаж с надежным бревенчатым накатом. Спускаюсь вниз. Блиндаж довольно вместительный, с нарами в два яруса. На них сидят и лежат наши раненые. Начинаю перевязывать, сама чувствую, как в моем правом валенке течет влажная струйка. Но надо снимать валенок, а на меня с надеждой устремлены разноцветные, но с одинаковой мукой глаза раненых. Надо перевязывать. И я перевязываю и радуюсь, что сумка моя была направлена с верхом.

Когда я выбралась из блиндажа, день уже закончился. Быстро стемнело. Стрельба не прекращалась.

В траншее всего пять-шесть человек. Замполита нет. Неподалеку на поле кто-то копошился и стонал. Бегом туда. Это наш. У него перебита рука, он пытается как-то унять хлещущую кровь. Обрезаю рукав шинели кривым санинструкторским ножом. Под шинелью – ватник, он режется хуже. Я просто делаю в рукаве большую дыру, обнажая рану. Плохо видно в темноте, и я наугад кладу подушечку индивидуального пакета в то место, откуда бьет кровь. Потом бинтую рану прямо поверх рукава, для верности вдоль туловища кладу его винтовку, к ней прибинтовываю руку и все это – руку и винтовку бинтами привязываю к туловищу. Согнуться он не может, зато надежно. Добраться бы до блиндажа, а там сделаю перевязку заново. С трудом его поднимаю. С прибинтованной к телу винтовкой ему трудно встать на ноги. Уговариваю его. «Спасибо, сестрица. Век помнить буду, – сквозь охи и стоны говорит он, – теперь сам дойду, а ты посмотри, вон бугорок темнеет. Видно, наш. Все кричал санинструктора, а теперь затих».

Я плетусь туда, где чуть угадывается темный бугорок. Да, это наш боец. Он лежит лицом вниз, и по тому, как он лежит, догадываюсь, что помощь ему уже не нужна. Переворачиваю на спину, обнажаю грудь – ледяное тело, сердца не слышно. Не дождался санитар. Безразличие охватывает меня. Устала я безмерно. Нет сил двигаться. Так и лежу рядом с мертвецом... А над головой летят снаряды и пули. Одни из нашего тыла к немцам, другие от немцев к нам. Но падают они метров за триста от нашего блиндажа. Значит, мы на ничейной земле, вот почему у блиндажа не рвутся снаряды. Ну что ж, может, это и к лучшему. Лежу я на мерзлой земле, чувствую, что теряю силы, понимаю уже, что не оглоблей меня ударило, а осколком, что из раны все время течет кровь, но нет сил двигаться и сделать себе перевязку.

Лежу и начинаю забываться – не то во сне, не то в смертельной усталости. Изредка слышу стон. Кажется, это я... а может, рядом лежащий мертвый стонет? Да нет. Мертвые не стонут. Так кто же? Прислушиваюсь. Кажется, слышно справа. Да, справа. Смотрю в темноту до боли в глазах. Да, теперь уверена: справа кто-то стонет. Собираю последние силы, ползу вправо, натыкаясь на валенки. Это наш боец.

– Ну что ты, миленький? Сейчас перевязочку сделаем. Все будет хорошо. Где болит? Где тебя задело? – Я говорю это, еще не веря в то, что буду в состоянии не только перевязку сделать, но хотя бы вынуть бинт из сумки.

Оказывается, бойца перевязали. Его ранило еще утром, когда шли в наступление, обе ноги перебиты. Санитар перевязал его, повесил на ствол прошлогоднего подсолнуха кусок бинта – знак повозочным санитарам о том, что здесь ждет раненый, – и ушел вперед. А раненый, пока лежал и ждал санитаров, еще один осколок в бок получил и сейчас боится замерзнуть, пока его подберут. Перевязала я ему бок под полушубком и потащила волоком к блиндажу. А ведь думала, что сил нет даже рукой двинуть. Дотащила. В землянке стон. Которые в агонии просят пить, а воды нет ни капли. Даже снега нет, все вокруг вспахано взрывами.

Способные передвигаться уползают к нашим цепям. Я ложусь на освободившееся место у дверей на низких нарах, и сознание мое тает в столах и бреду раненых. В блиндаже остались только те, кто от ран и потери крови не может двигаться. Я пока не могу уйти. Кто же здесь останется с ними, беспомощными? Правда, от меня уже мало толку, но ведь я санинструктор. Легла рядом с ними. Что будет, то будет, знала, что за нами придут.

И за нами пришли. Была ночь, и всех нас вывезли на развальных медсанбат.

Сани, на которых я лежала, укрытая соломой, остановились во дворе перед каким-то домом. То ли клуб, то ли школа. Лежу жду своей очереди. Подходят к нашим саням санитары, берут моего соседа справа. Я так и не знала, кто это был. Третий сидел спереди. Он сам пошел в дом. Подошли ко мне с носилками, переговариваются:

– Берем этого мальчишку (про меня), а то замерзнет.

Я сразу узнаю по голосу: это Валька Кольцов, а второй не знаю кто, но думаю, что тоже из музыкантского взвода. Музыканты на время боев санитарями становятся.

– Это я, – говорю. – Здравствуй, Валя!

Он ко мне:

– Ленка? Неужели ты? А нам сказали, что тебя убило.

– Нет, – говорю, – еще не убило.

Они меня сразу на носилки и прямо в операционную на стол.

Подходит ко мне доктор и давай надо мной работать. А мне смешно стало, доктор-то этот кавказский человек с таким полненьким, нежным, румяным, как персик, личиком, с такими франтоватыми усиками, а главное, совсем не хирург, а санэпидемиолог. Интересно, как он справится с ролью хирурга? Я забрыкалась, уходи, мол, не твое это дело. Но он так ловко – раз – перевернул меня на живот, – чик! – и валенка нет на ноге, щелк-щелк ножницами, и нет на моей левой ноге ничегошеньки. «Ай-яй-я! Как не стыдно, дорогая! Почему рана не перевязана до сих пор? Не умеешь? Понятно. Лежи и молчи, резать буду. Ткани воспалены, новоканин не возьмет. Хочешь – кричи, хочешь – молчи – все равно резать буду».

И разрезал. Я даже пикнуть не успела. Потом очень быстро и ловко наложил мне гипс от ступни

до пояса. Потом поили меня чаем. И все время охали да ахали возле меня медсанбатские мои товарищи. А потом стали отправлять нас из медсанбата в госпиталь. Мне не хотелось уезжать, и девочки за меня просили, но врач был неумолим.

И вот везут нас в сани. Прямо посреди поля на железнодорожных путях стоит состав товарных вагонов, куда грузят раненых. Меня несет Валька Кольцов. Милый, скромный мой товарищ, с благодарностью вспоминаю его все годы с тех пор, как фронтовые дороги развели нас.

Положили меня на лучшее место, у печки, правда, не на нарах, а на полу. Рядом поставили вещмешок. Вот чудо! Он же у старшины в роте был. Кто-то успел привезти его к отправке. Кто же, кроме наших ребят! Не так мешок мне дорог с моим скудным солдатским скарбом, как забота товарищей.

Лежу греюсь у печки, еще положили несколько человек возле меня, задвинули вагонную дверь, и вскоре поезд двинулся. Едем, я начинаю согреваться, а то все дрожала. Лежу радуюсь теплу, а печка разгорается все жарче, даже бока железные краснеют. Гипс мой тоже от печки нагревается и начинает припекать. Хочу отодвинуться, но гипс сделал меня неподвижной, я не в состоянии даже повернуться на бок. Ерзаю на полу – и ни с места. Гипс мой уже так раскалился, что кажется, сейчас загорится и я начну поджариваться. Сперва я стонала, а потом кричать стала. Раненые всполошились. Стали мне ремни связанные кидать, чтобы от печки оттащить. А в вагоне темно, еле поймала конец за пряжку. Стали меня оттаскивать, да прямо на соседа. Он взмолился:

– Братцы! Живой я, куда же вы на меня валите!

Что тут будешь делать? В вагоне только лежачие, помочь некому. Так бы я и поджарилась у этой

печки бесчувственной (не зря «буржуйкой» зовут), да, на мое счастье, поезд остановился. Тут все начали стучать в стенки вагона, свистеть, нашу дверь снаружи открыли: «Что за шум такой?» В общем, объяснили, меня, конечно, тут же переложили от печки подалее. Прямо у дверей. И дверь опять закрыли. Поехали. Лежу блаженствую. Сквознячок в щель пробивается, быстренько мой гипс остудил. Остудил и начал замораживать. Чем больше скорость у поезда, тем холодней и пронзительней ветер меня обдувает, гипс в лед превращается.

Кричать бессмысленно. Замерзну – значит, такая судьба. Но оконечить окончательно я не успела. Останавливается поезд, и меня первую, как полено – кувырк в носилки. Носилки в автобус, и поехали в госпиталь.

Тут уж началась райская жизнь. Тепло, светло. Носятся с тобой. Даже специальная женская палата есть. Человек двадцать девушек в ней было с разными ранениями. Большинство – медички. Но были и связистки и даже одна девушка-снайпер. Обитательницы женской палаты хорошо меня встретили, и вскоре мы подружились. Но это потом. А пока я лежу на перевязочном столе, и с меня снимают гипс. Сняли, положили на живот, копаются у раны, переговариваются врачи:

– Четко выраженная гангрена.
– Ампутация?
– Сестра, ампутация.

Инструменты!

– Готовы.

– Наркоз?

– Через десять минут можно начать.

И тут до меня доходит смысл происходящего. Я похолодела: мне собираются отрезать ногу! Нет, ни за что! Резать не дам! Я кричу:

– Не прикасайтесь ко мне!

Меня начинают успокаивать, что это не так, я неправильно их поняла.

А что тут понимать? Слово «ампутация» санинструктору объяснять не надо. Газовая гангрена – тоже известно – не терпит промедления, и выход только один – ампутация.

Нет, лучше умереть.

– Не подходите ко мне! Даю подписку: на ампутацию не согласна!

Меня и правда не трогают. Вышли из перевязочной, оставили меня под присмотром санитар, но я кричу, слезы льются, санитар вытирает их марлей и пытается меня успокоить. Через какое-то время опять возле меня врачи. Смотрят, переговариваются, я изнемогаю от плача и тогда слышу:

– Попробуйте широкие разрезы и кислород в рану и внутримышечно.

– Товарищ боец (это мне), прекратите истерику.

И тишина. Ушли все, даже санитар. Лежу жду. Дождалась. Такой ад начался! Ну что разрежали голень полосками – это не горе, а когда стали толстой иглой в ногу ворочать во все стороны и накачивать в рану кислород, боль стала нестерпимой. Я молчала.

Главное – ногу оставили. Значит, еще повоюю. Напоили чаем, последний укол, забинтовали, сунули ногу в хитроумную проволочную шину, на носилки – и в палату.

И потекли госпитальные дни. Обходы, перевязки, ожидание перемены. Первые дни я все боялась уснуть и потерять контроль над собой, очень не хотелось выдавать себя. Усну и закричу от невыносимой боли, а врачи передумают и ногу все же отрежут... Нога толстая как бревно. Изловчусь и заглядываю под бинты, не продвигается ли линия гангрены к бедру. Но понять трудно.

Ежедневно возили меня в перевязочную, накачивали ногу кислородом. Однако разговоров об ампутации уже не слышно было. Больше месяца тревоги и страха прошло. Дела мои пошли на поправку.

СЛОВОМ И МЕЧОМ: ПОДВИГ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Представители Церкви сполна разделяли со своим народом все тяготы и ужасы войны

СЕРГЕЙ ВАРШАВЧИК

Духовенство Русской Православной Церкви с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (в миру Симанский) в день награждения медалями «За оборону Москвы» в 1944 году

В годы Великой Отечественной Русская Православная Церковь, несмотря на многолетние довоенные репрессии и подозрительное отношение к себе со стороны государства, словом и делом помогла своему народу, внеся весомый вклад в общее дело победы над грозным врагом.

Свою позицию Русская Православная Церковь четко обозначила с первого дня войны. 22 июня 1941 года ее глава, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился ко всем православным верующим страны с письменным посланием «К пастырям и пасомым Христовой

Православной Церкви», в котором заявил, что Церковь всегда разделяла судьбу своего народа. Так было и во времена Александра Невского, громившего псов-рыцарей, и во времена Дмитрия Донского, получившего благословение от игумена земли Русской Сергия Радонежского перед Куликовской

битвой. Не оставит Церковь своего народа и теперь, благословляя на предстоящий подвиг.

Владыка прозорливо подчеркнул, что «фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали», постигнет та же участь, что и других захватчиков, когда-то вторгавшихся в нашу страну. 26 июня 1941 года Сергей отслужил в Богоявленском соборе Москвы молебен «О даровании победы», и с этого дня во всех храмах страны почти до самого конца войны начали совершаться подобные молебствования.

Руководство страны не сразу оценило патриотический настрой Московского Патриархата. И это не удивительно. С начала революции 1917 года Православная Церковь в Советской России считалась чужеродным элементом и пережила немало тяжелейших моментов в своей истории. В гражданскую войну множество священнослужителей было расстреляно без суда и следствия, храмы разорены и разграблены. В 20-е годы истребление духовенства и мирян продолжалось, при этом, в отличие от предыдущих бесчинств, в СССР этот процесс проходил с помощью показательных судов. Церковное же имущество изымалось под предлогом помощи голодающим Поволжья.

В начале 30-х годов, когда началась коллективизация и раскулачивание крестьян, Церковь объявили единственной легальной контрреволюционной силой в стране. Был взорван кафедральный храм Христа Спасителя в Москве, по стране прокатилась волна уничтожения церквей и превращения их в склады и клубы под лозунгом «Борьба против религии – борьба за социализм». Была поставлена задача – в ходе «безбожной пятилетки» 1932–1937 годов уничтожить все храмы, церкви, костелы, синагоги, молельные дома, мечети и дацаны, охватив

антирелигиозной пропагандой всех жителей СССР, в первую очередь молодежь. Несмотря на то что были закрыты все монастыри и подавляющее большинство храмов, выполнить задачу до конца не удалось. Согласно переписи населения 1937 года верующими назвали себя две трети селян и треть горожан, то есть более половины советских граждан.

Но главное испытание было впереди. В 1937–1938 годах в ходе «большого террора» был репрессирован или расстрелян каждый второй священнослужитель, включая митрополита Петра (Полянского), на которого после смерти патриарха Тихона в 1925 году были возложены обязанности Патриаршего Местоблюстителя. К началу войны в Русской Православной Церкви было всего лишь несколько епископов и менее тысячи храмов, не считая тех, которые действовали на присоединенных в 1939–1940 годах к СССР территориях западных Украины и Белоруссии и стран Прибалтики. Сам митрополит Сергей, ставший Патриаршим Местоблюстителем, и остающиеся на свободе архиереи жили в постоянном ожидании ареста.

Характерно, что послание митрополита Сергея от 22 июня власть разрешила огласить в храмах только 6 июля 1941 года. Спустя три дня после того, как молчавший почти две недели глава государства Иосиф Сталин обратился по радио к согражданам со знаменитым обращением «Братья и сестры!», в котором признал, что Красная армия понесла тяжелые потери и отступает. Одна из заключительных фраз сталинского выступления «Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной армии, нашего славного Красного флота! Все силы народа – на разгром врага!» стала охранительной грамотой для Русской Православной Церкви, которая ранее рассматривалась органами НКВД чуть ли не как пятая колонна.

Война, которую Сталин назвал Великой Отечественной, разворачивалась совсем не по тому сценарию, что предполагали в Москве. Германские войска стремительно наступали по всем направлениям, захватывая крупные города и важнейшие области, такие как Донбасс с его углем. Осенью 1941-го вермахт начал продвижение к столице СССР. Шла речь о самом существовании страны, и в этих тяжелейших условиях водораздел пролегал между теми, кто поднялся на борьбу с грозным врагом, и теми, кто трусливо уклонялся от этого.

Русская Православная Церковь оказалась в рядах первых. Достаточно сказать, что за годы войны митрополит Сергей обращался к православному народу с патриотическими посланиями 24 раза. Не остались в стороне и другие иерархи Русской Церкви. В начале войны в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Калинина поступила телеграмма от архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), в котором священнослужитель, находящийся в ссылке в Красноярском крае, сообщал, что являясь специалистом по гнойной хирургии, «готов оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено». Заканчивалась телеграмма просьбой прервать его ссылку и направить в госпиталь, при этом после войны архиерей выражал готовность вернуться обратно в изгнание.

Его прошение было удовлетворено, и с октября 1941 года 64-летний профессор Валентин Войно-Ясенецкий был назначен главным хирургом местного эвакуационного госпиталя и стал консультантом всех красноярских больниц.

Любовь к Родине и ее защита от врагов всегда была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта и на поддержку раненых

Святейший Патриарх Сергей (Страгородский)

бойцов. Они несли не только деньги и облигации, но и драгоценные металлы, обувь, полотенца, полотно, заготавливалось и сдавалось немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Так внешне

материально выразилось отношение верующих к переживаемым событиям, ибо нет православной семьи, члены которой прямо или косвенно не приняли бы участие в защите Родины.

Всего же за годы войны в фонд обороны страны верующими было направлено 300 миллионов рублей. На эти деньги были построены и переданы в действующую армию 40 Т-34 танковой колонны «Дмитрий Донской», а также истребительная эскадрилья «Александр Невский». Если учесть, что к началу Великой Отечественной Православная Церковь в СССР была почти разгромлена, это можно назвать поистине чудом.

Невиданная в истории человечества по своему размаху и жесточечности война властно требовала и ратного участия. В отличие от Первой мировой, когда в рядах русской армии священники официально не допускались до боевых действий, в 1941–1945 годах многие клирики воевали обычными бойцами и командирами.

Иеромонах Пимен (Извеков), будущий Патриарх, был заместителем командира стрелковой роты. Диакон Костромского кафедрального собора Борис Васильев, после войны ставший протоиереем, воевал командиром взвода разведки и дослужился до заместителя командира полковой разведки.

Немало будущих священнослужителей во время Великой Отечественной были в самом пекле войны. Так, архимандрит Алипий (Воронов) в 1942–1945 годах участвовал во многих боевых операциях в качестве стрелка в составе 4-й танковой армии и закончил свой ратный путь в Берлине. Митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) был награжден медалью «За боевые заслуги» – за то, что, несмотря на тяжелое ранение, не бросил во время боя свой пулемет.

Воевали священники и по ту сторону фронта, в тылу врага. Как, например, протоиерей Александр Романушко, настоятель церкви села Мало-Плотницкое Логишинского района Пинской области, который

вместе с двумя сыновьями в составе партизанского отряда не раз участвовал в боевых операциях, ходил в разведку и был по праву награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Представители Церкви сполна разделяли со своим народом все тяготы и ужасы войны. Так, будущий Патриарх, митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), который оставался в городе на Неве весь страшный период блокады, проповедовал, ободрял, утешал верующих, причащал и служил зачастую один, без диакона.

Владыка неоднократно обращался к пастве с патриотическими воззваниями, первым из которых стало его обращение 26 июня 1941 года. В нем он призвал ленинградцев выступить с оружием на защиту своей страны, подчеркнув, что «Церковь благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества». После прорыва блокады города глава Ленинградской епархии вместе с группой православных священнослужителей был отмечен боевой наградой – медалью «За оборону Ленинграда».

К 1943 году отношение руководства СССР в лице Сталина осознало, что народ воюет не за всемирную революцию и Коммунистическую партию, а за своих родных и близких, за Родину. Что война действительно Отечественная. В итоге был ликвидирован институт военных комиссаров и распущен Третий интернационал, в армии и на флоте ввели погоны, были разрешены к употреблению обращения «офицеры», «солдаты». Изменилось отношение и к Русской Православной Церкви.

«Союз воинствующих безбожников» фактически прекратил свое существование, а 4 сентября 1943 года Сталин встретился с руководством Московской патриархии. В ходе

Патриарх Московский и всея Руси Алексей I

почти двухчасовой беседы митрополит Сергей поднял вопрос о необходимости увеличения числа приходов и об освобождении священников и архиереев из ссылок, лагерей и тюрем, о предоставлении беспрепятственного совершения богослужений и об открытии духовных заведений.

Важнейшим итогом встречи стало появление у Русской Православной Церкви Патриарха – впервые

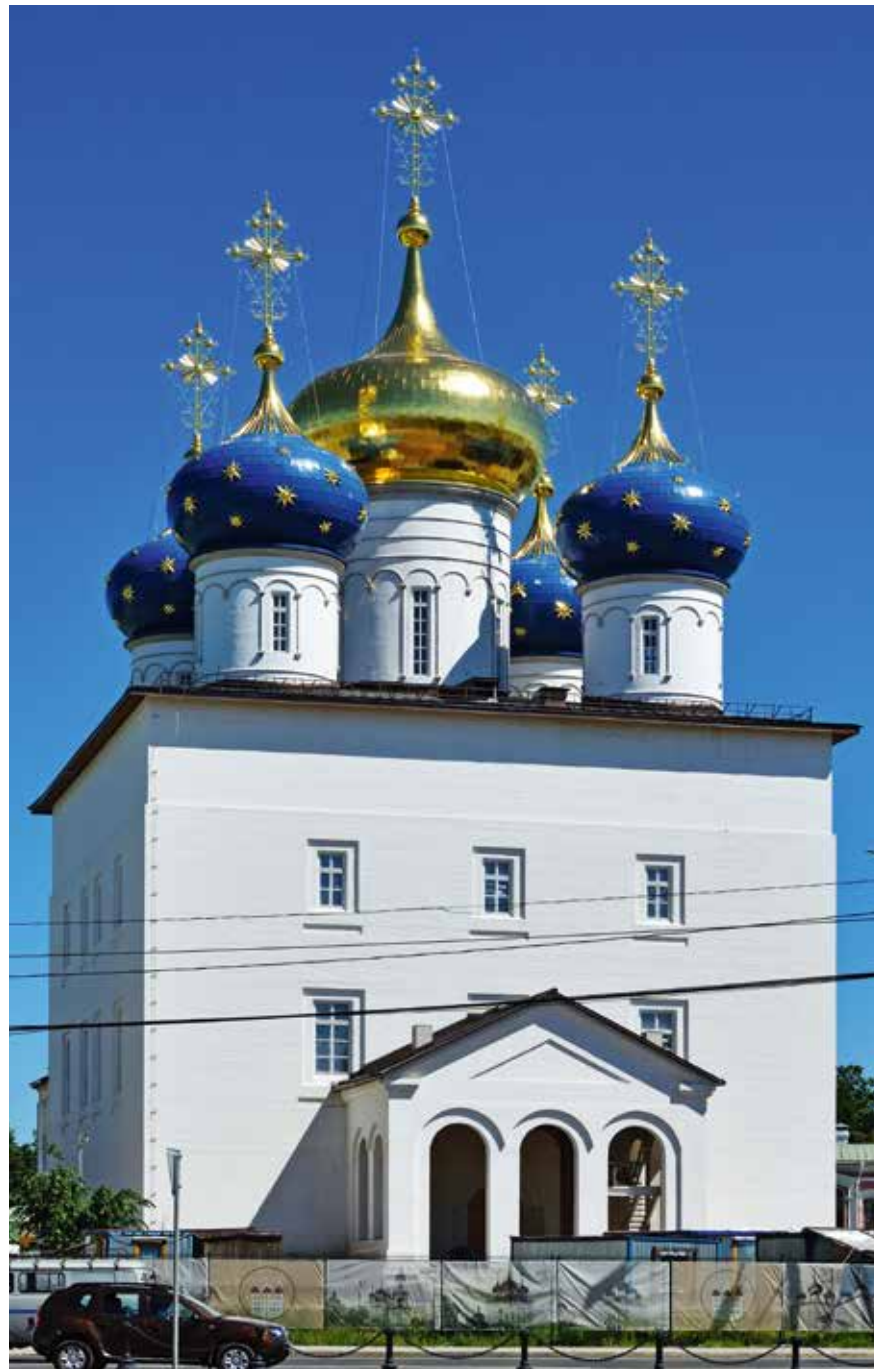
с 1925 года. Решением Архиерейского собора РПЦ, проходившего 8 сентября 1943 года в Москве, Патриархом единогласно был избран митрополит Сергей (Страгородский).

После его безвременной смерти в мае 1944 года новым главой Церкви 2 февраля 1945 года стал митрополит Алексей (Симанский), при котором клир и верующие встретили Победу в войне.

БОГ ПРОСТИЛ И ПОМОГ

В годы Великой Отечественной войны на помощь народу и разведке пришла Православная Церковь

НИКОЛАЙ ДОЛГОПОЛОВ

Спасо-Преображенский собор в Твери, XII век

Иван Иванович Михеев по виду был типичным русским батюшкой с большой окладистой бородой. Ему бы крест вместо галстука и, пожалуйста, – на службу в храм Божий. Первыми коротко рассказали о Михееве (оперативный псевдоним «Михась») столпы внешней разведки Зоя Воскресенская-Рыбкина и ее начальник Павел Судоплатов в своих книгах. А мой подробный рассказ долго лежал под замком. В 2016-м Михеев, родившийся в 1919 году, скончался. Еще через пару лет раздался звонок: «Можно публиковать. Но остановитесь на 1946-м».

Неслучайно, что задумала операцию именно Зоя Ивановна Рыбкина. Своеобразный мозг внешней разведки, она одной из первых поняла, что против оккупировавших значительную часть страны немцев надо действовать нестандартно. Уж очень силен у гитлеровцев аппарат подавления. К тому же, давайте признаем, не ждали на Лубянке и в Кремле, что служить врагам пойдет столько своих – вернее прикидывавшихся своими.

Требовалось придумать и испробовать нечто новое, для фашистских спецслужб неожиданное. И когда по обычным для разведки каналам до Рыбкиной довели информацию, что епископ Василий, по паспорту Василий Михайлович Ратмиров, 1887 года рождения, обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт, у Зои Васильевны созрел план, сначала несколько расплывчатый, а затем воплотившийся в довольно стройную, одновременно рискованную,

однако исключительно правдоподобную легенду.

Не собираюсь подробно разбирать отношения государства и церкви, сложившиеся в довоенную эпоху. Воспитывалось безбожие, священнослужителей преследовали, церкви закрывались, разрушались, превращались в склады и казармы. Казалось бы, понятно, как должны относиться служители культа к властям. А тут патриотический порыв церковника в почетном сане Ратмирова, которому уже шестьдесят, желавшего послужить Отечеству на фронте и защитить от фашистских супостатов православие. А не сможет ли церковь послужить прикрытием для разведчиков?

И епископ был тотчас приглашен на встречу. Но не на Лубянку, там обстановка беседовать на церковные темы совсем не располагала, а на квартиру Зои Ивановны. И когда опытный чекист поняла, что патриотизм у Ратмирова искренний, «спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он “прикроет” их своим саном».

Епископ задумался. Подобной просьбы или предложения он не ждал. Расспрашивал о задачах разведчиков. Высказал требование: Божий храм ни в коем случае не должен быть осквернен кровопролитием. И Рыбкина, не моргнув глазом, заверила, что у разведывательной группы другие задачи: выяснение намерений фашистов, наблюдение за передвижением их частей, выявление немецких шпионов. Рыбкина лукавила. Или, скажем по-другому, первоначальные цели разведывательной группы были иные. Город Калинин, ныне Тверь, во время встречи Зои Васильевны и Ратмирова еще оборонялся Красной армией. Но удастся ли его удержать? В этом чекисты не были уверены. По их осторожным предположениям, немцы могли его взять,

устроив в Калинин важный и последний перед взятием Москвы форпост, куда могли бы прибывать из Рейха фашистские главари в ожидании парада у кремлевских стен. Некоторые данные разведки подтверждали это предположение Рыбкиной и Судоплатова. И разведгруппе отводилась в этом критическом случае роль совсем иная, далекая от чисто наблюдательной. Террор – вот что должно было ожидать Гитлера, Геринга, Гиммлера и прочую нечисть, которая могла бы прибыть в Калинин накануне взятия Москвы.

Однако события развернулись по другому, тоже предусмотренному Рыбкиной и Судоплатовым сценарию. Остановит Красная армия наступление вермахта, и тогда разведчикам предстояло вести наблюдение за немецкими войсками. Проникать во враждебное окружение, завязывать связи, выявлять агентов и шпионов, добывать любую информацию, полезную для Москвы. Для этого в город отдельно от троих мужчин в церковном обличье, проникнет женщина-радистка.

Согласие епископа на сотрудничество было получено.

22-летний Иван Михеев, включенный в эту операцию под псевдонимом «Михась» вовсе не был «выпускником авиационного училища, являясь с начала войны сержантом госбезопасности истребительного батальона войск НКВД», как пишет Рыбкина. Действительно за несколько лет до войны он поступил в Ейское Военно-морское авиационное училище, но сталинским соколом стать было не суждено.

В 1939 году его, как и сотни комсомольцев, ждала другая профессия. Старые чекистские кадры были выбиты чистками, Наркомату внутренних дел требовались молодые надежные ребята, к числу которых и отнесли Ваню Михеева. Он проявил способности, и в 1940-м его перевели уже в более престижную внешнюю разведку. Яростно учил

английский. Собирались в конце 1941-го отправить Ивана в Иран или Афганистан, где он должен был работать под легальной крышей. Но грянуло. И Михеева определили на время в истребительный батальон НКВД, где он без видимой пользы отслужил несколько недель. Думал, о нем забыли. Полтора года проработал в НКВД, идет война и никакого к нему интереса: проверяет, как налажена ночная охрана, патрулирует улицы, в надежде поймать немецких парашютистов или тех, кто наводит самолеты с крестами на военные объекты. Поэтому первый в жизни вызов к высокому руководству на Лубянку – сразу к начальнику управления по работе в тылу врага – и обрадовал, и удивил, и насторожил.

Рыбкина и Судоплатов решали, кого из кандидатов взять в группу, которая должна работать в тылу у немцев под «церковным прикрытием». Выбрали Михеева. Наутро познакомили с командиром разведывательно-диверсионной группы, капитаном внешней разведки, будущим резидентом Василием Михайловичем Ивановым. Тот тоже был не в курсе предстоящего. Но им быстро разъяснили: в тылу у немцев вы, иподиаконы, будете помогать настоящему епископу вести церковные службы. Ну и, конечно, разведку. «Может, архиереями станете», – рассмеялся Павел Анатольевич, не предполагая, что вещей шуткой определит судьбу Михеева на долгие-долгие годы.

Возникла масса сложностей. Иванов с Михеевым были далеки от церкви настолько, насколько только можно быть. Как себя вести в церкви? Как молиться? А они ни единой молитвы не знали. Ладно, если есть еще шанс как-то обмануть немцев (далеки они от России с ее православием), но своих, русских, настоящих верующих не проведешь. Значит, малейший промах – и конец легенде? Донесут, допросят...

И уничтожат вместе с епископом, о котором говорил Судоплатов. Сомнения решительно рассеяла Рыбкина. Понятно, что времени почти нет. Но вас обязательно всему научат. За это возьмется сам епископ.

И тут же на горизонте появился Василий Ратмиров. Он по отдельности побеседовал с Михеевым и Ивановым. Отношения с ним у Михеева, да и у капитана Иванова сложились сразу. И между двумя разведчиками – тоже. Сблизила опасность, предстоящее общее дело. Старшим был безоговорочно признан Иванов. Об этом информировали Ратмирова.

Каждый день на квартире у Зои Ивановны владыка Василий обучал своих помощников – членов разведгруппы – всему тому, что было необходимо знать для участия в архиерейских службах, и другим церковным премудростям. И только церковное облачение примеряли в кабинете у Судоплатова. Занимались часами, иногда до изнеможения. Рыбкина все время торопила: мало, мало времени.

Несмотря на близость фронта, московские храмы не закрывались. Наведывались в разные церкви, налагая на себя знамение. Ратмиров показывал, как правильно ставить и зажигать свечи, подходить под благословение не только к нему, но и к другим священникам. Особенно непросто было научиться помогать вести службу. Разведчикам, они об этом говорили только между собой, чудилось, что верующие порой смотрят на них как-то косо. Неужели догадывались? Ратмиров это понял. И однажды «невзначай» пояснил, что все начинающие, даже паства, впервые приходящая в храм, чувствует себя неловко. Ничего, со временем пройдет. Иванов и Михеев, по оценке строгого пастыря, за месяц многое освоили. Насколько правдоподобно, предстояло выяснить уже в Калинин, куда решением главы

Русской Православной Церкви Василий Михайлович Ратмиров был назначен епископом Калининским и Кашинским.

Шел август. Надо было срочно перебираться в Калинин, чтобы верующие поняли, что назначенный еще при советской власти епископ не бросает их в час испытаний. А немцы бы оценили, что священнослужители в отличие от значительной части горожан не ушли вместе с покидающей Калинин Красной армией, – их выбор оставаться здесь осознанный.

Обстановка на фронте складывалась неблагоприятная. И чтобы ни писали «Правда» с «Красной звездой», на Лубянке сложилось понимание неизбежности сдачи города. Разведывательно-диверсионную резидентуру туда завезли в последний момент. Чуть не разминувшись с митрополитом Николаем (Ярушевичем), успевшим объявить верующим, что к ним назначен архипастырь, которого он просит любить и жаловать. Николай уже выходил из храма, когда только прибывший епископ Василий с ним облобызался, а Михеев с Ивановым поспешно подошли под благословение. Митрополит Николай быстро умчался в Москву, а 12 октября Калинин оставили все части Красной армии.

В городе на два-три дня наступило безвластие. Начались повальные грабежи магазинов, государственных зданий, частных домов. Били стекла, тащили все с оставленных складов, из учреждений и лавок в основном те, кто ждал прихода немцев, надеялся прожить и под ними. Только церковь не тронули.

Василий Ратмиров вместе с Ивановым (оперативный псевдоним «Васько») и Михеевым («Михась») успели провести церковные службы и при Советах, и при безвластии. Верующие приходили. Чувствовалось, что владыка Василий пришелся им по душе.

Васько, руководитель группы, встретился с радисткой, которую успели-таки подобрать. Бывшей служащей московского Центрального телеграфа Любви Алексеевне Бажановой – псевдоним «Марта» – исполнилось 23 года. Прошла коротенькую подготовку. Ей быстро объяснили то, что должна была знать любая верующая. И радистка, и прихожанка из нее получались неплохие. Но хотя еще до Калинина чекисты знали, что к молодым женщинам немцы пристают, насилуют, угоняют в Германию, действительность оказалась еще хуже представлявшегося в Москве. Не давали солдатня, полиция, вся нечисть никакого прохода женщинам. И по подсказке Васьки Марте пришлось изображать старуху, мазаться углем, золой, покрывать голову старческим грязным платком. А вот встречаться с разведчиками ей оказалось на первых порах неожиданно просто. Она не пропускала богослужений, прослыла верной сторонницей владыки Василия и, приходя в церковь, получала от Васько текст радиogramм. Немцы Марту пока не трогали.

Пока была рация, моментально передавали шифровки через Бажанову. Увы, дом, в котором она снимала угол, был позже разбит при авианалете. Рация осталась под обломками. Это затруднило работу. Корили себя и начальство. Ну как можно было отправляться на неизвестно сколь долгое оседание с одной радиостанцией. Пришлось на время у себя дома устроить тайник. Хранили в нем добытые сведения, записанные условным, им одним понятным кодом.

Разбомбили и церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровском, где прошли первые богослужения. Епископ, его помощники и за ними паства облюбовали городской собор.

О владыке пошла среди верующих лестная слава. Заботлив,

со всеми доброжелателен, очень доступен. И совет даст, и ласковым словом ободрит. Верующие в надеждах не обманулись. И к двум иподиаконам отношение сложилось доброе. Молодые, подтянутые, может, не слишком и разговорчивые, они являли пример строгости и скромного послушания. Было в них еще одно притягивающее: мужчин такого возраста в городе почти не оставалось. В собор потянулись и девушки.

У младшего иподиакона обнаружилось нездоровье. Однажды прямо во время службы, уже при оккупации, случился у него припадок. Вдруг начал задыхаться, упал, изо рта пошла пена. Хорошо, что не растерялась какая-то женщина. Подбежала, испугавшись, что язык завалится и служба задохнется. Измерила давление: пульс 120! Типичный эпилептический припадок. Его умело имитировал Михась. А как иначе было дать понять пастве, а заодно и немцам, почему здорового с виду парня не призвали в армию? И, предупредив владыку и напарника, разыграл целое представление. А пульс довел до высокого невероятным усилием воли.

В эпилепсию поверила и та самая первая подбежавшая к нему прихожанка. Что оказалось исключительно важно. Православная немка Елена Рудольфовна Линде работала помощником бургомистра Калинина. Давно жила в городе, где трудилась врачом. Знала в Калинин, если не всех, то многих. Михеев в своих записках утверждал: «По нашим сведениям, гестаповка по профессиональной принадлежности». Часто бывала на богослужениях. Тут, не исключая, и вера. И наверняка приглядывалась к владыке Василию. По подсказке чекистов, он посвятил усердную прихожанку в историю собственной жизни. Главное, на что клянула Линде, легенда о заключении непокорного священника в лагерях под Сыктывкарком в начале

1930-х. Это, по мнению осведомительницы, зачисляло епископа Василия в стан врагов Советов, открывало дорогу немцам к его вербовке.

Существовал определенный риск, что немецкая Служба безопасности может проверить факт отсидки, которой и близко не было, о чем знали многие высокие церковные сановники, некоторые из них переметнулись на сторону фашистов.

Однако Бог помог и на этот раз. Положение на фронте было нестабильным. Забот у немцев хватало, поверили на слово.

Разведывательная группа попала в тяжелые условия. Храмы подвергались бомбежке. Жить было негде. Голодали и не выжили бы, если б не благодарная паства, приносившая, пусть по крохам, скудное пропитание служителям Божиим.

Решили идти к бургомистру, обратившись к нему через Елену Линде. Она, имевшая собственные планы на использование владыки, охотно согласилась устроить встречу. Решили, что епископа Василия будет сопровождать Михась, признанный эпилептиком. Васько, пышущего здоровьем, оставляли в тени. К чему лишние вопросы о призыве в армию, да могли и отправить здорового парня на принудительные работы в Германию. И с тех пор на все встречи с чужими Ратмирова сопровождал Михась.

Беседа с бургомистром, бывшим полковником царской армии в офицерском кителе без погон, была короткой. Линде представила владыку как борца с Советами, просила помочь. Бургомистр согласился выделить продовольствие, помочь с ремонтом храма. Подкинул им бывший полковник еды: кормили епископа и двух его помощников только хлебом. Зато благодаря энергии Ратмирова и его спутников удалось оборудовать городской собор для богослужений. Разведчики топились. Требовалось полностью легализоваться, добывать сведения:

надо было общаться с паствой, привлекать еще больше прихожан, завоевывать их доверие, заводить конфиденциальные беседы.

Это удавалось. Выясняли, кто остался верным патриотом, а кто добровольно работает на фашистские спецслужбы. Очерчен круг лиц, сотрудничавших с немцами втихую. Эти были особо опасны. Маячила надежда, что наши отобьют Калинин, и фашисты, конечно, готовили приобретенную агентуру на оседание. Разведчики добыли информацию о штабах немцев, расположенных в Калинин, о численности местного гарнизона. Узнали, что хранится на военных складах. С тревогой заметили: из своего тыла фашисты перебрасывают в Калинин пополнения.

Чутко следили за настроением в городе. Признаться, оно часто менялось в зависимости от побед и поражений Красной армии. Откуда только узнавали жители о положении на фронтах. Отобраны были все радиоприемники, но сарафанное радио работало и, удивительно, пусть с определенными перекосами то в ту, то в другую сторону, однако бесперебойно и относительно безошибочно. На непрерывные вопросы горожан, что же будет, владыка отвечал осторожно: все во власти Божьей, как соизволит Господь. Однако напоминал и постоянно, что Родина у нас всех одна.

Как-то утром владыка увидел возле собора сооруженное немцами прямо на земле подобие звонницы. Откуда только набрали столько колоколов. Офицер на ломаном русском приказал всем молчать, а звонари, неизвестно откуда взявшиеся, ударили в колокола. Рядом в специальной машине шла запись искусственного торжества. Потом звонницу мгновенно разобрали, колокола убыли в неизвестном направлении. Немцы, довольные тем, что колокольный звон удалось записать без помех, объяснили:

готовится парад в честь предстоящего взятия Москвы. Эта сделанная заранее запись будет имитировать приветственный звон колоколов Кремля. Васько не сдержался, сплюнул. Михась покачал головой: не верил, что сдадут Москву.

Начали замечать: некоторые твечи «раскусили» владыку Василия. Записали его и двух молодых в предатели. Раз даже немцы посоветовали им остерегаться партизан и подпольщиков. Это было, с одной стороны, хорошо, прибавляло уверенности, помогало добывать новые сведения. Но ведь могли ни за что прихлопнуть и свои. Пока же за разработку епископа взялась Елена Линде. Предложила ему познакомиться с важным представителем новой немецкой власти. И на встречу с ним прийти без провожатого. Василий Михайлович, не раздумывая, рассказал о разговоре Васько и Михасю. Решили, что владыке лучше пойти одному.

Утром Линде, показав пропуск, беспрепятственно провела Ратмирова в дом, где располагалось гестапо. По тому, как уверенно проходила Елена Рудольфовна через все кордоны, с каким почтением ее приветствовали, владыка быстро понял, что здесь секретарь бургомистра была своей. Начальник гестапо, относительно молодой оберштурмбанфюрер повел разговор в присутствии Линде, выступавшей безукоризненной переводчицей. Поблагодарил епископа за помощь, выразил надежду, что божьи проповеди во славу немецкого оружия привлекут на сторону фюрера еще больше прихожан. И попросил сообщать ему или фрау Линде о всех, кто покажется ему неблагонадежным. А еще выяснить, правда ли, что где-то в самом городе или неподалеку от него большевики оборудовали тайные склады. Не слышал ли он такого от прихожан? Это уже явная вербовка.

Заодно оберштурмбанфюрер попросил Ратмирова тут же,

в кабинете, поподробнее написать о лагере в Коми, где сидел священник. И владыка повел степенную речь о пастве, ради которой он готов отдать все, о сложностях военного времени, о постоянном недоедании. Василий Михайлович умело тянул время. Но в душе сразу же приуныл. В лагерях он никогда не был. И не ожидал, что Линде сообщит об этой выдумке, предназначенной лишь для ушей бургомистра, в гестапо. И что прикажите писать о неведомом Сыктывкаре?

Тут неожиданно зазвонил телефон. Неприятный, понятно по его виду и раздраженному тону гестаповца разговор затянулся. Беседа с владыкой была скомкана. Ратмирову предложили поддерживать все связи через секретаря бургомистра. Владыка поспешно кивнул головой и с достоинством удалился. Немцу стало явно не до него. Что-то произошло. А что, Ратмирову узнать было не дано. Возможно, это что-то и спасло его и группу от провала.

Епископ подробно обсудил случившееся с двумя разведчиками. Решили, во что бы то ни стало держаться подальше от гестаповца. На встречи с бургомистром ходить только вдвоем с Михасем. Определлась и роль секретаря бургомистра. Это она, а не престарелый белый офицер фактически правила городом. И ко всем указаниям, отдаваемым Еленой Линде, относились с удвоенной осторожностью, хотя принимали их с внешней готовностью. Так, она пристроила в храм еще одного священника. Проверили, и он оказался немецким агентом. Рекомендовала присмотреться и поближе сойтись с группой прихожан – молчаливых, малоприметных. Потом Михась и Васько выяснили, чем такие безликие приглашались немцам. В случае чего эти обученные абвером агенты должны были остаться в городе, как когда-то осела в Калинин сама Линде.

Пока же Иванов и Михеев помогли Василию Михайловичу написать «воспоминания» о Коми. И хотя оба там никогда не были, о лагерях были наслышаны от сослуживцев. Ратмиров отнес бумагу в гестапо. Оберштурмбанфюрер куда-то торопился. Договорились встретиться позднее.

Епископ негодовал. Никогда он не будет предателем. В этом не сомневались и два иподиакона. Но как отвести беду от владыки? И Михась, как теперь он делал всегда в момент испытаний, обратился к молитве: «Услышь нас, Господи. Пронеси чашу страдания мимо нас». И Господь услышал. Один из доверенных бургомистра тихонько сообщил владыке, что немцы уходят. Гестаповец уехал одним из первых. На восточной окраине города началась стрельба, фронт снова приближался.

Что тут было делать разведгруппе? Еще до заброски, в Москве, получили приказ: уходить с немцами, обосноваться с ними в крупном городе, проводить богослужения. И начинать разведывательную работу. Михась побежал в управу. Там пахло горелым. Это жег свои бумаги бургомистр. Просьба Михася предоставить транспорт для отъезда повисла в воздухе. Похоже и бургомистра немцы бросили, не на чем было ему драпать. Обещал помочь, но только завтра.

А назавтра в город вошли наши. И Михась, вышедший на улицу, сразу почувствовал на себе презрительные взгляды. Вроде и не предатель, а с немцами сотрудничал. Знакомые отводили взгляды, дружно сторонились. Когда решил прогуляться по улице радостный владыка, его тотчас задержал неизвестно откуда взявшийся милиционер. Тому кто-то из горожан быстро шепнула, что немецкий поп-прислужник свободно разгуливает по освобожденному Калинин. Василия Михайловича доставили в Управление НКВД, сообщили дежурному, а тот

доложил замначальника Управления. За владыкой поспешили в Управление и узнавшие о задержании Михась и Васько.

К счастью, заместитель начальника НКВД знал о миссии Ратмирова. В Москве беспокоились: разведгруппа перестали выходить на связь. Провалена и погибла? При появлении всей троицы, вскоре к ним присоединилась и Марта, наступила всеобщая радость. Разведгруппа сработала отлично. Все шифровки были Москвой получены и использованы. А тут Васько и Михась передали своим состав двух выявленных немецких резидентур. Составили список тридцати осевших в Калинин и поблизости от него, указав их адреса. Немцы еще надеялись вернуться: оставили склады оружия. Об их расположении разведчики доложили точно.

Два тяжелейших месяца в оккупации тянулись бесконечно. И когда Калинин освободили, Михеев подумал: работа под церковным прикрытием навсегда завершена. И буквально тут же какой-то мужчина заглянул к ним домой поздним вечером, аккуратно постучав в окошко. Продолжала действовать конспирация. Раскрывать группу не собирались. Могла принести пользу. Неизвестный приказал Васько готовиться к отъезду. Сначала руководителя резидентуры вызывали в Москву на доклад, а там видно будет. И Иванов без сожаления уехал. Потом Михеев узнает: убедил начальство, что ему лучше не возвращаться.

А Михасю предстояло вместе с Ратмировым работать и работать. На обращение владыки отремонтировать церковь, городские власти ответили отказом. Это снова затевалась оперативная игра. В Центре не исключали, что Калинин перейдет в руки оккупантов. И представителям Советской власти было приказано, вернее, подказано, продемонстрировать недоверие к епископу, которое, впрочем,

вскоре было сменено на милость. Собор подремонтировали и открыли. Владыка Василий возобновил богослужения.

Ратмиров, Михеев и Бажанова побывали в Москве. Михась и радистка отчитались перед Судоплатовым и его помощником Маклярским. Жаль, но с Рыбкиной не увиделись. Она уже работала где-то в Скандинавии. Работу группы признали успешной. В Кремле Всесоюзный староста дедушка Михаил Иванович Калинин наградил Иванова, Михеева и Бажанову орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны».

Михеев в качестве представителя Калининской епархии вместе с архиепископом Василием присутствовал при историческом событии: выборах Патриарха Русской Православной Церкви. Огромная честь для молодого священнослужителя. Патриархом избрали Сергия Страгородского.

Уже в качестве иеромонаха Михеев стал секретарем Ратмирова, назначенного архиепископом Минским и Белорусским. Но до освобождения белорусской столицы было еще далеко. Чтобы не терять времени, Ратмирова, получившего еще и титул архиепископа Калининского и Смоленского, направили в Смоленск. Рядом с Ратмировым постоянно находился Михеев. Вскоре начались богослужения. Архиепископ Василий молился о победе русского оружия, об укреплении православия. Политику оставлял в стороне, что нравилось прихожанам.

А иеромонах, помимо церковных служб, пытался выполнить непростое задание разведки. В период оккупации в этих краях немцы создали при помощи «Абвера» школу священнослужителей. Операция немецкой военной разведки была хорошо засекречена. Никаких документов, только неясные показания наиболее осведомленных прихожан – будто под видом церковников

на освобожденной советской территории оставлены обученные в спецшколе агенты. Без помощи архиепископа Михееву найти следы этой агентуры было не под силу. Сведения собирали по капле. Верующие о школе слышали, однако смутно. И все же удалось Михасю выйти на некоего Паисия, игумена женского монастыря, что в Смоленской области. Выяснилось, что посещали Паисия курсанты школы. Именно этот человек был оставлен немцами при отходе. Потом он и сам признался: да, закончил разведшколу под прикрытием богословских курсов, оставлен под Смоленском резидентом. Вот таким образом проходила своеобразная «церковная» борьба разведок.

Свой – чужой? Везде только свой! Благодаря упорству, способностям, умению ладить с разными людьми и чутко улавливать происходящие изменения Михеев познакомился со многими столпами Русской Православной Церкви. К нему хорошо относился будущий патриарх Алексий I. А глядя на него, и другие священнослужители признали высокого молодого бородача своим.

А что происходило с ним в жизни светской? Как складывалась судьба? Он нашел себе спутницу – надежного и понимающего друга.

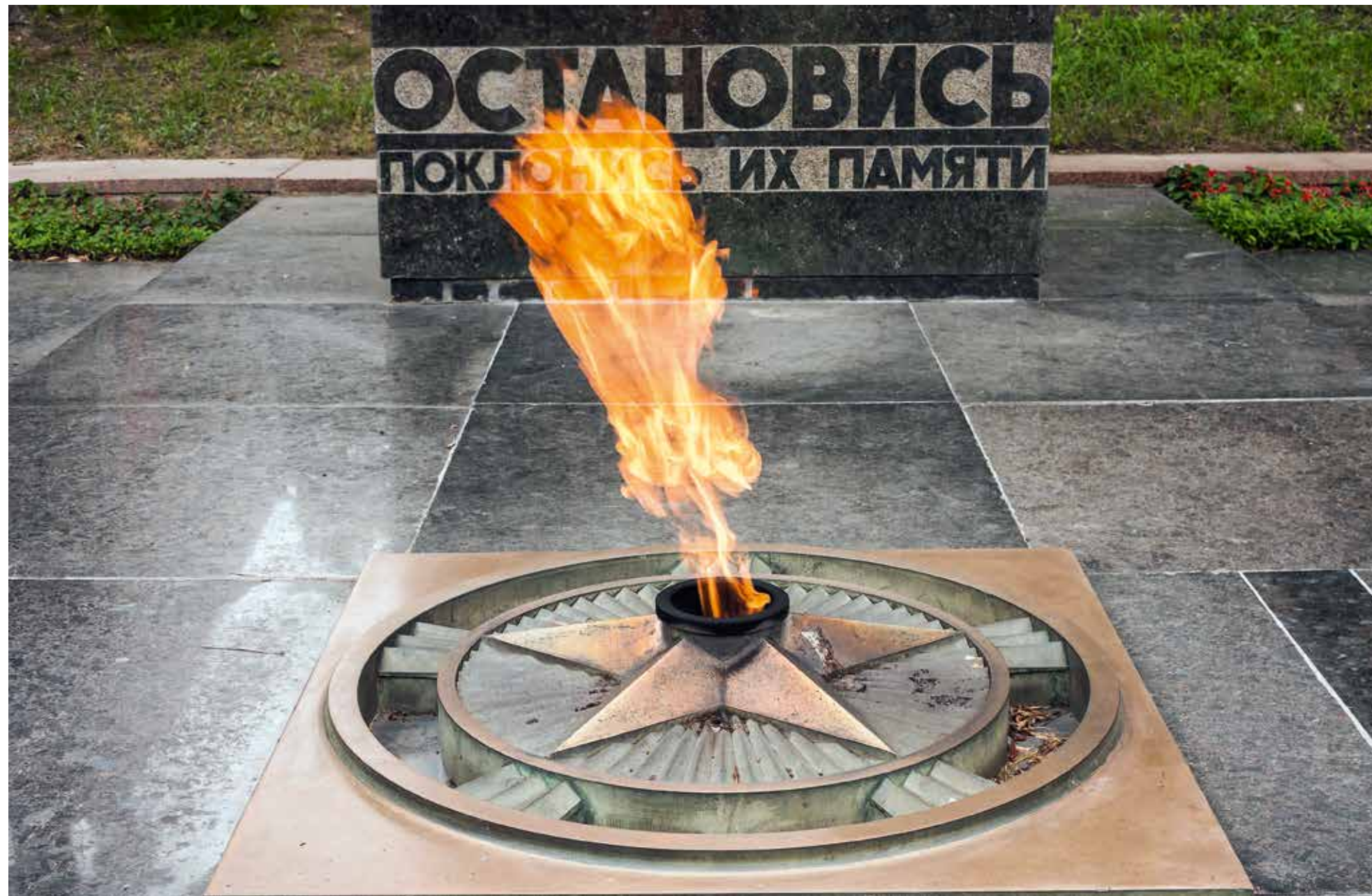
Иван Иванович, после войны известный среди служителей церкви как Ювеналий, стал истинно верующим. Велика была его тяга к вере. Она обогатила внутренний мир, многому научила, однако покидать Службу разведки Михеев не хотел. Волею той же разведки и Волею Божьей, приходилось Ювеналию-Михееву действовать большей частью в одиночку, дослужившись до полковника. А в церковной иерархии продвинулся так, как не ожидали даже Судоплатов с Рыбкиной.

Героям моего рассказа не досталось при жизни Вселенской славы, но мы вспомнили сегодня об их деяниях.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ МИЛОСЕРДНЫМ БОГОМ

*Вечная память всем ветеранам и героям
Великой Отечественной войны, всем невинно убиенным жертвам*

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

В этом году народ наш, все люди доброй воли и Русская Православная Церковь вспоминают 80-летие Великой Победы. Для Церкви, как Народа Божия, странствующего в истории, это воспоминание обретает библейские очертания. В 80-летию Победы священное число сорок умножается на двое и становится сугубым, то есть на языке богослужения – двойным долгом поминовения и благодарения.

Церковь благодарит Бога за сохранение нашей Родины, этого Града Земного, который, преодолев невероятные тяготы и испытания Великой Отечественной войны, устоял и сохранился для будущего процветания. Церковь благодарит Бога и за героизм и самопожертвование всех тех, кто участвовал в общенародном подвиге.

В День Победы 9 мая Церковь молится обо всех жертвах войны и сугубо вспоминает павших воинов, почивших ветеранов, тружеников тыла и всех причастных к общему делу. Церковь вспоминает всех наших сограждан, живших в то невероятно сложное, трагическое и героическое время.

«О памяти и во отпущение грехов всех ушедших из этого века в православной вере: наших предков, наших бабушек и дедушек, наших отцов, наших матерей, наших братьев, наших сестер, наших сыновей и наших дочерей; о всех уснувших в надежде на воскресение и жизнь вечную», – так начинается молитву Церковь в начале литургии святого Василия Великого, чин которой отличается особенной торжественностью. Эти начальные молитвы входят в чин приготовления литургии, на языке богослужения называемый приношением, или на греческом – проскомидией.

В литургических молитвах умершие чаще всего называются усопшими, то есть заснувшими, объаты сном временным.

Изначально поминальные дни так устроены Церковью, чтобы она могла помянуть всех тех, кого более некому помянуть и за кого больше некому помолиться. В этом смысле вселенских, то есть всемирных заупокойных воспоминаний. Для понимания западного читателя отметим, что в западном христианстве эти православные памятные дни соответствуют 2 ноября, когда празднуется память всех усопших. Таких всеобщих обязательных

заупокойных дней всего два: в субботу за девять дней до Великого Поста и в субботу за девять дней до Праздника Всех Святых, то есть в субботу перед Пятидесятницей. В библейских и литургических числах всегда есть особенный символизм. Это две Вселенские Родительские Субботы поминовения в Православии.

В богослужебном календаре существуют и дни поминовения павших и почивших воинов. Таковых дней немного, со временем они могут забываться. Потому что человеческая память, даже благодарная память, к сожалению, коротка.

Днем поминовения воинов, принявших участие в битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 года, изначально была Дмитровская Родительская Суббота. Она совершается в субботу, накануне дня памяти святого Великомученика Дмитрия (26 октября, или 8 ноября по новому стилю). Отсюда ее название. Это примерно сороковой день после исторической даты Куликовской битвы.

Напомним, что Куликово поле находится на юго-востоке современной Тульской области в верховьях Дона. Здесь впервые в истории русское войско смогло не только противостоять, но и одержать победу над армией монгольских завоевателей. Это событие считается началом освобождения земли Русской от татаро-монгольского ига. Оно сравнимо с иберийской Реконкистой.

Весьма примечательно, что в истории христианства было только две цивилизации и два народа, русская и иберийская, испанская, которые смогли обрести свободу после долгого периода господства исламских завоевателей.

Интересно, что «обе Реконкисты» проходили в Европе – одна на западе, другая на востоке – и, начавшись в совершенно разное время, завершились почти

единовременно. Завершение Реконкисты переросло для иберийцев в открытие Нового Света, а Россия стала распространяться далеко на Восток, до самого края Евразийского континента вплоть до Русской Америки. В наше время всеобщего раздора и смятения народов (ср. Лк. 21:25) очень важно вспоминать о таких удивительных общностях исторических судеб.

Но вернемся к поминанию. Дмитровская родительская суббота названа в честь святого великомученика Дмитрия. Согласно житию, святой Дмитрий пострадал за веру во Христа около 306 года, будучи проконсулом в Салониках. В народном благочестии он считается покровителем благочестивых правителей и православных воинов.

Такие подробности важны для понимания сути церковных поминовений. Они помогают нам обрести ключи к надлежащему богословскому пониманию памяти победных и скорбных событий новейшего времени.

По образу Дмитровской поминальной субботы и с тем, чтобы поминание героев и участников Великой Отечественной войны продолжалось в веках и обретало контуры молитвенного воспоминания, Собор Епископов Русской Православной Церкви постановил совершать в День Победы 9 мая особое ежегодное поминание усопших воинов. «Мы поминаем воинов и всех, за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, и всех страдальчески погибших», – говорится в синодальном определении.

Это было постановлено осенью 1994 года, когда весьма многие из почивших ныне ветеранов еще были живы. Такое решение, делающее праздник днем поминовения, было житейски мудрым и одновременно пророческим. Церковь, как Сообщество Толкователей, обладает коллективной, на языке богословия кафолической, или соборной способностью смотреть на мир и на ход вещей в истории глазами Бога.

Все в мире временно, и всякое светлое торжество со временем становится поминанием тех, кто был к нему причастным. Более того, это решение сделать День Победы поминанием было бы принято гораздо раньше, если бы Церковь в Советском Союзе не подвергалась давлению со стороны носителей власти и безбожной идеологии. Церковь верит, что молитвами святых, особенно тех из них, кто жил в последнее время и был отчасти нашим современником, она обрела свободу для возрождения Веры в Отечестве.

Библейская Книга Бытия рассказывает о том, как братья продали праведного Иосифа кочевникам. Те передали его египтянам. По несправедливому обвинению он оказался в темнице. «Но Господь был с Иосифом, и простер к нему милость, и даровал ему благоволения в очах начальника темницы», – говорит Писание (Быт. 39:21). В XX веке подобное произошло с Русской Церковью. Но с началом Великой Отечественной войны Сталин, которого родители некогда назвали в честь библейского Иосифа, ради спасения Отчизны вспомнил о Церкви, хотя сам вряд ли пришел к вере. Осенью 1943 года Русская Церковь смогла избрать Патриарха, ее существование в глазах государства стало законным. Таковы неисповедимые пути Бога в истории (Рим. 11:33).

Согласно богослужебному уставу Православной Церкви, поминание не только возможно на панихиде, литии, совершаемых на кладбище, но и совершенно необходимо, когда Церковь собирается в храме на литургии для молитвы обо всех живших и почивших. Церковь усердно поминает всех тех, кого мы знали и кого не знали, кому мы сочувствуем, о ком скорбим, но также и тех, кого никогда не знали, о ком порой никогда не слышали при жизни, но на чье ходатайство

и дерзновение пред Богом мы надеемся, ибо люди эти нуждаются в поминании вместе с праведными. «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих», – звучит ключевая молитва Церкви об умерших. Это настоящий гимн христианской надежды.

«Помолимся и о тех, кого покоила война, тех, кого застали землетрясения, кого убили разбойники или кого сжег огонь; о тех, кто стал добычей диких зверей, птиц, диких животных или всего, что живет в море; о тех, кто бесследно пропал; о тех, кого ударила молния, застал холод в горах, в пути, в пустыне или в одиночестве; о тех, кого увлекла печаль или радость; за тех, кто пострадал в хорошие дни и в несчастях, в тюрьме или в лагерях; за тех, кто был убит в пути или кого град, снег, проливные дожди, камни или земля обступили и покрыли и кто упал внезапно; за тех, кто был отравлен или задохнулся; за тех, кто получил всевозможные травмы и ранения», – продолжает литургия Василия Великого свое моление.

Читая воспоминания Андрея Платонова, Виктора Астафьева и других фронтовиков, понимаешь, сколь великой была злоба нацистских захватчиков и сколь многих людей они погубили не силой оружия, но коварством, жестокостью, движимые ненавистной неприязнью. Обо всех невинно убиенных молится Церковь.

Господь Иисус «пребывает вечно, имеет и священство непреходящее. Посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» (Евр. 7:24–25). Это значит, что память всех тех, кого более никто не помнит, их имена и лица, лики и улыбки, тела и воспоминания, радости и скорби, огорчения и удачи, биографию и жизнь помнит Господь Иисус. Своей молитвой Он дарует им Свою искупительную благодать.

Мы же, вспоминая тех, кого некогда вспомнить, присоединяемся к этой животворящей силе. Благодать – это общение, благодать – это коммуникация. Церковь верит, что Господь никогда не выпустит из Своей руки тех, кого Сам Он возлюбил.

«Помолимся за людей всех возрастов: старых, молодых, тех, кто в расцвете сил, подростков, детей, тех, кто не видел дневного света, мужчин и женщин; о тех, о ком мы не упомянули, потому что мы их не знаем или забыли, или потому что их слишком много, вспомни их всех, Боже, Ты, знающий имя и возраст каждого», – говорится далее в молитвенном обращении.

Эту скорбную молитву Церкви подкрепляет божественное Писание. «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть Книга Жизни», – говорится в Откровении Иоанна Богослова (ср. Откр. 20:11–13). Вспоминая казавшийся некогда просто скорбным, но ныне, когда мы пришли к вере во Христа, оказавшийся глубоко библейским лозунг, мы повторяем слова: «Никто не забыт и ничто не забыто». Никто не забыт и ничто не забыто пред милосердным Богом.

Выражение «Вечная Память» имеет несколько значений. В разных обстоятельствах оно звучит по-разному. Так, это воспоминание родных и близких об ушедшем, которое продолжится из поколения в поколение. О своих предках будут помнить потомки. Воспоминание это будет весьма долгим, но спустя многие поколения когда-то все же прекратится. Ибо ничто не вечно под солнцем.

В отношении же к героям и ветеранам Великой Отечественной

пожелание вечной памяти выходит за рамки того или иного рода или семейства и становится всеобщим для всех соотечественников и людей доброй воли. Их будут помнить с благодарностью. Человеческое море воспоминающих никогда не иссякнет. Потому что общность памяти будет всегда восполнять личное или семейное забвение. Вечная память – это преодоление человеческой склонности забывать.

Другое значение словосочетания «Вечная Память» относится к области священного. Хотя героическое и священное нередко соприкасается, во избежание превращения христианства в гражданскую религию Церковь старается эти две сферы не отождествлять.

Как пишет наш современник, итальянский философ Джорджо Агамбен (род. 1942), этимология понятия «религиозный» не в том, чтобы вопреки общепринятому мнению соединять светское и священное, человеческое и божественное, но в том, чтобы правильно и последовательно их разделять. Ведь светское и повседневное ценно само по себе, и к Богу приходят свободным произволением и в любви ко Христу.

Наконец, и это главное, вечная память – это вечная жизнь, реальная и полноценная, это жизнь во Христе Иисусе пред Богом во веки веков.

Потому в День Победы и во все дни этого юбилейного года, когда мы празднуем 80-летие завершения Великой Отечественной войны, Церковь просит Бога о вечной памяти.

Вечная память всем нашим сродникам и знаемым, всем тем, о ком помним и о ком забываем, всем нашим ветеранам и героям Великой Отечественной войны, всем невинно убиенным жертвам, дорогим нашим братьям и сестрам, вечная память, Бессмертный Ангельский Полк!

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПОЭТОВ

Великая Отечественная война подарила литературе целую плеяду поэтов-фронтовиков. Их молодость прошла на фронте, и тех, кто выжил, тема войны не отпускала до конца жизни

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Ты помнишь, Алеша, дороги
Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам
усталые женицыны,
Прижав, как детей, от дождя
их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали:
– Господь вас спаси! –
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще,
чем верстами,
Шел тракт, на пригорках
скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою
русскою околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши
прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-
таки Родина –
Не дом городской, где я
празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их
русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,

Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под
Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салотчике пливовом,
Весь в белом, как на смерть
одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить
могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:
– Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» – говорили
нам пажити.
«Мы вас подождем!» – говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами
мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям,
только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубяху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что
жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть
мне завещано,
Что русская мать нас на
свет родила,
Что, в бой провожая нас,
русская женицина
По-русски три раза меня обняла.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

Сон

Был бой.
И мы устали до потери
Всего, чем обладает человек.
Шутил полковник:
– Сонные тетери ... –
И падал от усталости на снег.

А нам и жить не очень-то хотелось, –
В том феврале, четвертого числа,
Мы перевоевали,
Наша смелость,
По правде, лишь усталостью была.

Нам не хотелось жить –
И мы уснули.
Быть может, просто спать
хотелось нам.
Мы головы блаженно повернули
В глубоком сне
Навстречу нашим снам.

Мне снился сон.
В его широком русле
Скользил смоленный корпус корабля,
Соленым ветром паруса нагрузли,
Вселяя страх и душу веселя.

Мне снился сон о женицине далекой,
О женицине жестокой,
Как война.
Зовущими глазами с поволокой
Меня вела на палубу она.

И рядом с ней стоял я у штурвала,
А в прибрежных чащах,
Невдали,
Кукушка так усердно куковала,
Чтоб мы со счета сбиться не могли.

И мы летели в прозелень куда-то.
Светало на обоих берегах.
Так спали полумертвые солдаты
От Шлиссельбурга в тысяче шагах.

Ночной костер случайного привала
Уже золой подернулся на треть.
Проснулся я.
Кукушка куковала,
И невозможно было умереть.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

Легенда

Самолет не вернулся на базу...
С ним пропали три славных дружка.
Погрустив и поверив не сразу,
Их вписали в потери полка.
А пилот был отчаянный парень.
Он в заморские страны летал,
Лучше всех он играл на гитаре,
Сам к мотивам слова подбирал.
Неразлучен он был с экипажем.
Так они и пропали втроем.
Если хочешь, мы нынче расскажем,
Что случилось, что было потом.
Из-под белых обломков дюраля,
Из-под сломанных ребер стальных
Трех товарищей немцы достали,
Окровавленных, еле живых.
Палачи заковали им руки,
Разлучили с Отчиной своей.
Нет на свете ужаснее муки,
Чем неволя для вольных людей.
Чтобы горше сердцам их орлиным
Было жить в этом мире чужом,
Держат в лагере их под Берлином,
Водят утром на аэродром.
Там работа, работа, работа,
Землю твердую роют они,
Возле серых чужих самолетов
Протекают их тяжкие дни.
Но заметили трое – бывает
В час обеда на поле покой.
Одинокою тенью шагает
Охраняющий их часовой.
Не сказали друг другу ни слова,
Огляделись три друга кругом.
Вдруг удар повалил часового,
И они к самолету – бегом.

И взлетает машина чужая,
Исступленно вращая винты,
Полутонные бомбы сгружая
На Берлин с голубой высоты.
Суматоха, смятение, погоня...
Но уже самолет далеко.
Пусть в тисках занемели ладони,
Как на сердце, товарищ, легко!
Он летит, этот призрак крылатый,
И Германию сводит с ума,
Птица миценья, начало расплаты,
А быть может – расплата сама.
Самолету навстречу с востока,
Из небесных глубоких стремнин,
Нарастает уверенный рокот –
Это наши идут на Берлин.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Немецкий автоматчик
подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски
перешибут мне ноги,

В живот ли пулю влечит
эсэсовец-мальчишка,
Но все равно мне будет на этом
фронте крышка.
И буду я разутый, без имени и славы
Замерзшими глазами смотреть
на снег кровавый.

Николай Рыленков

Наводчик

Не позабыть мне ночи той короткой...
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.
И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
– Вот, в самый раз...
Прости меня, сосед!
И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

ПИСАТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ

*У всех, кто прошел войну, кто выжил смерти вопреки,
душа будет кровоточить до конца жизни*

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Война... Опыт бесценный, но страшный, он перепахивает душу, меняет сознание, показывая истинные ценности, доказывая их подлинность.

Боль ратного труда, становящегося обыденностью, воплощается в слове по-разному – сильно, мощно, с горем, яростно и истово.

Они были очень разные – поэты и прозаики фронтового поколения, вместе с тем у всех был определенный горизонт родства.

Война влита в сердца писателей-фронтовиков расплавом огня, подвига, преодоления себя. Их правда жизни шероховата, но и величественна.

И слово, прозвучавшее о войне, остается в веках, предупреждая о немислимости повторения подобного. У всех, кто прошел войну, кто

выжил смерти вопреки, душа будет кровоточить до конца жизни, здесь невозможны варианты.

Неспешное слово Евгения Носова

Рубиновым цветом переливается «Красное вино победы»: красное, с чернотой естественных трагических изломов. Построение рассказа жестко свидетельствует о его биографичности: фантазии такое неподвластно...

Военный госпиталь в подмосковном Серпухове перенасыщен жизнью, противоречащей смерти, исполняющей главную роль в адской мистерии войны. И на небольшом пространстве поэтичного, несмотря ни на что, текста Носов так

живо показывает людские судьбы, что зачитаешься. Невольно сопоставляя с собственными, мелкими, бытийными бедами, испытываешь стыд за себя, коли люди способны проходить такое!

Он был очень добрым человеком – Евгений Носов. И писал книги, пропитанные идеей добра, – даже в том случае, если сущностным содержанием была житейская тяжесть.

Он воевал в Польше. Под Кенигсбергом был тяжело ранен и день победы встречал в госпитале, который и описал в «Красном вине победы».

Фразы, составляющие его произведения, скорее, хочется назвать поэтическими строчками: сияя возвышенной простотой и смысловой наполненностью, ложатся они в пространство бумаги, чтобы, соединившись и показав жизнь, уйти в вечность.

«Усвятские шлемоносцы» фокусируют внимание на первых днях войны в селе Усвят – маленьком селе, где в разгар огненного сенокоса сельчане узнают о начале войны. Несколько дней, в течение которых военнообязанные мужчины получают повестки из военкомата; последние дни и ночи на малой родине, совместный уход на сборный пункт.

Здесь язык цветаст, туг, как виноградные грозди, и проникновенно светел. Последние дни обычного человеческого счастья перед катастрофой. Патриархальные вспышки счастья, которого больше не будет. Горько и сладко, трагично и... завораживающе. И исполнено с той

мерой дозированности, когда произведение сразу требует определения «классическое».

«Живое пламя» следует смаковать, словно рассматривая на просвет вечности волоконца этого пламени, его золотисто-упоительные словесные зернышки. Обороты авторской речи, от которых исходят хлебные ароматы, торжественная неспешность таинственной языковой стихии...

Она вообще неспешная – речь Носова: возвышенная и простая, чудесная, как сказка бытия. Она бесконечно завораживает – речь ярчайшего писателя Евгения Носова.

Живые песни Михаила Исаковского

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

*Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

Эти стихи неотделимы от музыки, но и сами они в кристальной ясности своей совершенны, будто не написаны, а услышаны, выдохнуты – для всех, для всего человечества, пережившего огненный вихрь войны.

И в финальном четверостишии эмоции солдата словно сталкиваются с конкретикой, и это поражает, как шаровой молнией:

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Внешне бесхитростные стихи Исаковского часто взрываются изнутри эмоциональной перенасыщенностью и тоской по счастью:

Мемориальная доска на здании районной газеты «Знамя» в Ельне, первым редактором которой был Михаил Исаковский

*Дорога ты, дорога,
Стальная колея! –
Старинный город Вязьма,
Где счастье встретил я. –
Свое я встретил счастье,
Но не узнал его.
И я ушел, уехал
От счастья своего.*

Неожиданные метафоры, подсвечивающие образ тугими огнями:

*Каждый день суров и осторожен,
Словно нищий у чужих ворот...
Был наш край от мира отгорожен
Сумрачным безмолвием болот.*

Точность стиха, его нежная задушевность, даже когда реальность противоречит ей, превращалась в откровение песен:

*С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы –
Товарищи мои.*

Горе поэта песни не требует: оно крупно явлено, и одиночество, заключенное в стихотворение, вспыхивает болью человеческого сердца:

*С той поры, как воздали тебе
Мы последние скорбные почести,
Я остался на этой земле
В безысходном своем одиночестве.*

*И все горше мне день от дня –
Неприятно, тревожно, неслаженно,
Только клен и встречает меня,
Клен, твоими руками посаженный.*

Снова – бесхитростный внешний ряд стиха сочетается с бездной.

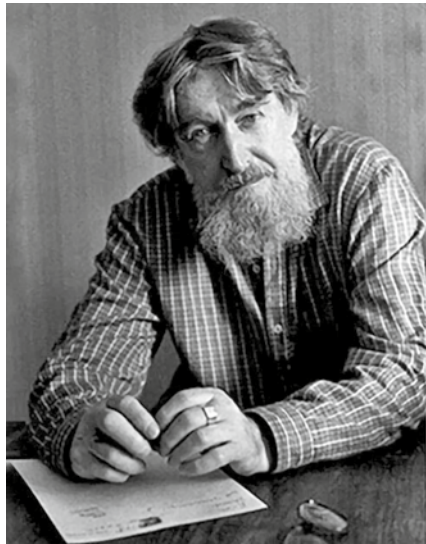
Исаковский чувствовал человеческие бездны...

Яркая поэзия Якова Козловского

*День на смену полумраку
Занялся, кровоточа.
Лейтенант хрипит:
– В атаку! –
Автомат сорвав с плеча.*

Памятник Евгению Носову в Курске (скульптор В. Бартенев)

Николай Панченко

Яков Козловский поэт конкретики, поэт внятных смыслов и четкости формы: именно поэтому его стихи входят в сознание читающего, как формулы.

*Должен,
превратясь в мишень, я
Встать, как жизнь ни прекословь.
Мы земное притяжение
Преодолеваем вновь.*

О, мощь преодоления притяжения земного: и тут поэзия – надежный способ, и даже, как будто, война не страшна.

Козловский, как переводчик, фактически ввел в русскую литературу Гамзатова с его мудростью «Надписей на кинжалах» и его своеобразнейшим колоритом; но Козловский-поэт превалировал всегда.

*Я снова сам себе перечу,
Как будто сам с собой борюсь.
Боюсь, что я тебя не встречу
И встретиться с тобой боюсь.*

Как мудро и тонко закольцовывается стихотворение, а перечисление самому себе, как факт, известный почти каждому, вступает в противоречие с гармонией, заложенной в катрене.

У Якова Козловского много исторических стихов, и они складываются в отдельную книгу постижения – постижения дня сегодняшнего через день вчерашний, когда копи отечественной истории обогащают тем знанием, каким ничто больше не способно обогатить.

Слово о Николае Панченко

Детство не допускало иллюзий – такое оно было у Николая Панченко. И была война – самое страшное, что выпало на долю его поколения...

И самая сердцевина военного кошмара прочувствована Панченко с такой силой, от которой холод продирает до костей:

*– Убей его! – И убиваю,
хожу, подковками звеня.
Я знаю: сердцем убиваю.
Нет вовсе сердца у меня.
А пули дулом сердца ищут.
А пули-дуры свищут, свищут.
А сердца нет, приказ – во мне:
не надо сердца на войне.*

*Ах, где найду его потом я,
исполнив воинский обет?
В моих подсумках и котомках
для сердца места даже нет...
– Подайте сердца инвалиду!
Я землю спас, отвел беду. –
Я с просьбой этой, как с молитвой,
живым распятием иду.
– Подайте сердца! – стукну в сенцы.
– Подайте сердца! – крикну в дверь,
– Поймите! Человек без сердца
куда страшней, чем даже зверь...
Меня Мосторг переоденет.
И где-то денег даст кассир.
Большой и загнанный, как демон,
без дела я в избытке сил,
И где-нибудь, в чужой квартире,
мне скажут:*

*– Милый, нет чудес!
В скупом послевоенном мире
всем сердца выдано в обрез.*

Но, даже убивая сердца выживших, война не убила поэта в человеке, не смогла, не дано ей такой власти.

Сильно и ярко строится лестница стихов о любви:

*Тебя нельзя любить!
Я это понял скоро.
Тебе легко грубить
и глупо возражать.
Тебя держать,
как покоренный город:
то в страхе,
то подачками держать!*

И одиночество, столь необходимое для алхимического дела поэта, необычно:

*Живу, как скворец
в скворешне, –
под крышей дощатый ящик
целястый. И с миром внешним
общаюсь через стоящий
поодаль высокий тополь.*

Что ж, общаться с миром можно по-разному, и великая возможность предоставлена поэту: общаться с ним, растворяясь в нем стихами, – преодолением смерти...

Поэтическая проза Юрия Нагибина

Свое, переплетенное с платоновским: так воспринимается проза Нагибина; свое, оригинальное, веское очевидно: прекрасные образцы русской стилистики вылеплены... или выливаются из каждого абзаца.

«Срочно требуются седые человеческие волосы» – один из крепких, вещных рассказов. И алмазом прорезанные отношения людей возникают на мутноватом стекле реальности, где одиночество – как естественная мера вещей.

Гроздь нагибинских рассказов... Иные из них благоухают духовными ароматами, представляя панорамы

мира знакомого, но подсвеченного изнутри так, как другой бы не смог: через свой мир и своеобразное видение яви.

Сколько природной щедрости перешло в прозу Нагибина, обогащая и питая ее; сколько московских переулков, исполненных трепетом детства и юности, пыльных, чудесных, милых, несохранившихся поют и переливаются красками в замечательных рассказах.

Повествование о жизни, исполненное с мастерством, – жизнь Нагибина; и как твердо, густо, грустно проявляются жизни выдающихся и великих людей в книге «Вечные спутники»; как оживают картины старой Англии в рассказе о Марло, как плещет звуками и красками Италия Верди!

И «Дневники» Нагибина – книга столь же скандальная, сколь и монументальная; исполненная страсти и парения, яда и счастья: всего, что мешается в человеке на протяжении отпущенного ему срока.

Можно восстанавливать картины литературной Москвы того времени по дневникам; можно читать вынутые из собрания сочинений рассказы; но крутой взвар блюда, что готовил писатель всю жизнь, весьма вкусен, хотя и чрезмерно прян.

Поэтизировал ли Нагибин жизнь? Он безусловно знал ее, если не во всех, то в большинстве проявлений: от войны до успеха, от тяжелого пьянства до свинцовой скорби; он знал, что цель жизнь – сама жизнь, и значит, даже будучи прозаиком, нельзя не поэтизировать этот роскошный, щедрый, красочный, печальный, избыточный дар.

Многогранный Булат Окуджава

«Путешествие дилетантов» Окуджавы сильно заинтересовало гуманитарную интеллигенцию, а его песни, казалось, шли фоном льющейся, изобилующей подробностями, такой будто бы далекой от реальности жизненной ленты романа...

История, рассказанная Окуджавой представляет собой как бы обратную сторону настоящего, где коллизии только увеличены или даны под несколько другим углом: жизнь ведь изменилась.

Суховатый язык не богат на образы, но детали прописываются четко и ярко.

Мир глазами дилетанта... ибо все мы дилетанты в жизни, а если кто и дорастает до профессионализма, то не находит тотальной возможности поделиться со многими. И все мы путешественники – внутри мероприятия, названного реальностью: пусть меняются декорации и участники, но большинству не становится легче.

Есть Окуджава песен, игравший чрезвычайную роль в жизни многих (и лучших) представителей двух-трех поколений, согревший атмосферу действительности добрым благородством своих аккордов и созвучий.

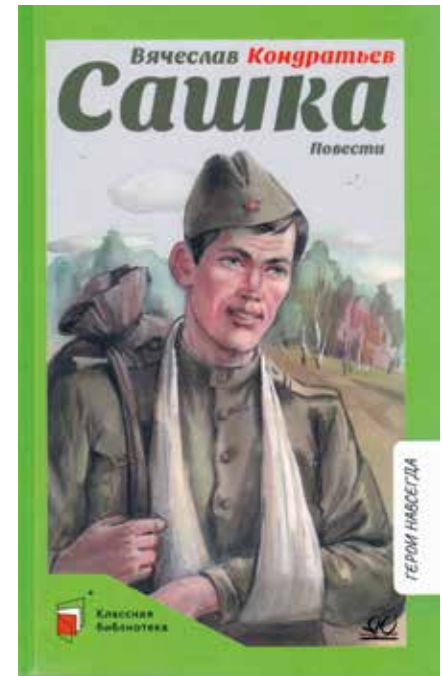
И есть Окуджава забавного содержания «Похождения Шипова...» Многогранность – лучший козырь большого таланта.

Война Вячеслава Кондратьева

Круто слепленный рассказ «Сашка» поздно дебютировавшего Вячеслава Кондратьева разворачивается подробностями бытовых картин, будто они и определяют войну.

После двух месяцев войны Сашка впервые сталкивается с противником, и реальность войны фокусируется четко и страшно суммой

душевных движений, необходимых для преодоления страха.

Сашка берет «языка», которого нужно доставить в штаб, и говорит все время оглядывающемуся на него немцу, что русские над пленными не издеваются. Даже бой, вбирающий в себя солдата, два месяца не видевшего противника, дан с тою будничностью, с которою могло бы описываться хождение на работу.

Прожитое становится написанным, чтобы написанное уходило к будущим поколениям. Прожитое мучительно и прозаично; прожитое правдиво, а правда опасна, ибо никогда не бывает шелковой.

Рассказы «День Победы в Черновле», повести «Борькины пути-дороги» и «Отпуск по ранению» исполнены в той же стилистической манере, что и «Сашка», но, пожалуй, последний наиболее ярок в наследии Кондратьева, ибо отмечен силою, которую не подделают ни на языковом, ни на смысловом уровне.

Волшебное мастерство Вадима Шефнера

Во времена всеобщего слома, развала старых устоев и условности новых поэтическое мастерство тоже подвергается сомнениям, если

вообще не ставится под вопрос необходимость оно; и любые словесные выверты могут объявляться чуть ли не новым словом в поэзии (в целом стремительно превращающейся в рудимент реальности).

В такие времена обращение к подлинным мастерам может быть целительно, и Вадим Шефнер один из тех, кто волшебным владел удивительно тонким механизмом поэтического слова.

Любые из вещей или явлений мира обращались у него в словесное золото, и даже, казалось бы, совсем не поэтические темы распускались яркими цветами созвучий:

*Статистика, строгая муза,
Ты реешь над каждой судьбой.
Ничто для тебя не обуза,
Никто не обижен тобой.
Не всматриваешься ты в лица
И в душу не лезешь, — а все ж
Для каждой людской единицы
В таблицах ты место найдешь.*

Что для поэзии интересного в сухости статистики? А вот поди ж...

История и пейзаж, насыщенность переживаний, тропы и тропинки жизни, городской сад и детство, льдина и время — все оживало в таинственно-великолепном мире Шефнера четко выверенными стихами, точно алхимическая реакция превращала факты действительности в золото искусства (не говоря о празднике слов).

*Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.
Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.*

Строки то сжимаются, то свободно разворачиваются, раскрываясь в реальность, — строки, преображенные музыкой смысла.

И зеркало, точно повисшее над бездной, сообщает метафизический аспект существованию — и человеческому, и поэтическому.

*И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.*

Стихи выплавляются, чеканятся — и дело тут не в приемах, а в глобальном поэтическом видении мира: обширного и разнообразного, когда ни одна деталь не должна быть упущена. Шефнер и не упустил ни одной детали из каталога мира. Благородство, аристократизм, присутствующие его стихам великолепны и сами по себе являются живым укором нынешним филологическим игрищам и выкрутасам — или банальному псевдо-патриотизму с безликой рифмовкой березок с чем придется...

В одном из последних стихотворений Шефнера есть строчка «Лишь смерть бессмертно молода...» И в этой формуле нет трагизма — есть ясное осознание бесконечности жизни, ее силы и энергии, которые не могут замгнуться со смертью, как не может закончиться жизнь. Как не могут поблекнуть превосходные стихи Вадима Шефнера.

Весть Василия Субботина

Словно издали, из очень далеких дебрей истории, идет голос, выпевающий современные стихи:

*В те годы много по лесам
Легло в побоище неравном...
И кто-то Слово написал
Об Игоре и Ярославне.
Оно из дальних чащ былых
Летит из века в век и дальше —
Давно умолкший голос их,
Живых и мужественно павших.*

Василий Субботин знал о чем писать: человека, опаленного огнем Великой Отечественной, не могло прельщать пустое, игровое, несерьезное. Ибо стихи — это всерьез, ибо они заполняют жизнь, объясняя ее, они призваны добывать гармонию из любой ситуации, сколь бы трагической она ни была. Субботин слышит дыхание ветра, как себе-седника, и течение рек — настоящий клад для его поэтического дела:

*Должно быть, под снегом река
Привычно звенит под копытом.
Зима! Вся земля в облаках,
И холодно, как в Ледовитом!*

Субботин шел от дружественной нивы русской поэзии, от тех ярких, смелых, талантливых людей, чья юность пришла на призыв, на ярость и силу войны:

*Друзья мои. В поэзии мы рядом,
Друг возле друга, рядом, ты и я...
Вот Коган, вот Гудзенко, вот
Кульчицкий,
Вот Инге, вот Майоров, вот Орлов,
Луконин, Наровчатов...
Как нас много
И как нас мало было! Лишь теперь
Я это понимаю...*

И здесь «мало» столь значительно, что никакое «много» не перевесит.

И голос Субботина, сильный, самостоятельный, отчетливый, звучал могуче. Создавая стихи с тою мерой яркости, которая не может быть затоптана денежно-прагматичным временем, Субботин представлял не только себя, но и поколение, весомой единицей которого он был.

Мера Михаила Луконина

Ритм должен рваться, трепыхаться, биться, как полотнище

на ветру: иначе выразишь разве движение века?

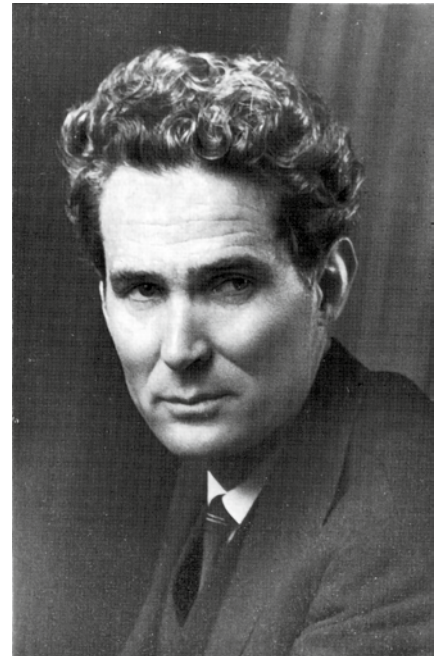
*Лето мое началось с полета,
Зима началась в «Стреле»,
Легкое, белое, беглое что-то
Наискосок слетало к земле.
Ночью к окну подпыло Бологое,
Но виделся памятный край,
К горлу прихлынуло все дорогое
С просьбой: «Не забывай!»*

Стих Михаила Луконина чужд плавности, закругленности, ибо слишком не плавной была жизнь, сквозь которую пролетали трагедии войны, и надо было этому противостоять и выжить.

*Хорошо перед боем,
Когда верится просто
В то, что встретимся двое,
В то, что выживем до ста.*

Опыт военных лет совмещает крест и будничность работы; правда жизни раскрывается так, как и не должна бы была, да что делать... Остается только уповать:

*В то, что с тоненьким воем
Пуля кинется мимо.
В то, чему перед боем
Верить необходимо.*

Василий Субботин

Ибо вера военных лет специфична, но без нее не выдюжить.

Много строчек-формул, строчек-определений разбросано по поэтическим полям Луконина: полям щедрым, продуваемым разными ветрами жизни; полям, густо исхоженным поэтом, многое сумевшим понять и выразить понятное в стихах жестких и четких, порою нежных и безбрежных.

Мемориальная доска Михаилу Кузьмичу Луконину на доме 23 по ул. Новый Арбат в Москве

ОЧЕРК

ИМЯ ВЕРЫ

История идет вперед, но с оглядкой назад: имя Веры вернули время и память

ОЛЬГА КУЗЬМИНА

В далеком 1982 году мой дед получил от Министерства геологии участок под дачу – заветные шесть соток. Земли выделили целое поле – под двести с лишним домиков, поставили даже коробки – основу «индивидуального строительства». Нарезали участки между Кубинкой и Наро-Фоминском, пробравшись между военными частями к полю за лесом у станции Акулово. Так и зажили...

Потихоньку начали осваиваться. Строились кто во что горазд, бежали, конечно, и в лес по грибы, и к Наре – неширокой симпатичной речке, что бежала за полями и перелесками. Все исходило своими ногами – дорог рядом, по сути, не было, даже стройматериалы таскали на своем горбу, а машин в садовом товариществе было всего ничего.

Чуть попозже начали осваивать местные территории так сказать с исторической точки зрения. Оказалось, что не так далеко до Петрищево – знаменитой деревни, где была повешена Зоя Космодемьянская. История это была жуткая, хотя со временем над светлым именем Зои и поглумились изрядно, она все равно осталась и символом сопротивления, и нестигаемой воли для людей не одного поколения.

Годы шли, постепенно стало известно, что за нашими скромными домишками была когда-то здоровущая деревня на триста домов. От нее ныне остался осколок, по сути хуторок Обухово – несколько жмушихся друг к другу домиков на берегу роскошных когда-то прудов. Липовая роща за одним из них, красоты необыкновенной, отсылала к еще более

давнему времени, вроде, стоял там барский дом. Но деревня-то куда подевалась? Местные говорили – сожгли. А кто – не понять: то ли немцы, то ли наши.

И вот как-то мы шли от станции со случайным попутчиком-дедом. Он и был тем первым для меня человеком, кто заговорил о не самой известной истории боев под Наро-Фоминском и чудовищной несправедливости. Трагически погибшая Зоя была не одна заброшена для выполнения спецзаданий.

– С ней была еще и Вера, – говорил дед. А встретив изумленный взгляд отца – договаривал: – Ну вы знаете ее, та, что известна как «девушка с веслом»...

Сейчас, когда все точки над «i» в этой истории давно расставлены, имеет смысл ее пересказать – для тех, кто вдруг ее не слышал.

Для Веры Володиной Москва не была родной, но стала любимой. Верочка родилась в Кемерово. Впервые она увидела Москву, сойдя с поезда. На вокзале пахло пылью, весна была ранней и жаркой. Вера семенила по платформе, прижимая к бедру небольшой чемоданчик. Ой, охнула она про себя: «Эмка»! Такую машину она видела только один раз – в журнале, который дали посмотреть ее однокласснику Юрке Двужильному. При воспоминании о нем Вера вспыхнула, но заставила себя успокоиться. Да, люблю. Как и он меня. Но сначала надо выучиться, а потом уже любовь крутить...

На метростанции «Комсомольской» она остолбенела, забыв, куда ехала: вот это дворец! И до института на улице Казакова Вера добиралась несколько часов, выходя на каждой станции метро и любясь, заплутав где-то в городе, благо москвичи – люди добрые, все ей говорили, куда идти, а в итоге едва ли не за руку довели до института.

Бывают на свете люди, которым все удается. Такой была и Вера. Легкая! Легко училась, легко бегала на лыжах, легко выполняла все гимнастические упражнения, а еще плавала и легко справлялась с лодкой. Но хотя учеба ей и давалась без напряжения, получать образование она решила в Московском институте физкультуры и спорта. И вскоре в Кемерово прилетела телеграмма: «Ура Принята Целую Веру».

Как же хорошо было на учебе! Вера стала всеобщей любимицей. Характер солнечный, яркий, теплый, всем поможет, грубого слова не скажет, но и не нюня. Да что там! Она воплощала собой счастье – свято верила в коммунистический строй, восхищалась теми, кто буквально недавно совершил великие подвиги – это было и спасение челюскинцев, и дрейф папанинцев, и перелет через Северный полюс экипажей Чкалова, Байдукова, Белякова и Громова, Данилина, Юмашева. Ей хотелось всего и сразу, она была активной, бешено энергичной и жила жадно и страстно: в сентябре 1940 года стала курсантом Московского аэроклуба имени Чкалова, прыгала с парашютом и даже пилотировала истребитель, потом отправилась в стрелковый кружок, где перешла

на «ты» с винтовкой, пулеметом и револьвером... Потом – будто помешалась: принялась упрашивать начальство отпустить ее на войну в Испанию...

Может быть, она бы и правда убедила отпустить ее туда. Но однажды, чуть больше года спустя после поступления она проснулась в холодном поту и с дикой болью в суставах. Болело и сердце – жгло за грудиной так, что дышать было больно. Вердикт врачей был жестким: никакого спорта как профессии быть не может. Вера сутки рыдала в подушку, затем взяла себя в руки и отправилась с документами в кооперативный институт, оставив, впрочем, занятия спортом как некий «факультатив». А незадолго до этого скульптор Иван Шадр увидел Веру на соревнованиях и упросил ее позировать ему. В итоге Верин образ был увековечен в самом первом варианте знаменитой впоследствии «Девушки с веслом». В 1935 году на главной аллее парка имени Горького в Москве в центре бассейна появилась двенадцатиметровая статуя, изображающая обнаженную молодую спортсменку с веслом в руке. Эту историю многие считают выдумкой, но никакого опровержения для нее тоже не находится.

В кооперативном институте Вера начнет жизнь с чистого листа. В общежитии оказались очень хорошие девчонки: Нина Цалит, Марина Сонина и Валя Пичкур. Они так поддержали Веру, что она перестала переживать относительно спорта. По вечерам они болтали, и девчонки страшно любили слушать Веркины фантазии о том, какой будет жизнь дальше, когда они с Юркой пожениятся...

Он сделал ей предложение в последний свой вечер в Москве. Юра уезжал доучиваться в Ленинград – они пошли в кино. В кинохронике перед сеансом показали вступление фашистских войск в Париж.

Возвращались молча. Юра сказал, что война, он уверен, будет. Вера возражала: а пакт о ненападении?! Решили – если что, пойдем на фронт.

... Летом 1941 года после третьего курса Вера и Нина уехали в Загорск на практику, в райпотребсоюз. Валя и Марина навещали подружек по выходным. Приехали они 22 июня. Утром решили отправиться в музей, посмотреть на произведения Рублева и Антокольского. По дороге купили смущенной Вере белое шелковое платье: знаем же, что невеста! Тогда она и надела его в первый и последний раз. Несла сверток в руках, не дыша...

В музее стояла благостная тишина. И эту тишину просто разорвало слово «война»!

Через несколько дней весь курс уже работал на строительстве оборонительных сооружений. За два месяца землекопы сбили ладони в кровь и узнали, какая она разная – земля под Смоленском и Витебском, Орлом и Москвой... В сентябре старшие курсы отозвали в институт – продолжать учебу. Вера писала маме и отчиму: «Вы, наверное, очень беспокоились обо мне. Я ездила по специальному

заданию, как и все комсомолы Москвы. Мы строили укрепления. Теперь идешь по Москве и видишь плакат: “Что ты сделал для фронта?” И чувствуешь удовлетворение – что-то сделала...»

Но линия фронта приближалась. 2 октября началось генеральное наступление. Вера просилась на войну еще в 1936 году – мечтала поехать в Испанию. Тогда ей отказали. Теперь – нет. Добровольцем записалась и Нина. Позже отправятся на фронт и Валя с Мариной.

Ловкая, быстрая, спортсменка. Умеет стрелять. Владеет немецким. С хорошей реакцией, способна принимать решения. Так Веру и отобрали в разведку. Как и Нину. Сначала их учили на базе в Кунцево, 14 октября привезли в Жаворонки. Разместили в помещении бывшего детсада. Шкафы с игрушками теснили ящики с боеприпасами.

Какими солдатами могли стать эти наспех обученные юнцы, прибывшие в войсковую часть № 9903? Так называлось диверсионное отделение разведотдела штаба Западного фронта. Майору Артуру Спрогису (Эрнест Хемингуэй напишет о нем в «По ком звонит колокол») пришлось за считанные дни натаскивать новобранцев на то, чему учат годами. Азы минирования мостов и переправ, работа с картами. Спрогис был профессионалом. В самые короткие сроки он обучал своих «птенцов» навыкам бесшумного передвижения в темноте, сверхточной стрельбе (он вообще стремился отбирать в отряд ворошиловских стрелков). Он учил их всему, что знал сам, а сердце ныло. Под Волоколамском в первый же выход взяли группу Кости Пахомова. Повесили всех – восемь человек...

Вера писала с базы: «*Милые Маринка и Валюта. Завтра у нас начинается новая жизнь. Вы долго не будете получать наших писем. Как только будет время, будем писать. Вы, наверное, беспокоитесь о нас. Сильно не надо. Мы очень крепко вооружены. Если вы сейчас вооружены лопатой, то мы с Нинкой наганом, гранатой и еще кое-какими вещами. Нам выдали все обмундирование. Так что из нас получились brave ребята... Крепко целую обеих. Вера. 20. X. 1941 г.*».

21 октября подготовленная Спрогисом группа (11 человек) была заброшена под Старицу. Взлетевший на воздух мост и паника немцев окрылили разведчиков. С этого момента каждый вел про себя подсчет

нанесенного им урона врагу. Он был не так велик. Они хотели большего.

В ноябре часть № 9903 пополнилась новенькими, включая юную разведчицу Зою Космодемьянскую. Зоя пару лет жила на Енисее с родителями, и их с Верой прозвали сибирячками. Они подружились. Зоя была не слишком общительна, но с Верой их связывало какое-то особое взаимное доверие.

Волошина успела написать с войны совсем немного писем: «*Мамуш, институт мне кончить не удалось, но я его кончу после войны. Я сейчас на фронте, мамочка. Только не волнуйтесь, ничего страшного нет, и потом, смерть бывает только один раз... Крепко целую. Вера. 19. XI. 1941 г.*».

По донесениям разведки танковые группы Гоота и Хюнера готовились нанести удар по Москве с северо-запада, Гудериан нацелился на Тулу, чтобы потом ударить по Москве с юга, часть сил перебросив через Коломну на соединение с частями на востоке. Армия фельдмаршала фон Клюге действовала в центре, на Можайском, Звенигородском и Серпуховском направлениях. Кое-где войска врага от Москвы отделяло 30–40 километров. Ситуация была критичной. Ученики Спрогиса готовились к операции в тылу врага – под Нарой.

«*Мои милые! Я жива-здоровая, пожалуйста, будьте спокойны. Денег не высылайте. Мамочка, если можно где-нибудь достать валенки, рукавички (те у меня порвались), если не трудно, пошлите, а то мне будет очень холодно в наших необъятных лесах. В Москве все спокойно, она крепко охраняется, я сегодня туда поеду. Мамочка, пожалуйста, поменьше думайте обо мне, со мной ничего не случится, я же родилась в рубашке, буду жить сто лет. Целую крепко. Вера*».

Она поехала в город перед уходом на задание. Москва была мрачной. Она повидала друзей, но уезжала с этого свидания с тяжёлым сердцем.

21 ноября в немецкий тыл под Наро-Фоминском ушли группы Бориса Крайнова и Павла Проворова. Волошина и Космодемьянская были в группе Павла. До перехода линии фронта отрядом командовал Крайнов, после деления на группы каждая работала по своему плану. Немцы чуть приостановили наступление и перешли к обороне. Они превращали деревни в крепости. Повсюду были минные поля, дзоты, патрули и колючая проволока.

...Ночью 22 ноября отряд прошёл около 20 километров. Дневали в овраге. Холод стоял страшный. Вера жалела Зою – она решила идти в пальто: если схватят – проще сойти за местную. Вот, мерзнет, хоть Вера и отдала ей свитер. Как хочется пить. Губы в трещинах. Они натопили на костре снега с хвоями, и получился хвойный чай. Когда война кончится, они приедут сюда с Юркой и выпьют снеговой воды, чтобы все вспомнить. Или лучше забыть?! Закат погас. Двинулись в путь.

План был таким: перейти шоссе на Верею, заложить мины и, разделившись, идти дальше. Местность Вера и без карты помнила отлично. Позади Обухово. Правее, далеко, Кубинка. Слева дорога на Верею, впереди правее – Крюково, Головово. Неподалеку петляет Нара с топкими, но сейчас замерзшими берегами. За Нарой – немцы. Линия фронта четко идет по реке...

На краю поляны Крайнов приказал Вере с двумя бойцами стать «головным охранением», то есть идти вперед, не теряясь из виду. До черной громадины леса оставалось метров сто, когда пулеметная очередь разорвала тишину в клочья. Разведчики отползли в укрытие. После обстрела не досчитались семерых: тройки с Верой и четверки с Алей Ворониной. Поиски ничего не дали. Потеряв почти треть состава, отряд направился к Петрищеву: основной

задачей группы было уничтожение расположенного там узла радио-разведки для обеспечения контрнаступления РККА под Москвой.

Но тройка Веры успела дойти до леса и соединилась с группой Ворониной. Основной отряд они не нашли. Решили действовать самостоятельно. За полночь пересекли дорогу между Якшиным и Головковым. Заложили мины, по поляне с молодым ельником двинулись к лесу. Ветер стих, и тут вышла луна. Очередь прошла поляну неожиданно. Часть группы успела отойти в лес. Вера упала, взмахнув рукой. У дороги взревели моторы, потом их звук затих вдали... Разведчики нашли одного убитого и пятна крови на снегу – там, где упала Вера. Тела не было.

В ту ночь группа нарвалась еще на две засады, но все обошлось. Они перешли линию фронта у Больших Семенчиков. Сообщили о гибели Веры и узнали, что под Петрищевым попала в плен Зоя. Но с этого момента история двух подруг пойдет по равно устрашающим, но очень разным сценариям.

О смерти Зои мир узнает после публикации очерка «Таня» в «Правде»: она не выдала даже своего имени, назвалась немцам Таней. Фотографии ее, размещенные в газете, врезались в память всего поколения. Немцы глумились над телом после смерти... Все это было каким-то бесконечным кошмаром: ее опознание, вокруг которого, кстати, тоже было много горького, поскольку за право называть себя мамой героини билось минимум с десятков женщин...

Ну а Вера пропала. И в феврале 1942 года мама Веры получила письмо, написанное незнакомым почерком: «Волошина Вера Даниловна пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага. Майор Спрогис». Клавдия Лукьянова ждала дочь долгие годы. Разве можно проститься с Верой? Она же

не может умереть... А пока жива вера, не умирает и надежда...

...Годы шли. Имя Тани-Зои давно стало святым. И вот. Когда Клавдия Лукьянова уже отчаялась узнать о дочери хоть что-то, ей позвонил Георгий Фролов, следопыт, историк войны, решивший «раскопать» историю Веры до конца. Путь, проделанный им, тоже подвиг. Он не мог смириться, что кто-то «пропал без вести». Он провел колоссальные изыскания, восстановил возможный путь разведгруппы и однажды по Якшинской дороге вышел к уютному, ситцевому селу Головково. И местные жители сразу опознали в предъявленной им фотографии девушку, которую 29 ноября 1941 года, в один день с Зоей Космодемьянской, повесили в селе. Более того – сохранилось даже гигантское дерево, то самое...

Местные помнили, какой это был кошмар. Немцы привезли девушку в грузовике – еле живую после пыток, с простреленным плечом, едва прикрытую обрывками белья. Велели встать, даже попытались помочь это сделать, но она оттолкнула руки и встала в кузове сама. Она не видела ивы, но все понимала. Пока на дерево прилаживали веревку, она говорила. На немецком, которому в школе учила ее сосланный в Кемерово немка. И на русском, чтобы поняли те, кого пригнали смотреть. Сказала, что не боится умирать. И что верит в победу.

Офицер махнул рукой в перчатке – кончайте, холодно. Немец-водитель никак не мог завести грузовик – тряслись руки. Он еще не привык убивать. Но вот машина дернулась и поехала. Девушка крикнула – прощайте! Все было кончено. Местные жители смогли снять тело лишь в середине декабря, когда немцев отбросили от Москвы. Похоронили девушку с почестями. Она так и осталась для селян «партизанкой» без имени – почти на 20 лет.

Клавдия Лукьянова успела приехать на могилу дочери. А Георгий Фролов написал о Вере и Юрии Двужильном книги.

...Сегодня в Головково именем Веры Волошиной назван местный лицей, возглавляемый чудесной женщиной, Татьяной Хударовой. Директор школы-лицея – энергичная, яркая, свято блюдет школьный музей, посвященный Вере. Когда я приехала туда впервые, она отвела меня к этой страшной достопримечательности – иве. Она была совсем старой, ствол ее будто вывернуло наружу и руку-ветвь дерево тянуло к дороге. Смотреть на нее было невозможно, и я искренне обрадовалась, узнав, что дерево упало и больше его нет. Зато есть обелиск. Скромный камень на месте гибели. Вера смотрит с камня – как живая.

Зое дано было стать героиней сразу. Но покоя ее душа не обрела долго. Ее тело, над которым фашисты измывались, эксгумировали для опознания на волне пересмотра истории. Истрепали, как тряпку, ее имя, договорившись до того, что не было ни ее, ни подвига, ни даже немцев в Петрищеве! Но пересмотреть факты истории мешают в том числе и показания унтер-офицера Карла Бейерлейна. «Она ничего не сказала!» – признал он. Так что были немцы в Петрищеве.

И в Головкове были. История идет вперед, но с оглядкой назад. Имя Веры вернули время и память, а хранит его равнодушие – в том числе тех, кто уже не знал войны.

...Свадебное платье Веры хранится в музее Наро-Фоминска. Вера Волошина родилась 30 сентября 1919 года в Кемерово. Казнена 29 ноября 1941 года в селе Головово. 6 мая 1994 года ей присвоено звание Героя России – посмертно.

Юрий Двужильный погиб под Могиловом. 24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПОИСК ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Борис Неменский о войне и творчестве, о России и ее будущем

Беседу вел
СЕРГЕЙ ВОЛОДИН

Наш собеседник, народный художник России Борис Неменский, по праву считается патриархом среди российских мастеров живописи. Он родился в Москве 24 декабря 1922 года. После школы учился в Московском художественном

училище памяти 1905 года. Окончив его с отличием во время войны, отказавшись от брони и после призыва был направлен в Студию военных художников имени М. Б. Грекова. Был на фронте с осени 1942 года, дошел до Берлина.

Его знаменитая картина «Мать» была сразу приобретена Третьяковской галереей в 1945 году. Произведения Неменского находятся в самых престижных музеях мира, а также в частных коллекциях Германии, Японии, Франции, Великобритании и др. Академик Российской академии художеств и академик Российской академии образования, за свое творчество он удостоен многих званий и наград, среди которых Государственная премия РФ, орден «За заслуги перед Отечеством», орден Преподобного Андрея Иконописца. Важное место в жизни художника занимает педагогическая деятельность. Более полувека он преподает живопись на художественном факультете ВГИКа.

Творчество Неменского – классика российского изобразительного искусства, многие полотна художника уже хрестоматийны. Сюжеты его картин нередко связаны с впечатлениями юности, которая прошла на фронтах Великой Отечественной, но содержание их гораздо шире и обращено к современности. Мы решили поговорить с Борисом Михайловичем о том отрезке пути русского искусства, по которому он ступает уже столько десятилетий.

– *Очень многое у людей вашего поколения связано с Великой Отечественной войной. Что она означает для вас лично?*

– Война – всегда трагедия. Но при этом для меня, как и для всех, кто в ней участвовал и вышел, она стала школой жизни,

позволила лучше осознать главные жизненные ценности. Фронтовые годы построили меня как человека, сформировали собственное понимание искусства. Тот двадцатилетний солдат-художник живет во мне по сей день. Главное, что я открыл тогда в себе глубокую общность с нашим народом, с теми людьми, которые отстаивали право жить дальше так, как было начертано историей, предками, самой нашей землей. Несмотря ни на какие повороты судьбы.

Очевидно, что именно поэтому все мои картины – и о войне, и о мирной жизни – так или иначе берут начало там, отражают тот опыт. Тема пережитой войны стала основой для размышлений. Ведь на фронте обостряются, высвечиваются добро и зло, свет и грязь, радость и печаль. Там резко противостоят не только жизнь и смерть, но и долг и трусость, подлость и честь... Я осознал тогда, что понимаю искусство как поиск человечности. И воспоминания о событиях и людях войны превратились в размышления о жизни.

– *Борис Михайлович, хочу попросить вас вспомнить один-два памятных эпизода о минувшей войне. Кто из друзей-товарищей той поры вам особо памятен?*

– На фронт я попал солдатом, но в качестве военного художника. В нашей армии была такая особая воинская часть, созданная еще до войны. Она состояла из офицеров и солдат – профессиональных художников. Их функцией была изобразительная летопись войны. Нашей задачей было делать рисунки и этюды непосредственно в местах боев, на переднем крае.

Мы вели свой особый репортаж с театра военных действий. Не было ни одной сколько-нибудь значительной военной операции, в которой не участвовали бы

Мать. 1945

военные художники. Наши фронтовые зарисовки отправлялись в свой выставочный путь и тоже, можно сказать, работали в боевой обстановке, так что очень большая их часть, к сожалению, не сохранилась. Я всегда помню своих товарищей по Студии – интересных, ярких людей и прекрасных художников. В моей памяти они живы навсегда – Петр Кривоногов, Владимир Гаврилов, Георгий Храпак, Геннадий Прокопинский, Павел Глоба.

Мне довелось работать на многих фронтах. Вначале я попал под Вязьму и Великие Луки, потом – на Ленинградский фронт, затем вместе с частями нашей армии прошел ногами всю Украину, а в апреле 1945-го вошел в Берлин.

На фронте первое время меня привлекала героика – бои, атаки, победы. И казалось, чем ярче, эффектнее, тем и значительней. А потом пришло понимание,

что интересными были не столько действия солдат, сколько они сами – простые люди, одетые в солдатские шинели, своим удивительным упорством решившие судьбу всего мира. Это и стало впоследствии главным содержанием моих картин. Я писал не столько о боях, сколько о судьбах и чувствах людей, через чьи жизни прошла война.

Трудно выделить отдельные моменты. Но, наверное, самыми яркими остаются в памяти первые дни участия в боевых действиях и переживания в дни Победы. Попав на фронт, я вскоре оказался в Великих Луках. Там шли яростные бои. Город остался спаленным дотла, ни одного живого человека, ни одного целого дома. И вдруг солдаты обнаружили маленькую девочку, похожую на выцветшую обессиленную старушку. Она ничего не говорила, не просила, и уже не плакала, только смотрела.

Дыхание весны. 1955

Солдаты окружили ее, стараясь накормить и поддержать этот еле теплящийся комочек жизни. И мне показалось, они тоже согревались около нее. Это ранящее воспоминание через годы превратилось в мою картину «Солдаты-отцы». Все мои картины заключают в себе исток личного впечатления,

являются раздумьями, обобщениями реального опыта.

Я хочу сказать, что во время войны все вокруг понимали, зачем я рисую. В наших зарисовках, может быть чересчур беглых, была подлинная правда чувств непосредственных участников тех событий. Вот, вспоминая, как писал этюд во время боя

на Фридрихштрассе, охваченной пламенем улице Берлина. Стоял гул. Дым бурными вихрями рвался в небо, а пепел все время приходилось сдувать с палитры. Дома постепенно обрушались. И солдаты, пробежавшие мимо, все время пытались передвинуть меня подальше: «Гляди, завалит!». Но при этом добавляли: «А ты рисуй! Рисуй, как гитлерово логово горит!». В день Победы я залез по штурмовым лесенкам на Бранденбургские ворота, на самый верх. Забрался там на крупного коня триумфальной колесницы, сильно пострадавшей от обстрелов, и устроился писать этюд еще догоравшей улицы. Я яростно создавал «памятник истории». Жаль, что этот этюд не сохранился до наших дней.

– После исчезновения с географической карты мира страны с названием СССР, предпринимались попытки, в чем-то успешные,

необходимые, а в чем-то тщетные и глупые, подвергнуть ревизии советскую литературу и искусство. Как вы сегодня оцениваете достижения в этих сферах в советское время?

– Очень высоко! Может быть, ни одна другая страна не имеет

такого богатого «портрета самой себя», такого уровня осознания своей красоты, самобытности и своих проблем. Замечательные произведения тогда рождались в музыке, литературе, кино, театре, изобразительном искусстве. Нередко это случалось наперекор официозу, но не наперекор реальным чувствам и чаяниям людей. Попробуйте вычеркнуть это искусство из нашей жизни, из жизни всего мира, как бы сейчас ни складывались обстоятельства, и настанет провал, случится обнищание культуры. Да, несомненно, наше искусство в целом – часть европейского и мирового, но у нас свой путь, и особенно это проявилось в XX веке. Хотя просматривалось всегда, с эпохи иконописи. Русское искусство во все периоды истории отличает поиск духовности. Россия – страна трудной, но тонкой духовной культуры, страна, которая достойно прошла через многие испытания и муки. И это выражено в творчестве художников.

Лучшее искусство советского периода – о жизни. Со всеми ее противоречиями и разночтениями. В этом его глубинная суть. Это отражение потребности языком искусства выразить свою радость или боль, сомнения, поиск истины. И те, кто пытается покрасить его в единую черную или серую краску, унижают не только искусство России, но и всю ее историю.

– В этой истории случалось всякое. И в разных сферах жизни. Были печальные, трагические страницы. Хотя, согласен с вами, черно-серый подход изначально ущербен.

– Мне, конечно, ближе моя «сфера». Да, административно-идеологический нажим и репрессии делали свое черное дело. Да, было громадное число

иллюстративно-помпезных картин, но и у художников, и у зрителей они вызвали соответствующую оценку, а иногда и брезгливость. При этом многие художники старшего поколения всей душой разделяли романтику революционных лет и верили в красоту повседневной жизни простого человека. Их романтические, трагические и лирические работы выражали мечты и тревоги тех лет. Да, мечты подчас неосуществленные, а то и обманутые. Как и оправдавшиеся тревоги.

Общий для всех европейских художников тогда стиль времени раскрывался в искусстве у нас и на Западе очень по-разному. И в первую очередь это было связано с различием в ценностных основах. Сейчас очень заметно, насколько у нас разные нравственные истоки и разная вера. В России расцветало искусство сложных раздумий, и это происходило наперекор официозу, параллельно с ним.

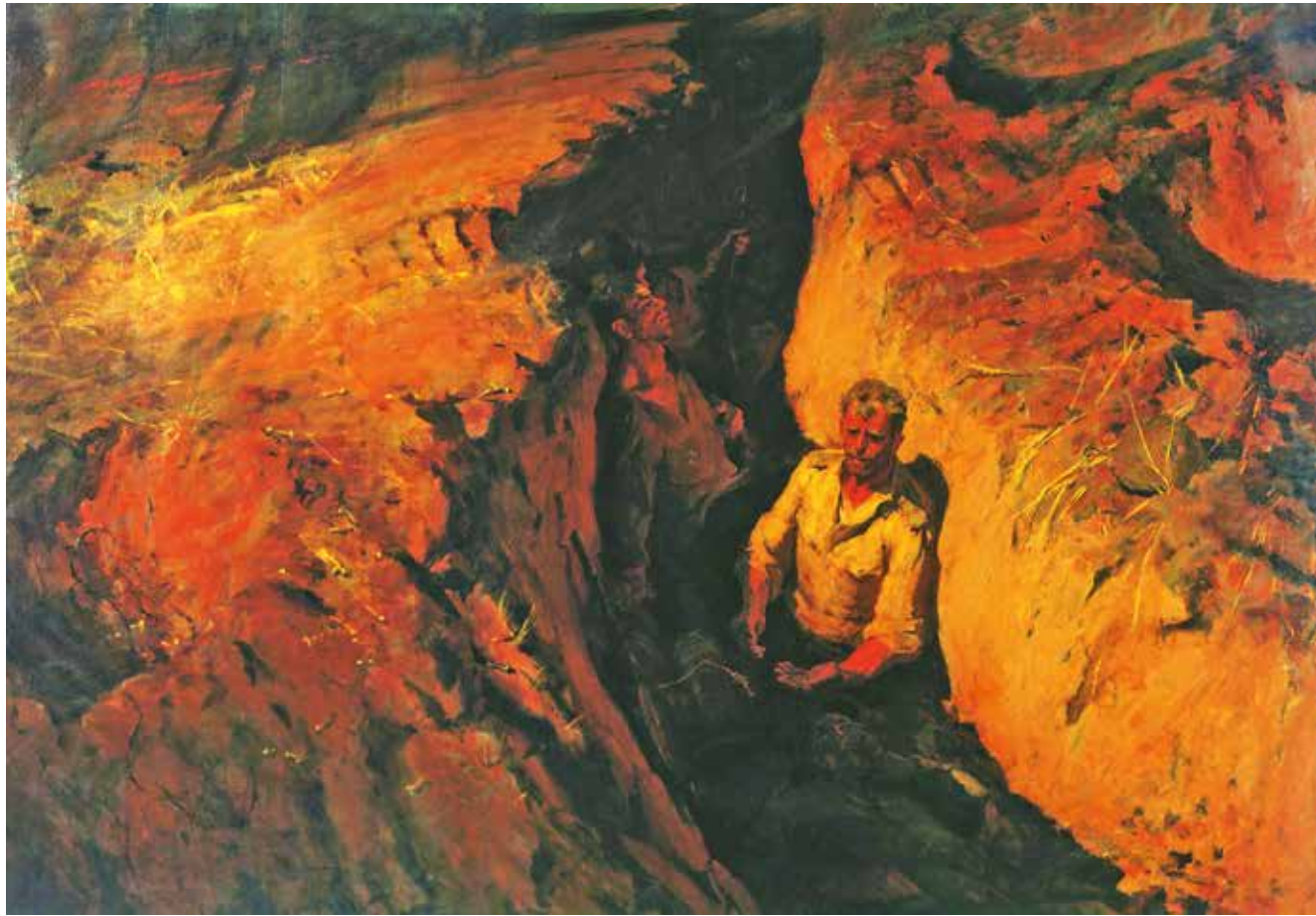
– Думаю, сейчас наступил момент вспомнить о тех, с кем вы работали в одно время, кто были вашими единомышленниками.

– Моими старшими друзьями были прекрасные художники – мощный, умевший мастерски передавать трагизм жизни Павел Корин и светлый, мечтательный Юрий Пименов. Павлу Михайловичу нравились у меня картины проблемные, метафорические, наполненные драматизмом. А Юрий Иванович считал моей более сильной стороной лирику и всячески склонял к ней. Также много значило для меня творчество коллег и друзей по Союзу художников, таких непохожих друг на друга, как, например, Валентин Сидоров, Виктор Иванов, Андрей Горский, Дмитрий Жилинский, Таир Салахов... Разве всех перечислишь!

Мне представляется, что во второй половине XX века у нас было очень яркое и самобытное искусство. Не могу не вспомнить своих учеников. Среди них прекрасный колорист, народный художник России Владимир Ельчанинов и другой народный художник Вячеслав Самарин с его трудными глубокими картинами, где каждая деталь, что называется, «говорящая». Перед глазами и замечательное полотно Валерия Балабанова, тоже народного художника: вздыбленные в противостоянии друг другу черный и белый кони. Зритель обязательно находит в этой работе глубокие смыслы. А вот еще один народный художник – Михаил Абакумов. Когда он учился у меня на первом курсе во ВГИКе, я написал с него портрет «Миша, солнце и цветы»: такой светловолосый крепкий парень в венке из желтых одуванчиков, и совсем другой образ – сильного, волевого, напряженно думающего художника – его я сделал через пять лет, этот холст сейчас в Третьяковской галерее. Или лиричный пейзажист Виктор Брагинский! Таких мастеров в нашей живописи много.

Все они учились и работали в советское время, а потом не потерялись и в современном мире, хотя у каждого своя судьба. Художник – сын своего времени, своего поколения, своей страны, средоточие ее чувств, мыслей, отношений. Именно в этом контексте он прокладывает собственные пути интерпретации реальности. Я вырос в традициях русской культуры, я русский художник и потому убежден в этом.

– До сих пор можно услышать насмешливые оценки в адрес термина «социалистический реализм». Многим это малопонятно. Ведь нет же, скажем, такого понятия как «капиталистический реализм».

Земля опаленная. 1957

– Реализм – это искусство, в котором художник стремится выразить личное отношение к реалиям жизни. Я реалист. А понятие соцреализм я никогда не понимал, и вряд ли мое творчество соответствует этому понятию. Несмотря на обстоятельства, я всегда чувствовал себя свободным и искренним художником и никогда не работал на заказ. У меня нет ни одной идеологической, политической вещи, нет и официальных портретов. Хотя теперь многие говорят, что это невозможно, что советские художники должны были отрабатывать госзаказ. Первый раз я понял, что любое высказывание художника имеет политическое содержание, когда поначалу не принималась моя картина «Дыхание весны» (сегодня она в Русском музее). Официально

мне заявили, что солдат на фронте должен думать не о весне и подснежниках. Да, ругали меня часто, несколько раз снимали мои работы с экспозиции престижных выставок, обвиняя за содержание работ. Из-за желания дописать картину «Безымянная высота» мне пришлось уйти из Студии военных художников имени Грекова.

Сейчас принято говорить, что все, что было в те годы, – это либо официоз (назовем его, ладно, соцреализмом), либо нонконформизм. То есть в обоих случаях – ярко политизированное творчество. Но так вычеркивают из нашего искусства основную линию его развития. Это какое-то стремление к упрощению и к эстетической заданности в угоду политике. Причем это свойство просматривается порой

и у тех, кто тоскует по ушедшей системе, и у тех, кто ее ненавидит. Поэт Леонид Мартынов прекрасно подметил: «Движутся старые с малыми будто музейными залами, глядя в безумной надменности, как на окаменелости, на золотые от зрелости ценности современности».

Парадное искусство с объяснимой необходимостью присутствует в любую эпоху и при любой власти. Это тоже одна из функций творчества. Есть искусство, иногда очень мастерское, но поверхностное. Есть искусство, которое обращено прежде всего к коллегам-художникам, потому что творческий акцент сделан на поиске новых форм художественного высказывания. И есть произведения, которые создают видение мира, в зрительном образе отражают невыраженное словами, но чувственно значимое.

– Все уходит на второй план, когда пробивается что-то по-настоящему талантливое, несущее людям открытия и нечто необъяснимое, завораживающее...

– Да, это и есть искусство. Помимо политической системы и ее запросов, помимо социального строя была и остается русская культура, никуда не уходят основные вопросы, которые она ставит, и основные проблемы, которые ее волнуют. Я, как художник, всегда работал в контексте русской реалистической школы, а для нее на первом месте всегда стояли темы сострадания, милосердия, любви. И эта традиция никак не заглохла в советское время, наоборот, расцвела. Мне очень повезло этот расцвет застать и при нем работать.

Кстати, расцвет был не только русского искусства. Россия сумела тогда передать свой культурный импульс художникам союзных республик и автономий, вскормила интереснейшие национальные художественные школы – от Прибалтики до Закавказья и Средней Азии. Они учились в Москве и Ленинграде, а потом становились яркими оригинальными художниками, создававшими особый образ своего национального искусства. Именно художниками, а не ремесленниками. Они учились в наших вузах, а потом совершенствовались в наших домах творчества, где безостановочно шел уникальный диалог культур.

И еще, что особенно важно: тогда зритель смотрел на искусство прежде всего как на духовную пищу, а не как на материальную ценность. Это создавало совсем другую творческую среду – не такую, как на Западе. И в этом была сила нашего искусства.

Зрители играли огромную роль. Они не были равнодушны, ставки всегда сопровождалась спорами, дискуссиями. И вокруг моих картин возникали острые

диспуты – сохраняю поныне письма зрителей, статьи в газетах и журналах, книги отзывов. Спорили не просто о картине – о понимании жизни.

Я убежден, искусство – важнейший инструмент самопознания и самостроительства и для человека, и для общества в целом. Для меня картина – не украшение стены, а раздумье, нацеленное на беседу, соразмышление со зрителем.

Сюжеты моих картин всегда связаны с пережитым личным впечатлением. Но потом я долго работаю, осмысливая случившееся, ищу средства выражения. Сам холст пишу довольно быстро. А вот готовлюсь, ищу пластический образ долго. От первого эскиза до картины проходит большой путь, делается множество натурных этюдов. В моих картинах, если это, конечно, не портреты, обычно нет изображения конкретного человека – это всякий раз собирательный образ и, я бы сказал, уже символический, по сути своей, образ. Это есть даже в первых картинах – «Мать», «Машенька», «Дыхание весны», и уж конечно, в более поздних, в таких иносказательных раздумьях, как «Это мы, Господи!», «Притча об инакомыслии», «Здесь твой сын»... Стремлюсь, чтобы каждый фрагмент на полотне не был случаен, а нес метафору. Поэтому мои основные картины можно было бы назвать «символическим реализмом». Если уж хочется прибавить к термину «реализм» какое-то определение...

Но, конечно, я люблю писать и портреты. Нет ничего интереснее лица человека! Но портрет для меня – это не копия натуры. Это натура плюс ты сам. Цель работы – раскрытие понимания-видения образа портретируемого, поэтическая интерпретация его личности.

– Думаю, вас не может не волновать, что происходит

с искусством России сегодня. Поделитесь наблюдениями.

– На вопрос о современности, в том числе об искусстве, нет и быть не может однозначного ответа. Увы, сейчас ценность искусства зачастую приравнивается к успешной продаваемости произведений. Тогда радуются галерейщики – идет торговля искусством. Каким? Тем, конечно, что приносит прибыль. У меня горечь на душе от неоправданной, бессмысленной потери искусством подлинных духовных целей, идеалов, великих традиций. Почему мы так ернически наслаждаемся самоунижением – самоуничтожением? У меня нет ответа и полного понимания. Согласен с русским поэтом, философом Вячеславом Ивановым: «Вся человеческая культура до сих пор остается протестом против смерти и разрушения». По крайней мере, должна оставаться.

Активно навязываемое нам так называемое актуальное искусство – скорее об обратном. Это подавление человечности в самом себе и в других. Хотя, конечно, искусство – это и поле спора, пространство поиска. Нельзя потерять многосложной сути искусства.

Каждый период нашей истории драматичен, и сегодня жизнь сложна, наполнена такими невероятными противоречиями, которые современнику иногда невозможно осознать. Но никто кроме нас не может выстроить нашу жизнь так, чтобы она несла больше радости и доброты.

Знаете, я люблю строки Алексея Толстого: «Други, гребите! Напрасно хулители мнят оскорбить нас своею гордынею. На берег вскоре мы, волн победители, выйдем торжественно с нашей святынею!». И потом: «Мы же возбудим течение встречное – против течения!». Что бы ни происходило, я смотрю в будущее с надеждой.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВЕТСКОМ КИНО

Фильмы, рассказавшие правду о войне

ЕКАТЕРИНА ГРИГ

Во время Великой Отечественной войны, а также в первые послевоенные годы советское кино в основном было сосредоточено на темах героизма, самопожертвования и единства советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками.

В постсталинскую эпоху произошло изменение в подходе к изображению войны. С началом хрущевской «оттепели» кинорежиссеры получили большую художественную свободу, что привело к созданию фильмов, исследующих психологические и эмоциональные последствия самой кровопролитной и разрушительной войны в истории человечества.

Фильм «Летят журавли» (1957) режиссера Михаила Калатозова – это более личный и эмоциональный взгляд на войну. История молодой пары, разлученной войной, раскрывает темы утраты, тоски и бесчеловечности войны, отходя от чисто героических изображений. Картина, получившая международное признание, была удостоена «Золотой

пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля.

Военная психологическая драма «Баллада о солдате» (1959) Григория Чухрая рассказывает о молодом солдате Алеше, которому после совершенного им подвига предоставлен короткий отпуск, чтобы навестить мать. Во время путешествия его ждут разные встречи и первая влюбленность... Это картина о любви, доброте и скоротечности счастья в военное время. В отличие от традиционных военных фильмов, «Баллада о солдате» акцентирует внимание на переживаниях героев, а не на боевых сценах.

«Чистое небо» (1961) – драма, также снятая Григорием Чухраем, исследует жизнь советского летчика в годы войны и после ее окончания, затрагивая темы политических репрессий, искупления и духовной стойкости. Главный герой Алексей Астахов попадает в немецкий плен, откуда ему удастся бежать. Однако на родине его встречают не как героя. Часто бывших военнопленных считали предателями и относились к ним с большой подозрительностью. Эмоциональное ядро фильма составляют борьба Алексея за возвращение в общество, а также его отношения с преданной Сашей. Лишь с началом «оттепели» Алексей получает возможность восстановить свое честное имя.

Представив более гуманистический и личный подход к политическим вопросам, «Чистое небо» стало важной вехой в советском кино. Это был один из первых

фильмов, открыто критикующих сталинские репрессии.

Картина получил Гран-при на Московском международном кинофестивале в 1961 году.

«А зори здесь тихие» (1972) – военная драма, снятая Станиславом Ростоцким по одноименному роману Бориса Васильева. Картина, номинированная на премию «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке» (1973), рассказывает трагическую и героическую историю советского зенитного расчета, состоящего из пяти девушек и их командира – старшины Васкова. Они неожиданно сталкиваются с группой немецких диверсантов, пытающихся проникнуть на советскую территорию. Несмотря на численное превосходство противника, девушки решают дать бой, проявляя невероятное мужество и самопожертвование. По мере развития сюжета фильм раскрывает истории, мечты и надежды каждой из героинь.

В 1970–1980 годы советские военные фильмы приобрели более сложную и многослойную структуру. Такие картины, как «Они сражались за Родину» (1975) Сергея Бондарчука, рассказывали об истинной цене победы.

Этот эпический военный фильм, основанный на романе Михаила Шолохова, повествует о битве за Сталинград, показывая тяжелые условия, в которых сражались советские солдаты. Реалистичные сцены битвы, измотанные в сражениях бойцы... Картина стала ярким примером правдивого изображения войны.

Фильм Элема Климова «Иди и смотри» (1985) выделяется своим жестким изображением нацистских зверств в Белоруссии. Использование элементов сюрреализма подчеркивает всю бесчеловечность войны.

Главный герой, белорусский подросток Флера, присоединяется

к партизанам, но вскоре сталкивается с ужасами войны, становясь свидетелем жестоких преступлений против мирных жителей. Избегая традиционных боевых сцен, фильм передает весь ужас, страх и отчаяние людей. Картина остается одним из самых мощных антивоенных заявлений в истории кино и одним из самых страшных военных фильмов.

Фильмы о Великой Отечественной войне стали не только важным аспектом культуры, но и мощным

инструментом формирования исторической памяти. Развиваясь десятилетиями, советский кинематограф прошел путь от ранней патриотической пропаганды до глубоких психологических и эмоциональных произведений, раскрывающих всю правду о войне. Эти фильмы остаются важной частью кинематографического наследия, продолжая оказывать влияние на мировое кино и помогая понять советский взгляд на Вторую мировую войну.

